

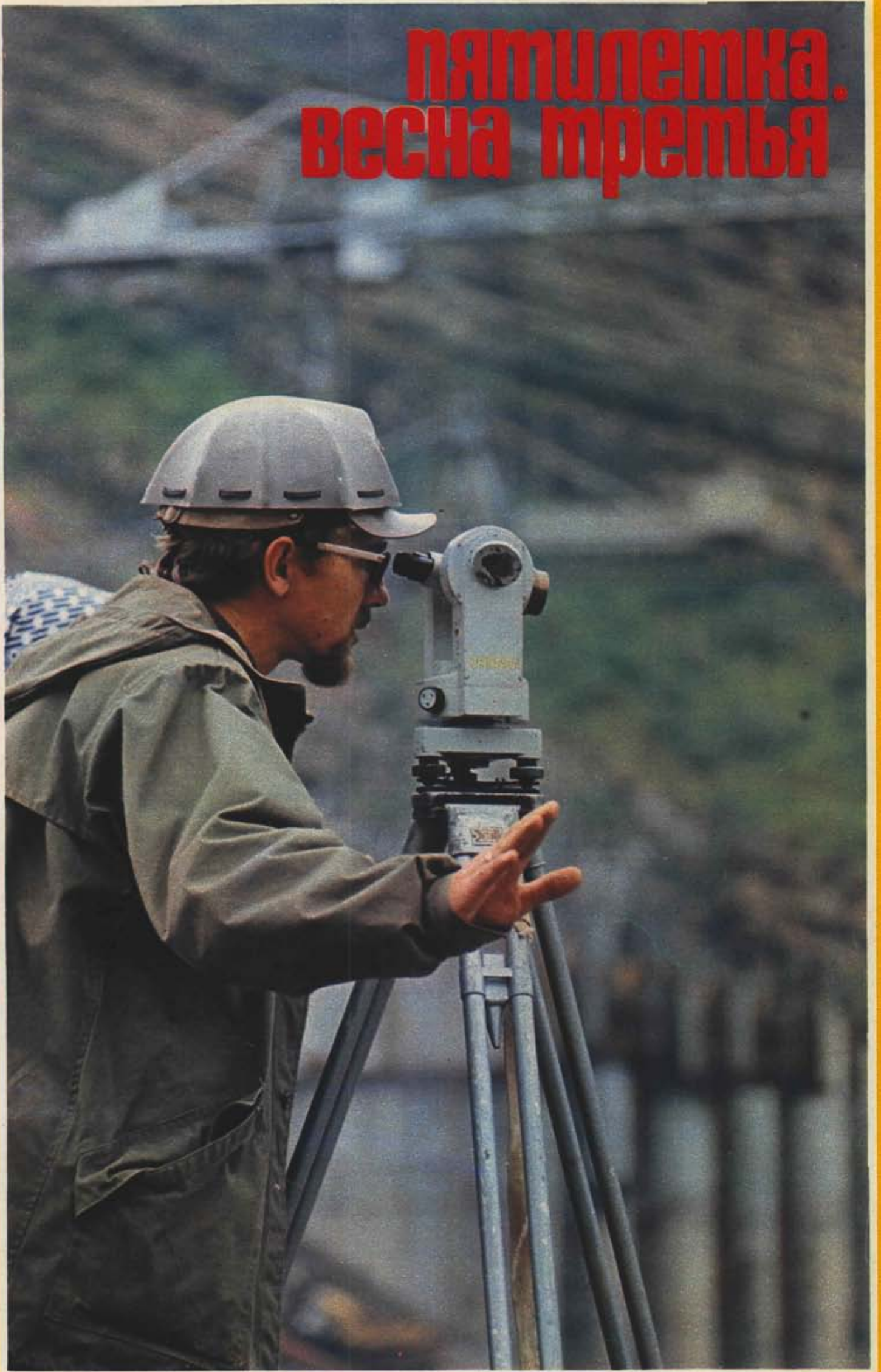

**пятилетка.
весна третья**

Строитель

ISSN 0131-6656

№ 7 АПРЕЛЬ 1983

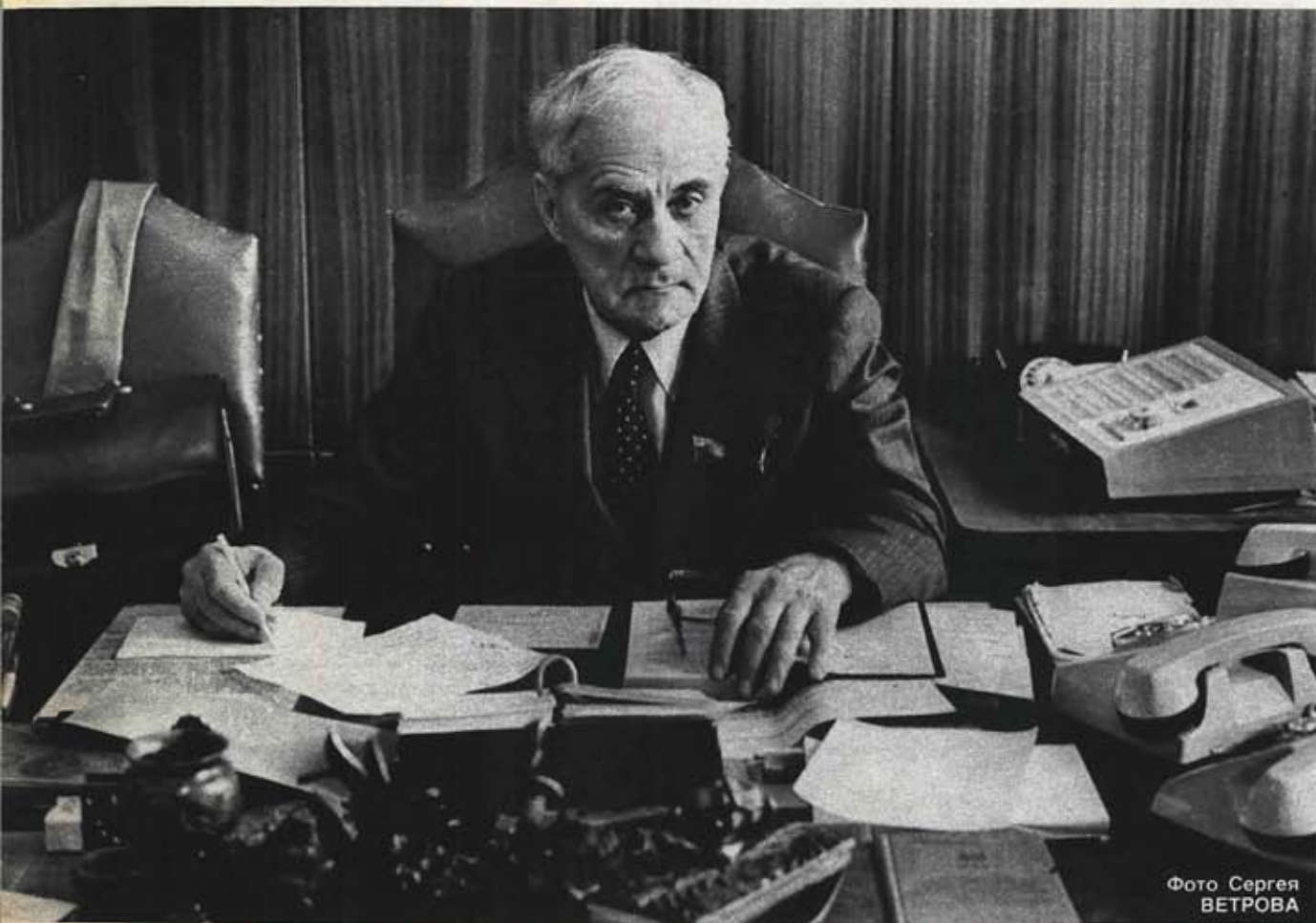

Фото Сергея ВЕТРОВА

тера, Жан-Жака Руссо, Мольера, Шиллера, Гете, Макиавелли, Мальтуса, Дикенса, Гольдсмита, Золя, Гюго, Котляревского, Белинского, Герцена, Канта, Шопенгауэра, Чехова, Достоевского, Толстого. А впоследствии «звуков небес заменить не могли мне скучные песни земли».

Сейчас я оцениваю мамины педагогические приемы научить меня самостоятельно работать. Она говорила: «Жизнь для нас с тобой трудна, а будет, быть может, еще труднее. Я работаю медицинской сестрой, а ведь тебе 15 лет. Все наше спасение в труде... Пока есть возможность, учись, читай, набирайся знаний. Помни, тебя сейчас никто не контролирует. Ты сам должен понять, что надо трудиться, как важно научиться работать над книгой». Эту привычку к самостоятельному труду я сохранил на последующие годы. Доверие ко мне, к моей сознательности воспитывало убеждение, что я уже не ребенок.

Мама говорила мне: «Никогда не хитри. Хитрость, в особенности мелкая, в чем бы она ни выражалась, всегда очевидна наблюдательному человеку, как пятно от томатного сока на белоснежной скатерти. Человек, уличенный в хитрости, подобен близорукому глупцу, не заслуживающему ни доверия, ни уважения».

В Сочи мы жили очень бедно. Брали один обед на двоих.

Удивительное свойство мамы — всегда довольствоваться тем, что было у нас. Если на день у нее был 1 рубль, то она жила на 98 копеек. Недостатка у нас не было никогда, как бы мало мы ни имели. «Все необходимое, ничего лишнего» — девиз, который не менялся ни в

МОЕ КРЕДО

Есть люди, чьи профессиональные, общественные достижения вызывают глубокий интерес, почитание и уважение молодежи. К их числу относится крупный ученый и воспитатель молодых инженеров Георгий Александрович Николаев — академик, ректор МВТУ имени Н. Э. Баумана.

Он многое сделал в области сварки, обогатив науку фундаментальными, теоретическими и экспериментальными исследованиями. Им впервые были установлены основные характеристики прочности сварных конструкций и разработаны технические условия на их проектирование. Его исследования собственных напряжений и деформации сварных конструкций явились основой ряда новых направлений в науке о сварке. Они послужили теоретической и практической базой широкого внедрения сварки в различные отрасли народного хозяйства. В период Великой Отечественной войны Г. А. Николаев оказывал большую помощь промышленности по внедрению сварки при производстве оружия. За разработку нового метода сварки и резки биологических тканей, получившего широкое распространение в хирургической практике, Г. А. Николаев в 1972 году удостоен Государственной премии. Он является создателем и руководителем крупной научной школы сварщиков.

Он многое сделал как учитель и воспитатель молодых инженеров.

Ну, а какие силы движут им самим, каковы взгляды на жизнь, принципы, правила, которыми он руководствуется?

Видимо, его нравственная позиция дает ответ на эти вопросы. Она, на наш взгляд, выражена в предлагаемой читателю «Смены» статье.

Г. А. НИКОЛАЕВ,

Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, академик, ректор МВТУ имени Н. Э. Баумана

Я родился в Москве в 1903 году. Отец мой, Александр Петрович Николаев, был адвокатом. Моя мать, Евгения Владимировна Николаева, — дочь политкаторжанина, сосланного за революционные выступления в начале века и скончавшегося в 1917 году.

Мать окончила Высшие женские курсы, в период 1914—1920 годов работала медицинской сестрой. С 1921 года вернулась к профессии педагога.

До 1917 года мы с мамой жили безвыездно в Москве. Я учился в гимназии с 3-го по 6-й класс.

В 1917 году переехали в Сочи и

вернулись в Москву в 1921 году.

Мое образование и воспитание с детства до последних дней жизни мамы находилось под ее огромным влиянием. Ее авторитет для меня и для всего нашего окружения был непререкаемым.

Мое кредо сформировано в основном под ее влиянием. Я привожу его в виде жизненных советов, которым я старался следовать по мере возможности.

Значительное влияние оказал на мою психологию коллектив бауманцев, в котором я прожил почти всю свою сознательную жизнь, в особенности партийная организация.

Моя мать была революционером по духу. Она приветствовала революцию не как способ улучшения собственного быта, а как способ освобождения народа от гнета, открывший ему путь к просвещению, лучшей жизни.

Она говорила: «Я помню старый мир, как офицеры били по щекам денщиков, как платили помещики, обладавшие огромными богатствами, женщинам-

поденщицам по 25 копеек в день, с каким презрением третировали барыни домашних работниц».

«Я приветствую новый мир, я верю в свой народ, люблю свою страну».

Такому отношению к новой жизни она учила и меня.

«Иди в ногу с трудовым народом и находи свое место в жизни упорным трудом».

Меня она воспитывала в староинтеллигентском стиле в хорошем смысле этого слова. Вот ее заветы: «интересуйся всем», «побольше читай», «умей устанавливать отношения с товарищами, но оставайся всегда самим собой», «никогда не будь груб ни с кем и не заискивай ни перед кем», «люди всех национальностей — русские, евреи, татары — должны пользоваться у тебя одинаковым уважением. Цени человека, а не его национальность, не суди по внешности».

Во Флеровской гимназии я тотчас стал первым учеником. До сих пор у меня сохранился аттестат с круглыми пятерками. Зубрежкой я не занимался. Но память у меня была абсолютной, я не знал, что такое шпаргалка, она мне была не нужна. Иногда я не все понимал, но всегда помнил все. И подготовка у меня была разносторонняя и хорошая. К сожалению, я был неряшлив, рассеян, почерк у меня был очень плохой.

Февральская революция застала меня в 6-м классе гимназии. На нашей квартире у Никитских ворот в Октябрьские дни мы переживали тяжелые моменты, находясь в центре обстрела.

18 ноября 1917 года мы выехали в Сочи. Сочи был маленьким городом, тихим «болотом». Там я работал и еще раз работал. Я читал английскую, французскую, немецкую историю, философию, беллетристику, критику, хватался жадно за все: Эсхила, Софокла, Овидия, Горация, Данте, Бокля, Рескина, Дарвина, Шекспира, Лонгфелло, Воль-

тер, Жан-Жака Руссо, Мольера, Шиллера, Гете, Макиавелли, Мальтуса, Дикенса, Гольдсмита, Золя, Гюго, Котляревского, Белинского, Герцена, Канта, Шопенгауэра, Чехова, Достоевского, Толстого. А впоследствии «звуков небес заменить не могли мне скучные песни земли».

Сейчас я оцениваю мамины педагогические приемы научить меня самостоятельно работать. Она говорила: «Жизнь для нас с тобой трудна, а будет, быть может, еще труднее. Я работаю медицинской сестрой, а ведь тебе 15 лет. Все наше спасение в труде... Пока есть возможность, учись, читай, набирайся знаний. Помни, тебя сейчас никто не контролирует. Ты сам должен понять, что надо трудиться, как важно научиться работать над книгой». Эту привычку к самостоятельному труду я сохранил на последующие годы. Доверие ко мне, к моей сознательности воспитывало убеждение, что я уже не ребенок.

Мама говорила мне: «Никогда не хитри. Хитрость, в особенности мелкая, в чем бы она ни выражалась, всегда очевидна наблюдательному человеку, как пятно от томатного сока на белоснежной скатерти. Человек, уличенный в хитрости, подобен близорукому глупцу, не заслуживающему ни доверия, ни уважения».

В Сочи мы жили очень бедно. Брали один обед на двоих.

Удивительное свойство мамы — всегда довольствоваться тем, что было у нас. Если на день у нее был 1 рубль, то она жила на 98 копеек. Недостатка у нас не было никогда, как бы мало мы ни имели. «Все необходимое, ничего лишнего» — девиз, который не менялся ни в

период бедности, ни в период хорошего достатка. Жизни на принципе превышения расходов над доходами мама не признавала даже на короткие сроки. В Сочи в течение пяти месяцев по вечерам я учился в слесарской школе, но слесаря из меня не получилось. Потом 10 месяцев я работал санитаром в острозаразном лазарете, где мама была медицинской сестрой. Носил тифозных и холерных. Сами мы оба переболели сыпным тифом, ко всему привыкли. Научился уважать труд простого человека.

Со 2 января 1921 года мы снова в Москве.

Оглядываясь на пройденный путь, критически оцениваю правильность изречения Горация: «Лови момент, меньше всего рассчитывая на будущее». Каждому возрасту свое. В детстве — изучение иностранных языков, закалка тела, развитие памяти. Гуманитарное образование важно получить в молодости, оно имеет огромную пользу. Оно неповторимо.

Мама учила помнить, что человек не остается постоянным, он мечется — один в лучшую, другой в худшую сторону. «Если можешь, действуй на его изменение в лучшую».

Я выработал для себя некоторые непреложные правила. Вот, например, такие.

Видя человека в интеллектуальном и культурном отношении выше себя, стараться подняться до его уровня, а тех, кто ниже, подтягивать к своему, но не опускаться самому.

Надо стараться находить положительные стороны и в окружающей обстановке — природе, погоде, условиях быта, путешествиях, чтении и так далее. Неприятности стараться переносить легко. Ожидать за ними прихода хороших моментов.

Дисциплинировать самого себя. Быть всегда пунктуальным и требовать этого

от других. Будучи администратором, быть особо щепетильным в отношении использования служебного положения, получения каких-либо благ сверх установленных строго законом.

Порядок вводить во все — в составление аннотаций прочитанных книг и статей, экспертиз, протоколов совещаний.

Планировать личную деятельность стратегически и тактически, но не быть мелко формалистичным, не переживать неизбежных отклонений от намеченного плана.

Помните, что дружба и любовь — это забота о человеке. Забота должна идти на пользу и не быть обременительной для другого. Если делаешь что-либо хорошее кому-либо, значит, тебя самого это удовлетворяет, ни в коем случае не требовать благодарности.

Не завидовать никогда, никому, ничему. Убедить себя в том, что предмет предполагаемой зависти для тебя не первая необходимость.

Научиться убеждать себя. Например, входить в воду при +4°C, не бояться высоты и так далее.

В моей работе мне помогало многое — довольно прочное гуманитарное и математическое образование. Быть техником легко, когда имеется такая база. Мне помогало хорошее знание французского, немецкого, английского и латинского языков. Человек, читающий иностранную литературу в подлинниках, чувствует себя более уверенно, нежели тот, кто знает ее по переводам.

Я всегда терпеть не мог бесполезной траты времени и старался организовать свой труд. Особенно бесполезны пустые разговоры, пережевывание косточек ближним или изучение вопросов, хорошо уже известных.

Никогда не вступать в жаркие споры, когда речь идет не о существе вопроса, а лишь о форме. Никогда не стараться приписывать себе чужие мысли. Научные работники ценят их больше всего. Они дают им удовлетворение. А приписывание себе — это обкрадывание других.

Работая много и разнообразно, я сумел убедить себя, что никогда не чувствую усталости. При многообразии, в частности, моего труда, это сделать легко. Вполне разделяю проверенную на опыте точку зрения И. П. Павлова: «Перемена труда — это и есть отдых». Сначала читаешь лекцию, потом начинаются разговоры в кабинете, едешь на завод, сидишь на заседаниях. Надо убедить себя, что это есть не что иное, как текущая жизнь, и забыть об усталости.

Еще одно свойство, которое я постепенно вырабатываю в себе, — не волноваться попусту. Чаще всего волнения происходят не по серьезным причинам, а по пустякам.

В детстве я, пожалуй, принадлежал к эмоциональным подросткам, много позднее в течение длительного времени убеждал себя, что неудачи — это мелочи и волноваться не следует. Особенно помогли излечению от ненужных волнений 30-е годы и время войны. Было настолько много действительно тяжелого, что постепенно приучал себя не обращать внимания на второстепенное.

Я не испытываю волнения во время лекций и всевозможных выступлений, не ощущаю устремленных глаз, чувствую себя совершенно так же, как если бы выступал в своей комнате перед друзьями. И мысли развиваются нормально. Шпаргалками не пользуюсь. Говорю просто, не спеша, никогда не чувствую себя связанным ни при каких обстоятельствах.

Не переношу никаких алкогольных напитков. Всегда стремлюсь иметь голову свежую, а не одурманенную. Есть много прекрасных традиций, но много и совершенно нелепых, например, необходимость выпить по случаю встречи, семейного торжества, дня рождения, праздника и т. п. Неужели фактор, нарушающий нормальное, ясное мышление, может доставлять удовольствие?

Мама давала мне уроки управления. Особенно я стал их ценить, когда стал

во главе института. Она мне говорила: «Не переоценивай себя. Предоставляй инициативу и возможность работать другим тоже».

«Если ты поссорился, ищи причину ссоры прежде всего в себе. Никогда не обостряй напряженности, а старайся смягчить ее. Будь сдержан. Если выйдешь из равновесия, сам первым будешь жалеть об этом. Раздражение и нетерпение — плохие советчики поведению».

«Знай, что важно не только то, что ты сказал, но и каким тоном это было сказано».

«Тон делает музыку».

«Цени и люби своих друзей, но не пытайся назойливо вмешиваться в их жизнь, каждый идет своим путем».

«Не поддавайся подозрительности и особенно мстительности. Подозрительность рассеивай пристальным вниманием». «Я тебе припомню» — отвратительная черта, за которую нельзя уважать человека. Мстить — это значит ждать повода совершить по отношению к другому злую акцию, которая не заслужена им. Особенно недопустима мстительность по отношению к нижестоящему».

«Никогда не бойся выступать, если ты убежден в своей правоте. Будь внимателен к тому, что говорят тебе, учишь отличать ложь от правды. Надо вспомнить и взвесить все детали разговора, тон, мимику, жесты. Редко, когда сказанное бывает ложью полностью, чаще всего в ложь вкраплена правда, а в правду ложь. Старайся отличить их».

«Ты всегда должен стараться быть здоровым. Только это дает трудоспособность. Занимайся физкультурой, но не гонись за рекордами».

У меня работало немало аспирантов. Руководство ими я начал в начале 30-х годов. Нередко разница в возрасте между нами была небольшой, но это не мешало установлению хороших отношений, основанных на взаимном уважении. Впоследствии человек пятнадцать из них стали докторами наук. В отношениях с аспирантами я всегда придерживался навыков, привитых мне в молодости: свобода действий аспиранта, постоянный контроль. Пусть работа аспиранта (за очень редким исключением) станет только его собственностью, и пусть подписывает он ее один.

Лично я пришел к административной деятельности не сразу, спустя 15 лет, после окончания МИИТа. Это время я работал с одним-двумя инженерами или техниками. Сам устанавливал приборы, производил расчеты и всегда сам писал отчеты. Мне кажется, что каждому руководителю полезно пройти жизненную школу черновой работы. Плохо, если молодой специалист сразу становится «заведующим». Все приходит постепенно: и навыки в работе и умение работать с людьми. Может быть, 15 лет — это слишком много для подготовки к административной деятельности, но я об этом не жалею. Более пяти лет из них я выполнял подробные работы, имея звание профессора.

Привычка к самостоятельной работе, выработанная в молодости, не выветривается. Я по-прежнему читаю лекции по основному курсу своей специальности, руковожу работой аспирантов.

В 1953 году я вступил в ряды КПСС и полностью удовлетворен, что имею возможность от лица КПСС действовать, воспитывать комсомольцев, что мне доверено такое ответственное дело, как руководство выдающимся учебным заведением — МВТУ.

Я часто выезжал за рубеж и изучал там подготовку специалистов и в меньшей степени работу НИИ и заводов. Убежден, что наша система вузов является наиболее совершенной.

Те, кто хоть немного застал старый мир, могут оценить титаническую работу, которую провела КПСС по превращению одной из наиболее отсталых стран мира в одну из мощнейших и передовых. Какой же тяжелый путь пройден нашим народом в борьбе с внешними врагами и внутренней отсталостью!

Кредо — это теоретическая база моей деятельности.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1341) АПРЕЛЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
новая
стройка

Фото
Сергея
ВЕТРОВА

- 1 Г. А. НИКОЛАЕВ, Герой Социалистического Труда, ректор МВТУ имени Н. Э. Баумана. «МОЕ КРЕДО».
- 2 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. ВНЕДРЕНИЕ.
- 7 Стихи Шота НИШНИАНИДЗЕ и Улана ШЕРА.
- 8 Рассказ Кима БАЛКОВА «ДЕРЕВЬЯ ПО ВЕСНЕ, КАК ЛЮДИ».
- 11 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».
- 12 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Клара СКОПИНА. «СПЕШИ НА ПОМОЩЬ».
- 14 «НАШ ДРУГ ТРАМВАЙ».
Фоторепортаж Петра НОВИКОВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 16 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 19 НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Алексея КОЗЛОВСКОГО.
- 20 ГЕРОЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ.
Документальная повесть Евгения РЯБЧИКОВА «ЮНОСТЬ КУРЧАТОВА».
- 26 ЗАКОН И ТЫ.
Юрий ФЕОФАНОВ. «В МОРЕ ЖИТЕЙСКОМ».
- 28 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Александр НИКИШИН. «СКАЗ О СКАЗКАХ».
- 30 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 31 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 32 «О ЧЕМ МОЛЧАТ СТАЛАКТИТЫ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯН (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов, Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена», 1983 г.

ВНЕДРЕНИЕ МОЛОДАЯ ЭНЕРГИЯ

РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ

XIX СЪЕЗД ВЛКСМ

Достижения науки, творческий поиск изобретателей и рационализаторов становятся все более мощным фактором развития производства. Те же предприятия, на которых не чувствуют нового, не имеют к нему вкуса, обрекают себя на застой, да и просто не могут называться современными.

Открытия, разработки, изобретения... Их у нас много. А вот внедрение зачастую остается «узким» местом научно-технического прогресса. «Мы располагаем большими резервами в народном хозяйстве...» — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов. — Эти резервы надо искать в ускорении научно-технического прогресса, широком и быстром внедрении в производство достижений науки, техники, передового опыта».

Внедрение 170 научно-технических программ XI пятилетки поможет условно высвободить 3 миллиона человек, сэкономить 14 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, 50 миллионов тонн условного топлива, много металла, сырья.

Особую роль в этом процессе может и должна сыграть молодежь. Ведь внедрение нового — это почти всегда ломка устаревших представлений о работе, преодоление психологического барьера. Энтузиазм, рабочий азарт молодых здесь незаменимы. Вот почему одной из важнейших акций комсомола стала операция «Внедрение», цель которой — каждое полезное новшество, каждый интересный замысел внедрить в производство.

Операция «Внедрение» продолжается. Ее активным участником может стать каждый комсомолец, каждый молодой рабочий.

Есть у молодежи одно преимущество: энергии хоть отбавляй. В изобретательском деле, особенно на последней стадии — внедрении, умение «пробивать» свои идеи, доводить их до «металла» ценится не меньше, чем способность оригинально мыслить, придумывать что-то новое. Это только в представлении людей, далеких от нашего дела, дорога изобретателя кажется усыпанной розами. В действительности же наш путь тернист... Когда рождается новая идея, мы ее в институте обсуждаем, «обкатываем», опробуем и уже с готовым предложением выходим на завод. И тут начинается самое трудное — воплощение идеи в конкретную машину, установку, технологический процесс. Чаще всего ситуация складывается так: никто не «против», все «за», но дело ни с места.

Так вот, мы отработали такой метод. Находим на заводе молодых инженеров-энтузиастов, которым все интересно. И с ними «пробиваем» свое предложение, сворачивая на своем пути горы инертности. На киевском заводе «Большевик» мы создали участок электрошлакового литья с прекрасными результатами. Все сделали молодые ребята, инженеры, только что пришедшие на завод с институтской скамьи, и сделали блестяще. Думаю, у других изобретателей те же проблемы. Пусть берут на вооружение наш опыт.

Борис ПАТОН,
академик

Михаил ФОНОТОВ

Начнем с риторики. Есть ли ученый, который не хотел бы (не мечтал бы), чтобы машина (прибор или технология), придуманная им и невиданная доселе, была внедрена в производство? Вина его, ученого, или беда, если она, машина, не внедрена? И значит ли тогда, что знание само по себе ничего не стоит, хотя оно ныне продается и покупается?

Что легче — открыть или внедрить? И возможно ли (и хорошо ли), чтобы все открытое тотчас внедрялось? И кому судить, то ли открыто, что надо? И что именно внедрять из открытого немедленно, а что потом?

И, наконец, почему обычно наука «жалуется» на производство, на его инертность и косность, а не наоборот?

Владимир Филатов только что вернулся из Москвы.

— Посмотрите, — сказал он, — еще никто не видел, даже ректор.

Он открыл свой «дипломат» и выложил на стол диплом и знак лауреата премии Ленинского комсомола. Премия присуждена студенческому конструкторскому бюро Челябинского политехнического института имени Ленинского комсомола.

— Премия — в области производства, — подчеркнул Володя.

Сам он начальник КБ.

Студенты отличились «в области производства». Премия за большие успехи в подготовке высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства, разработку и внедрение в производство новой техники.

В общем-то конструкторское бюро (это красное здание у основного бора «нарисовали» и построили сами студенты) создано для того, чтобы научить будущих инженеров (и ученых) исследовать природные явления. Но как научить?

— Если студент спаял плату и выбросил, это несерьезно, — говорит Филатов. — Мы приходим к заказчику: вот документация, вот опытный экземпляр, пользуйтесь.

Это, например, комплект приборов для поиска повреждений в кабельных линиях. Его главное достоинство — помехозащищенность, которая в двести раз выше, чем у приборов, выпускаемых промышленностью. Надев наушники и ведя щуп, подобно миноискателю, студент за считанные минуты находит место короткого замыкания в кабеле с точностью до метра: вот тут надо рыть. Это производит эффект.

Не перечислить все, чем богато студенческое конструкторское бюро. В десятой пятилетке оно насчитало шесть миллионов экономической эффективности и в прошлом году набрало актов внедрения еще на четыре миллиона рублей. Студенты (их тут

свыше трех тысяч) получили десятки авторских свидетельств и десятки медалей и дипломов ВДНХ. Студенческая наука вполне окупает себя.

Студенты создали себе имя. К ним обращаются весьма изысканно. Смоленск: «Коммунальные энергетики родины первого космонавта (каково?) были бы вам весьма признательны, если бы вы изыскали возможность изготовить для нас хотя бы два комплекта указанной аппаратуры. Оплату гарантируем». Магнитогорский металлургический комбинат, управление «Юганскэнергогаз», саратовское объединение «Нитрон», Донецк, Каунас, Красноярск, Бельцы, Умань, Архангельск: просим, будем признательны, оплату гарантируем.

— «Дайте» — просят все, — грустно сказал Филатов, — а выпускать наши приборы не хочет никто.

То-то и оно. Если бы студенты выдавали чистую науку, их работа была бы менее популярна. Даже заказчик к чертежам, принципиальной схеме и другим тонкостям равнодушен. Ему нужен хороший прибор, аппарат, агрегат. Готовый к употреблению. Чтобы в дело его сразу. Хотя бы один экземпляр. Лучше бы больше.

Заказчику важно прежде всего то, что студенты производят хорошую аппаратуру, пусть в нескольких экземплярах — хватило бы ему. И все остальные просят именно готовый прибор. И уж когда им отказано, с откровенной уныльностью соглашаются: вышлите чертежи.

Один или несколько образцов студенты делают охотно. Это необходимо им самим: прибор надо увидеть в натуре. Но удовлетворить все запросы...

Этот факт можно считать вполне достоверным: исследователю, создавшему новый прибор (машину или технологию), не удержаться от хлопотливого соблазна пустить его в серию. Опытный образец едва ли кого удовлетворит. Отчего это? Казалось бы, исследователь свое дело сделал. Прибор создан, признан, отмечен. И забудь о нем. Берись за новое дело. Создавай что-то еще. Потом еще, еще. Открывай. А он ходит по инстанциям, ввязывается в переписку, жалуется, обличает. Ничего не пробив, впадает в уныние.

Знание не сила, а семья. Зерно пшеницы самого рекордного сорта само по себе ничего не стоит. Оно никого не прокормит, пока не поднимется колосьями нескольких урожаев. Ничего не стоит и лицензия, за которую отданы миллионы, пока она лицензия.

Конечно, в знаниях вложен труд и, значит, стоимость, но это стоимость руды, а не машины. Руда пригодна только для того, чтобы из нее выплавить сталь. Впрочем, ее можно продать, но если ею только торговать, можно остаться без экскаваторов, которые ее добывают.

Смысл знания — внедрение. Без внедрения наука не имеет смысла. Потому не знает покоя исследователь, создавший опытный образец.

«КОМИТЕТАМ КОМСОМОЛА НЕОБХОДИМО АКТИВНЕЕ ПРИВЛЕКАТЬ МОЛОДЕЖЬ К УЧАСТИЮ В УСКОРЕНИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА. Повышать роль комсомольских организаций, советов молодых специалистов в развитии ведущих отраслей экономики, внедрении новой техники и передовой технологии, рационализаторских предложений и изобретений...»

Из Резолюции XIX съезда ВЛКСМ

ШИШЕ Я, ЗРЕЛЫЙ ПОИСК

Можно считать, что в студенческом конструкторском бюро опытный образец — результат конечный. Но и студенты не удержались от страсти внедрения. Успехи их скромны. Только один прибор — сварочный аппарат — выпускается серийно. Как, однако, посмотреть. В таком деле и один успех что-то значит. Главное же, опыт внедрения, может быть, еще важнее, чем опыт исследования. Студентам по крайней мере полезно знать, что опытный образец никаким не венец.

А пока, если говорить об успехах, они приводят цифры экономической эффективности от внедрения их изысканий. И в этом смысле ничем не отличаются от сотрудников любого научно-исследовательского института.

Эффективность науки... Есть даже коэффициент эффективности. Нужно экономическую эффективность вне-

его сотрудников расположились в светлом здании, тоже, впрочем, как говорят, не очень вольготно.

Так вот, в первом полугодии прошлого года в КТИАМе коэффициент эффективности составил 1,1 рубля, а в НИИАТе — 10,1. Другими словами, 80 сотрудников одного института дали свыше миллиона рублей «дохода», а 500 работников другого — на 400 тысяч рублей меньше.

Возьмем другой срок. В десятой пятилетке институты имели такие коэффициенты: КТИАМ-2,8, НИИАТ — 6,6.

Выводы? Подождем с этим. Попробуем выяснить, откуда миллионы у НИИАТа.

С колес. Несколько лет назад автомобилисты «страдали» из-за дисков колес. Сотни машин простаивали в гаражах из-за сущего пустяка — изнашивалась кромка отверстий для болтов. Попытались было шоферы нава-

Правда, из-за двух букв документ лишился всякой логики. Все-таки это акт внедрения. Если технология внедрена, то как же «позволит»? А если она не внедрена еще, какой же это акт?

Впрочем, в акте вполне могло сойти и «позволило». Просто «производство» почему-то на этот раз проявило щепетильность. Документ никого ни к чему не обязывает. Он нужен «науке» для отчета. Для «производства» же это некая игра: вам никак нельзя без акта — так и быть, вот вам автограф, вот вам синий штампель. До свиданья, будьте здоровы.

Но вообразим себе продолжение ситуации. Ученые работали? Работали. 354 тысячи рублей — хорошие деньги? Хорошие. За услуги положено платить? Положено. Значит, будьте добры из этой суммы энный процент перечислить на счет института.

Тут предприятие уже не приятель. Перечислить? Из своих фондов? Кровные? А где эти деньги? Кто их видел? Кто их считал?

— А их действительно нет.

— Не нами это придумано, — сказал мне Валерий Николаевич Смолин, с которым мы не спорили, беседовали согласно.

Что «это»? Все то же внедрение. Как было с теми же дисками? Институт имеет акты внедрения только по трем предприятиям на 87,5 тысячи рублей. На остальных предприятиях технология внедрялась сама собой, без участия ученых. А эффективность «самотеком» стеклась в отчеты института.

Не так в КТИАМе. Институт разработал технологию производства 70 деталей для нового прицепа. Работа продолжалась несколько месяцев, а когда чертежи и сметы были готовы, об акте внедрения никто не заикнулся. Сотрудники института терпеливо ждали, когда поступит оборудование, пропадали на заводе, монтируя и налаживая его. И только тогда, когда все «завертелось», был подписан в муках рожденный акт внедрения. В результате всего лишь 145 тысяч рублей эффективности.

— Мы считаем каждую копейку, — сказал Леонид Сергеевич Шатров.

Чтобы набрать три миллиона рублей, институт внедрил 60 работ. Именно внедрил. Каждую отдельно. После тщательного подсчета заводскими экономистами реальной выгоды. А насчитывают они скупно, торгуются — не отдадут бы лишнего.

Отдать не символически, а реально, через банк. Магическое слово «перечислить» властно вмещивается в приятельские отношения, потому что завод по договору обязан поделиться частью дохода, полученного благодаря новой технологии.

КТИАМ считает только «чистую продукцию», деньги ему трудно заработать, а еще труднее получить. Это большая редкость, чтобы завод освоил технологию за год. Чаще всего освоение растягивается на ряд лет, и тогда институт получает свои деньги порциями, в зависимости от роста выпуска

продукции. А если завод убыточен и ему нечем платить?

Отсюда и коэффициент: два рубля эффективности на рубль затрат. Всего лишь.

— Всего лишь? — переспрашивает Леонид Сергеевич.

В самом деле — сто процентов прибыли. Действительно, отдача вполне приличная. А если у кого значительно больше, то, может быть, надо уточнить расчеты.

Условное внедрение порочно. Реальное внедрение сложно. Как быть ученому, если его идеи не воплощаются в металл, бетон и другие осязательные материалы? Что может он предпринять, чтобы ускорить их внедрение?

Почти ничего. Кроме одного: выбирать насущные проблемы производства.

Разрабатывать теорию надо, только не всем сразу. Кажется, нас слегка увлекла личность благородного, но непонятого теоретика. Всякий норовит подгримироваться под него. А теория между тем ушла не так уж и далеко.

Чтобы быть принятым производством, надо быть ближе к нему. Надо внедриться в производство. Заболеть им. Прикипеть к нему душой. Жить его интересами. Страдать его страданиями. Тогда оно и тему подскажет весомую, и страстью заразит в долгом поиске, и даже пробивной силой нальет. К производству надо идти от производства, а не со стороны.

Лаборатория Виктора Михайловича Марушкина (это в теплотехническом институте) существует не для того, чтобы создавать новые деаэраторы, конденсаторы и подогреватели, а чтобы совершенствовать их эксплуатацию на тепловых электростанциях. Создавать такие агрегаты должен другой институт другого ведомства.

Виктор Михайлович и его коллеги и не думали покушаться на чужие функции. Они думали только о том, как помочь энергетикам, которые частенько беспокоили их телеграммами: приезджайте, авария. Сто раз приезжали, сто раз убеждались: конструкция виновата. Агрегаты громоздки, недостаточно эффективны, часто выходят из строя. Сигнализировали в тот, другой институт — не реагирует. Стали сами думать, что как доводить, что изменить. По чертежам лаборатории на электростанциях принялись (без уговоров, без нажима) модернизировать агрегаты. То есть исправлять ошибки «серия».

Не один, два, не десять, а сотни агрегатов на электростанциях страны благодаря подсказке ученых перестали «капризничать», выматывая энергетиков. А «серия» невозмутимо шла «капризная».

В поиск трудно войти, но и выйти из него почти невозможно. Вольно или невольно сотрудники лаборатории ударились в теорию. Они стали скрупулезно исследовать проблему теплообмена. Шаг за шагом проникали они в глубокие тайны конденсации пара на стенках трубок, по которым циркули-

НА НОВЫХ КОЛЕСАХ ПО СТАРОЙ КОЛЕСЕ

дренных работ сопоставить с затратами на научные исследования — вот и коэффициент: что дал рубль, вложенный в науку. Показатель хороший, и он был бы еще лучше, если бы не одна заковыка: затраченные рубли считать легко, а обретенные от внедрения — трудно.

Открыв шатковую дверь, я поднялся по длинной лестнице в тесный коридор (вернее сказать, прихожую старинного особняка) и не сразу угадал кабинет (вернее сказать, комнату в два окна), где меня встретил Валерий Николаевич Смолин, заместитель директора научно-исследовательского института автомобильного транспорта (филиал в Челябинске) — НИИАТ.

Через два дня я поднялся на третий этаж белого оконного здания и в длинном коридоре отыскал кабинет Леонида Сергеевича Шатрова, заместителя главного инженера конструкторско-технологического института автоматизации и механизации автомобилестроения — КТИАМ.

Два отраслевых института. Министрства разные, но дело, собственно, единое — автомобили. Один небольшой, восемьдесят его сотрудников тесно сдвинули столы в комнатах старинного особняка, в том числе в полуподвале, выходящем окнами на тротуар. Второй — учреждение видное, пятьсот

ривать и растачивать кромку — толку мало.

Сотрудники НИИАТа предложили другой способ: вырезать в диске круг и приварить новый, с набепо выгоченными отверстиями. Технологию «схватили» сразу несколько предприятий, что в первый же год принесло институту полмиллиона рублей экономического эффекта. В следующем году технологию освоила, считай, вся отрасль, а это еще три миллиона рублей в «актив» института. Одна тема позволила НИИАТу поднять коэффициент эффективности до 12 рублей на рубль затрат.

Еще одна тема. Акт внедрения новой технологии ремонта двигателей. Акт аккуратно отпечатан на машинке, подписан «наукой» и «производством», скреплен печатями. Обе стороны согласны, как свидетельствует текст, что внедрение рекомендаций ученых позволяет увеличить годовую межремонтную выработку двигателей с 26 до 34,3 тысячи километров и получить годовой отраслевой экономический эффект 354 тысячи рублей.

Счастливое согласие. Если бы не одна поправка в тексте. Сначала было напечатано «позволило», потом кто-то в глаголе изменил окончание: «позволит». Не «уже», а «еще». Когда-нибудь. Может быть.

рует вода. Эксперименты, расчеты, графики. И был тот самый момент «эврики», когда запутанный узел формулы вдруг чудесно развязался.

Результат — в лаборатории появились проекты принципиально новых подогревателей и деаэраторов. Проекты, от которых нельзя просто отмахнуться, так разительно отличались они от «серии». Тут-то, деваться некуда, возникли первые контакты с институтом из другого ведомства. А общий язык с заводами, которые выпускают агрегаты, был найден, между прочим, и того ранее.

Что ж, в лаборатории Марушкина собрались одни таланты? Нет, такие же люди, как и в том, в другом институте. Только они, может быть, чуть чаще ездили в командировки, чуть дольше находились у агрегатов, ближе к сердцу принимали нужды энергетиков. Их «корни» глубже уходили в производство. Отсюда и плоды.

Глубокие корни нужны всякой науке. Тем более отраслевой.

Очень часто ученый, шагнув «от себя», а не от производства, многие годы отдает проблеме, к решению которой отрасль еще не готова. И результаты вроде есть, и эффективность насчитана, и дело явно полезное, но оно «не из очереди». И уж если оно не работает на план, то о внедрении и говорить нечего. А годы ушли, выйти из круга ни с чем непросто, взяться за новую тему сил нет — это уже не проблема, а судьба...

Но слово сказано, и необходим новый поворот. План. План и внедрение.

Однажды мне повезло, я увидел «науку» и «производство» вместе, в момент контакта. Это было на опытном заводе института абразивов и шлифования. Сюда приехали ученые, из которых я назову только Анну Петровну Брежневу, автора установки, которую условились посмотреть в действии. Ждали начальника технического отдела завода шлифизделий Василия Дмитриевича Туникова, он опаздывал к назначенному часу.

«Наука» предлагала новую технологию производства шлифовальной шкурки. Несколько подробностей. Шкурка — это шлифовальная лента, на которую наклеивается слой абразивного порошка. В работе она теряет свои свойства не потому, что зерна отклеиваются от основы. Она засаливается, стружка, шлам заливает между зернами, сглаживает поверхность.

Ученые предлагают рассыпать зерна пореже. Для этого на линии надо установить электростатическую камеру, чтобы насыпку порошка вести в электростатическом поле. Такая камера на опытном заводе показала себя прекрасно: шкурка служит в два раза дольше, мебельщики ее хвалят. Но опытный завод выпускает ее всего ничего, обходится она ему дороговато.

Надо бы заводу шлифизделий взять камеру, но там таят. Уж сколько раз Анна Петровна ездила к Туникову, убеждала, умоляла, внушала: «Внедряйте. Не прогадаете. Дело верное». А Туников и не отказывается вроде, но и не внедряет. Все его какие-то сомнения одолевают. Уже как будто согласился, когда возник еще один вопрос: у нас, сказал Туников, скорость подачи ленты в два раза выше. Как с этим? Ладно, ответили ученые, будет вам и скорость, приезжайте посмотрите.

И вот Василий Дмитриевич со своими специалистами приехал. Все уже готово, можно включать линию. Минуточку. Заводчане осмотрели установку, записали все параметры: порошок, клей, ток. А это что? А это куда? А этого сколько? О господи, чего тут

спрашивать? И так все ясно. Ищут, к чему опять придаться.

А Туников невозмутим. Ему не привыкать к роли непробиваемого «консерватора». Он знает, что и на этот раз ученые будут напирать на него, вроде бы по-свойски, в шутку (все-таки давно знакомы) упрекать его в осторожности. И так и сяк наводить на согласие, на последнее слово: берем, мол, и все тут. Всегда так: их позиция привлекательнее. Они представители прогресса. А он, получается, против. Они вроде бы наступают, а он как бы защищается. Они заранее правы, а он заведомо несправедлив. Так уж повелось. Ну и пусть. Он привык. Их позиция привлекательнее, но слабее. Сила-то у него. Им как бы сбыть, а ему потом расхлебывать. Тут нельзя так, с ходу — раз, и согласился. Производство, оно спешки не терпит.

Улыбнется Василий Дмитриевич шутке и опять свое: нельзя ли снять этот кожух, заглянуть надо, что там у вас. Сняли, посмотрели. Ладно. Вроде все. Пожалуй, включайте.

Наконец бумажная полоса, поблескивая слоем клея, потекла к камере. Облачко темно-серого порошка ровным слоем оседает на клей. Анна Петровна держит в руке секундомер: измеряет скорость. Рабочие переводят линию с одного режима на другой. Столпившись, все осматривают непрокошенную шкурку.

Как будто все нормально. Теперь надо составить акт. Пока его сочиняли, Василий Дмитриевич заглянул к коллеге, начальнику технического отдела опытного завода Борису Лаврентьевичу Фисенко.

— Посмотри, какая шкурка. — Борис Лаврентьевич выложил на стол кусок наждачной бумаги. — Видишь, с прерывистой насыпкой зерна. Возьмешься внедрять?

Василий Дмитриевич, едва взглянув на лоскут, отодвинул его. Ох уж эти ученые. Не успели с одним расхлебаться, уже другое суют. Хоть каждый день внедряй новое. А план когда выполнять?

Значит, выбирай: или план, или внедрение. Чтобы остановить конвейер, нужна доблесть. Без доблести, может быть, в производстве тоже нельзя, но ее не запланируешь. Впрочем, есть еще план внедрения, но это ничего не меняет. Если выполняешь план выпуска, можно спокойно жить долгие годы, внедряя кое-что кое-как.

Внедрение — это реконструкция. А мы реконструкцию понимаем несколько иначе. «Жизнь» предприятия в нашем представлении такова. Вот его построили, оно действует десятилетие, второе, третье — до «старости». Одряхлело — разваливается. Теперь реконструкция, причем коренная. И начинается авральная лихорадка. Там рушат, тут строят. Среди куч песка, траншей, бетонных блоков, чуть ли не под открытым небом конвейер что-то все-таки собирает. Строителям тесно. Они нервничают и ворчат. Не поступили какие-то станки — застопорилось дело у монтажников. Все нарушено, везде разворочено — заварили кашу...

Но, может быть, реконструкцию начать пораньше? Лет на десять, а то и на двадцать. Или приступить к ней, как только предприятие вошло в строй? Или еще в проекте предусмотреть, как оно должно расти, обновляться, не стареть?

Проект реконструкции дал бы работу ученым — срочную и на перспективу, с гарантией на внедрение. План реконструкции позволил бы инженеру остановить конвейер без всякой доблести — по долгу службы. Наука, думающая о будущем, и производство, действующее в настоящем, росли бы, обогащая друг друга.

Внедрению мешают сегодняшний план, срочные заботы, сиюминутная выгода. Но сегодняшний день не должен мешать завтрашнему. Потому что завтра наступит все равно.

ЕЩЕ НЕ ВСЕ ТАЙНЫ
ПОРОШКОВОЙ МЕТАЛЛУРГИИ
ОТКРЫТЫ.
ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

МЕТАЛЛА

Слава ТАЙНС.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Стереть в порошок — это выражение появилось, по-видимому, на основе издавна укоренившегося в человеческом мозгу представления о необратимом процессе. Стереть в порошок — значит превратить вещь в нечто совершенно негодное. С такой точки зрения люди додумались до курьеза: превращать металл в порошок, а уж затем формовать из него однородные монолиты и сплавы необходимой конфигурации. Зачем это нужно?

Порошковая металлургия дает колоссальную экономию ресурсов — материалов, времени, рабочей силы. В числе преимуществ порошковой металлургии — безотходность производства, высокая производительность и низкая трудоемкость. Особенно важно это для машиностроения. Госкомитет по науке и технике проанализировал деятельность

около двух десятков предприятий одиннадцати машиностроительных министерств. И выяснилось, что в процессе производства отходы составили четверть всего израсходованного металла. Причем почти половина этих потерь — стружка. При холодной обработке металла в целом ежегодно срезается в стружку 8 миллионов тонн стали, до 20 тысяч тонн титана и его сплавов.

Посмотрите теперь, какой эффект дает использование в машиностроении и металлообработке порошковой технологии. Если при традиционных методах изготовления деталей на тонну изделий необходимо более полутора тонн заготовок, то с применением порошковой металлургии требуется не более, а порой даже менее тонны измельченного металла. Кроме того, новый метод позволяет экономить на каждой тонне около двух тонн проката. А экономический эффект при производстве тысячи тонн деталей из металлических порошков превышает два миллиона рублей. При этом вдвое возрастает производительность труда по сравнению с литьем под давлением, обработкой давлением и резанием. Высвобождаются 190 рабочих и 80 металлообрабатывающих стан-

ИЗ ЭТОГО ПОРОШКА
БУДУТ ПОЛУЧЕНЫ ДЕТАЛИ
ОСОБОЙ ПРОЧНОСТИ.

В ТЕХНОЛОГИИ
ПРОЦЕССА СПЕКАНИЯ
ВСЕ РАССЧИТАНО ПО СЕКУНДАМ.

ИЗДЕЛИЯ ГОТОВЫ.
ОТХОДОВ НЕ БЫЛО.

КРЕПЧЕ-ПОРОШОК

ков, экономится 2900 тонн проката или литья. Коэффициент использования металла, таким образом, увеличивается на целый порядок.

По прочности детали, получаемые из порошков, в 2—3 раза превосходят изделия из широко применяемого в машиностроении серого чугуна. Вот почему развитие порошковой металлургии стало целевой программой одиннадцатой пятилетки. Научные силы страны нацелены на разработку и внедрение в производство этой важнейшей технологии. Один из пионеров порошковой металлургии в стране — Белорусское республиканское научно-производственное объединение порошковой металлургии.

...В 1957 году группа энтузиастов кафедры «Технология металлов» Белорусского политехнического института «пробила» объединяющую их идею и организовала научно-исследовательскую лабораторию порошковой металлургии. Это созвучие тогда еще не было в обиходе даже среди маститых ученых. Некоторым эта идея казалась бредовой, другие вычисляли, что литье дешевле, и саркастически улыбались: мол, идея выведенного яйца не стоит. Но как всегда и во всяком деле, тем более новом,

оявляется лидер. Лидером группы «фанатиков» стал человек одержимый. Он не пасовал перед трудностями, не удручался от непонимания и даже неприятия его научных выкладок. Олег Роман, капитан команды дерзких экспериментаторов, упрямо вел к цели маленькое научное суденышко.

Сколько было перечитано специальной литературы в поисках аналогов! Но «шпаргалок» по многим интересующим проблемам найти не удалось. Другие бы отчаялись, а они ликovali: «Станем первооткрывателями». Ничто так не действует на воображение, как готовый продукт новоиспеченной идеи. И с помощью своих реальных достижений сотрудники лаборатории порошковой металлургии внушили к себе уважение. Их творческий рост и несомненные успехи убеждали руководства института, министерств и республики в перспективности дела. И им открыли зеленый свет.

За первые пять лет лаборатория переименовывалась в центральную, базовую, отраслевую, проблемную. Позже она получила статус научно-исследовательского института. Затем на его базе было создано учебно-научно-производственное объединение.

Сегодня отец минского варианта порошковой металлургии, генеральный директор объединения, заслуженный деятель науки и техники профессор Олег Владиславович Роман возглавляет на общественных началах кафедру «Порошковая металлургия» политехнического. Студенты стали частыми гостями в НПО. Здесь они делают лабораторные, курсовые, дипломные работы, а аспиранты — диссертации. Ежегодно полсотни выпускников института вливаются в коллектив объединения, с которым они уже свыклись. Такая практика решает проблему воспроизводства кадров для растущего исследовательского центра порошковой металлургии и сокращает время адаптации молодых специалистов. Коллектив изыскателей республиканского объединения, где треть — комсомольцы, углубляется в тайны порошковой металлургии.

Белорусское республиканское объединение уже «экспортирует» кадры специалистов. Здесь, на факультете порошковой металлургии, проходят полугодовой курс обучения инженеры с предприятий страны. Это настоящая всесоюзная школа новых методов и технологий.

КАКАЯ ЖЕ МЕТАЛЛУРГИЯ БЕЗ ОГНЯ!

— Буквально с первых шагов существования лаборатории, — вспоминает биографию объединения О. Роман, — мы поставили перед собой жесткую задачу — добиться максимальной отдачи от наших научных разработок. Посему наша ударная группа поиска обосновалась не в стенах института, а на заводе «Ударник». Так мы сразу сократили путь от идеи до внедрения. Мы начали разрабатывать технологию, а затем делать детали для заводских машин. Кстати, контакты сохранились и по сей день. Фрикционные диски, спеченные из порошка, поставляет «Ударнику» наше опытное производство. Сейчас мы работаем по схеме: научно-исследовательский институт — специальное конструкторское бюро — опытное производство. Причем последнее звено этой цепочки мы укрепляем, сооружая собственный завод порошковой металлургии мощностью 10 тысяч тонн изделий в год. Первая очередь предприятия будет пущена уже через год.

Отработать идею, создать методику нового технологического процесса и, как говорят, принести производственникам в клюве уже «обкатанный» вариант — это заповедь минчан. И они успешно внедряют свои разработки на предприятиях страны, будучи тесно связаны с 15 отраслями.

В прошлом пятилетии непрерывно росла практическая задача исследования ученых объединения. И сейчас она ежегодно повышается более чем на 30 процентов. В десятой пятилетке эффективность использования научных разработок в промышленности составила 23 миллиона рублей. На одинадцатую разработана комплексная программа развития порошковой металлургии и защитных покрытий. В нынешнем пятилетии предполагается получить экономию 55 миллионов рублей.

— Есть причины, по которым порошковая металлургия оказалась сегодня на стремнине научно-технического прогресса, — говорит генеральный директор объединения О. Роман. — Первая заключается в том, что ее методы позволяют создавать материалы со специфическими свойствами и их нельзя получить другими путями. Это сверхчистые и сверхтвердые, пористые и волокнистые, фрикционные и антифрикционные металлы и т. д. Вторая причина — значительная экономия металла и рост производительности труда за счет полного отказа от механической обработки — металлурги сразу делают детали и изделия высокой точности. Выгоднее расплыть жидкий металл и затем сформовать из полученного порошка готовую деталь, чем отливать ее. Отливка, разумеется, стоит дешевле. Но, во-первых, литье далеко не всегда бывает точным, и последующая обработка «съедает» выигрыш в стоимости детали. Во-вторых, использование расплавленного металла позволяет получить материал, имеющий мелкозернистую структуру и высокое качество.

Первым направлением в порошковой металлургии стало формование.

Все мы представляем работу пресса, когда огромная машина всем своим многотонным весом обрушивается на лист железа и пуансоном выдавливает необходимую конфигурацию по форме матрицы. Сплющить же порошок в тонкий лист оказалось делом непростым. Надо было создать давление порядка шести тысяч атмосфер, а иногда и выше. Зато если при традиционном методе изготовления детали резанием коэффициент использования металла равнялся 0,3—0,35, то из порошка — поднимается до 0,95—0,98. Весьма ощутимая разница, не правда ли?

Задача была поставлена архитектурная — создать первую в мире автоматическую линию для массового изготовления деталей из порошка. Составили программу научно-конструкторских совместных разработок, подключив к ней более десяти крупных предприятий и институтов. И вместе с корифеями в области проблем механизации, автоматизации, систем управления и других сработали тему, изготовили оборудование, наладили и запустили космическую по исполнению и значимости линию порошковой металлургии.

Что же практически можно изготовить из порошка? Одно из последних «живых» дел научного коллектива отдела формования — распылители мазутных форсунок котлов тепловых электростанций. Их изготовили здесь из порошковых железохромистых композиций методом формовки с упрочняющей химико-термической обработкой. Новая деталь служит не 600—800 часов, а четыре с половиной — пять тысяч! Такие детали-долгожители с радостью приняли на Березовской ГРЭС и Полоц-

кой ТЭЦ. Сегодня распылители, спеченные из порошка, взяли на вооружение в Белглавэнерго.

Невозможно представить машину без подшипников скольжения. В основном их делают из латуни, бронзы, баббита — цветных дефицитных металлов. Они дороги и недолговечны. Изготовленные из железного порошка и графита антифрикционные пористые материалы служат в полтора-два раза дольше, выдерживают более высокие скорости и нагрузки, значительно дешевле.

С другой стороны, весьма эффективный вид продукции порошковой металлургии стали фрикционные материалы, используемые в тормозах, муфтах сцепления и т. д. Так, применение диска с накладками из порошкового материала в тормозах автогрейдера ДЗ-98 в два с половиной раза сократило тормозной путь машины и в десять повысило срок службы узла. Общий экономический эффект от внедрения этих разработанных в объединении фрикционных на медной основе превысил миллион рублей.

Владимир Капцевич, старший научный сотрудник отдела пористых материалов, предлагает мне наполнить металлический стакан водой. Не ожидая подвоха, наливаю жидкость, и через несколько секунд она появляется на наружной стенке.

— Такие «стаканы» позволили отказаться от закупки дорогостоящих фильтров за границей, — удовлетворенный произведенным эффектом, поясняет Владимир.

А суть новинки проста. Порошок расплавленной бронзы или ее сплава распрыскивают струей воздуха либо газа под определенным углом над поверхностью воды. И получается мелкая сферическая крупчатка. Ее засыпают в приготовленную оснастку — между внутренним стержнем и наружной так называемой обечайкой. Чтобы не было «арок», создают вибрацию, придавливают. И гранулы металла прилегают друг к другу так же плотно, как зернышко к зернышку. Затем эту «песочницу» помещают в жаркую печь и обжигают, словно горшок. От высокой температуры — порядка 760—860 градусов — в местах соприкосновения дробинок между частицами металла образуются шейки. И сплавляясь масса крупинки превращается, остывая, в прочный монолит с тысячами и миллионами ходов сообщений.

Уже третий год объединение поставляет для Челябинского тракторного завода по 90 тысяч фильтров очистки дизельного топлива. Они просты и надежны.

В другом отделе мне показали просто гигантские стаканы — фильтры из порошков титана. Их удалось «собрать» в проницаемые сосуды уникальным способом — гидродинамическим, или импульсным. Дело в том, что опалубки, начальные порошок, помещают в замкнутый резервуар с жидкостью. Сверху поршень создает давление под воздействием порохового взрыва. В такой рабочей камере создается равномерное на все стенки опалубки давление от 6 до 20 атмосфер. А это дает возможность в сотые доли секунды получить пористую трубу большого диаметра и различной формы. Так мирный взрыв стал работать на производство первоклассных фильтров для очистных сооружений. Например, с целью биологической очистки вод металлургические фильтры внедрены на Новополоцком нефтеперерабатывающем заводе, что дало 262 тысячи рублей экономии на каждом азотанке.

У энергии взрыва, используемого в качестве созидательной силы, большое будущее. Экономит огромное количество металла, расходуемого на создание сверхмощных прессов. А эти, выходящие по сравнению с ними карликами, мощнее и способны порошок превратить в блин. Просто удивительно видеть чистую, будто полированную поверхность детали, сделанную взрывом. Совместно с ВНИИ металлургического машиностроения объединение разработало си-

стему машин для ударноволновой деформации пористых тел. Всего по технологии и оборудованию импульсного прессования порошков выдано уже более 50 авторских свидетельств.

Есть еще одно из чудесных превращений металлического порошка. В отделе защитных покрытий Вячеслав Голубев, младший научный сотрудник, пять лет назад пришедший сюда из Белорусского политехнического, с заметной гордостью рассказывал о новом перспективном направлении экспериментов. Подводя к токарному станку, он обратил внимание, что вместо резца чуть выше над станиной закреплено необычное устройство, внешне напоминающее пистолет бензозаправочной колонки. Это распылитель раскаленного порошка. Но при чем тут токарный станок?

Газопламенный и плазменный пистолеты — это своеобразные форсунки, из сопла которых вырывается пламя, способное заставить растаять металлические снежинки, выдуваемые на огненную струю. Размягченные, они прилипают на поверхность вращающейся детали. Затем слой нароста обжигают пламенем горелки, и он оплавляясь, закрываются поры. Сила сцепления порошка со специально обработанной пескоструйным аппаратом под наждачную бумагу поверхностью «подложки» настолько велика, что деталь можно использовать при ударных нагрузках. Скажется двойная сила сцепления — механическая и молекулярная.

Защитные покрытия из твердосплавного порошка резко сокращают расход черных и цветных металлов, продлевая срок жизни деталей. Вот конкретный пример. Износостойкость чугунных колесчатых валов двигателей ГАЗ-24 после плазменной обработки с использованием углеродистой стали повышается на 40 процентов, а хромистой — в 3—4 раза. Использование же в полной мере износостойких и антикоррозионных покрытий, по подсчетам специалистов объединения, увеличит межремонтный пробег техники в 1,5—2 раза, обеспечив ежегодную экономию народному хозяйству нескольких миллиардов рублей.

Разработанные целевые комплексные программы по развитию прогрессивной технологии предусматривают промышленное освоение в одиннадцатой и двенадцатой пятилетках около пятидесяти новых технологических процессов.

В объединении «Тулачермет» вошли в строй мощности по выпуску четырех тысяч тонн легированных порошков для изделий и газотермического напыления. Однако использовать свое производство даже на половину мощи туляки не могут. Объясняется этот парадокс научно-технического прогресса убийственно просто: машиностроители не подготовились к такому щедрому подарку.

Как же ускорить освоение прогрессивной технологии порошковой металлургии? Опыт Белорусского республиканского научно-производственного объединения порошковой металлургии — прекрасный пример того, как можно ломать межведомственные барьеры и выводить решение проблемы на широкий простор регионального и межотраслевого сотрудничества. А достижения минчан несомненны — уже сейчас 82 процента их разработок по применению порошков внедряется в производство. И многим участникам реализации целевой программы порошковой металлургии есть чему поучиться у признанных лидеров освоения и внедрения этой новейшей и жизненно необходимой стране технологии.

ПОК СОГЛА

Года два назад после многочисленных встреч и бесед с сотрудниками разных министерств и ведомств, научных и конструкторских организаций я попросил принять меня заместителя председателя Госкомитета СССР по науке и технике М. Г. Круглова.

— Честно говоря, я пока просто не готов дать ответ, — произнес в итоге беседы Михаил Георгиевич. — Сейчас мы создали комиссию из компетентных специалистов. Она должна разобраться в сложившейся ситуации. На основе ее выводов и будут приниматься необходимые меры....

Разговор шел о гидроприводе. Об оборудовании, которое практически во всех машинах сегодня вытесняет устаревшую механическую передачу, чьи редукторы, валы, шестерни, приводные ремни не только тяжелы и «съедают» немалую часть мощности двигателей, но уже и не позволяют создавать технику современного уровня. Иное дело — гидравлическая передача. Она легка и компактна, обеспечивает плавное, бесступенчатое переключение скоростей, практически исключает аварии и поломки при перегрузках. Можно смело утверждать, что гидропривод качественно меняет облик машин.

Скажем, у полностью гидрофицированных комбайнов производительность на уборке хлеба возрастает в среднем на 40 процентов, риса — на 50, корнеплодов, кукурузы, картофеля — на 30—40 процентов. А металлоемкость у таких машин на 25—30 процентов ниже. У тракторов гидрофикация главного движения повышает производительность на пахоте на 25—30, на транспортных работах — на 40 процентов и сокращает расходы топлива на 10—12 процентов. А гидравлические экскаваторы требуют в среднем на 20—40 процентов меньше металла.

Тем не менее полностью гидрофицированных комбайнов у нас до сих пор нет. Среди станков, выпускаемых станкостроительной промышленностью, лишь четвертая часть оснащена гидроприводом. Не лучше положение и с другой техникой, создатели которой даже не собираются отказываться от тяжелой и громоздкой механической передачи. Почему? Ответ обычно один: гидравлики не хватает. А многое из того, что сейчас выпускается, не отвечает современным требованиям.

Между тем гидравлику ждут. Сколько вопросов о ней задают молодые механизаторы, слышавшие о новой технике, читавшие о ней. Приходилось встречаться с комбайнерами, которым довелось посидеть в кабинах машин, оснащенных гидравликой, они только вздыхают: «Когда у нас на комбайнах будет такая?..» Руководители хозяйств разводят руками: «Что отвечать молодым, которые мучаются с механической пере-

Экономический эффект от внедрения новшества или рационализаторского предложения можно подсчитать двояко — либо формально, либо по существу. Делать что-либо формально всегда проще. А вот чтобы взглянуть как следует — тут необходимо не только мобилизовать свою энергию, свой опыт, свои знания, но иной раз ухватить уйму времени и сил, чтобы отстоять свою правоту, найденный неординарный изгиб на веши.

Сергей АНТОНОВ,
Герой Социалистического Труда,
слесари-инструментальщик

А НЕТ СВЯ...

дачей, а хотят работать на современной технике?»

Почему же сложилась такая ситуация? Ведь по проблемам гидропривода была определена головная отрасль — Минстанкопром. А для того, чтобы сложная и ответственная задача решалась на основе единой научной стратегии, в рамках отрасли специально был создан головной институт по проблеме — ВНИИгидропривод. Но он со своей задачей явно не справился.

— И не могли справиться, — утверждал в беседе со мной директор института А. Я. Оксененко. — И причина тут проста: другие отрасли просто не принимают наши рекомендации.

Сложилось парадоксальное положение: проблемами гидропривода сегодня занимаются десятки отраслевых НИИ, сотни конструкторских бюро. Замыслы ученых и конструкторов воплощают свыше 40 специализированных заводов. Да плюс к ним — отдельные участки и цехи еще на 180 предприятиях. Вроде бы огромная сила. Почему же она не дает желаемой отдачи?

— Вся беда в том, что большинство отраслей производит «свою» гидравлику лишь для себя, игнорируя интересы не только соседей, но и народного хозяйства в целом, — объяснил М. Г. Круглов. — Конечно, в каждой отрасли есть своя специфика, свои требования к гидравлике. Но они не настолько антагонистичны, чтобы нельзя было осуществить специализацию и кооперацию производства, широкую унификацию изделий...

К чему привело стремление каждой отрасли идти «своим» путем, видно хотя бы на примере Минстройдормаша. За последние годы создатели строительной и дорожной техники добились немалых успехов. Высокий уровень их новых машин наглядно подчеркивает преимущества гидропривода. Молодые рабочие-дорожники хвалят их в один голос, с удовольствием идут работать на них. Убежден: если бы сегодня наша сельхозтехника была оснащена гидравликой, многие вопросы, связанные с закреплением молодых кадров на селе, решались бы куда проще. Так что гидравлика — проблема не только техническая.

Но, увы, даже на предприятиях Минстройдормаша организация производства гидравлики, мягко говоря, далека от совершенства.

Думается, все дело в том, что к гидравлике с самого начала подошли с ошибочных позиций, приравняв к обычной машиностроительной продукции. На самом же деле современный гидропривод — это целый комплекс сложнейших по конструкции устройств. Для их изготовления нужны специальные материалы, точное литье, прецизионные станки, специалисты и рабочие высшей квалификации. А всего этого, естественно, не хватает.

В такой ситуации выход мог быть только один: собрать все силы в единый кулак. Но стремление отраслей к «самостоятельности» отодвинуло эту идею в разряд благих намерений.

Есть ли выход из этого положения? Есть. Он в руках Госкомитета СССР по науке и технике, отвечающего за вопросы научно-технической политики. Именно ГКНТ должен взять на себя координацию всех работ в области создания гидропривода.

Шота НИШНИАНИДЗЕ

Карусель

Кто не помнит с детства свою первую
Карусель, карусель?
У коней фанерных гривы пенные... Кто не сел?

Неужели так судьба старается
и хитрит она,

Сунув нам ракету
или страуса,
дирижабль или слона?

В паланкин мальчишка сел румяный...
Ишь как сел! Как царственна рука!

Я любил коня породы странной —
горбунка.

Что такое жизнь? Коловращение
Всех страстей притворных и нагих.
Карусель для многих — развлечение.
Испытанье — для других.

Все мы в жизни —
или победители,
или жертвы скоростей,

И недаром дарят нам родители
карусель,

карусель,
карусель.

Руль из рук один мальчишка выпустил
и вот-вот

От своей же глупости и хлипкости
упадет.

А второй едва висит на стремени.
Третий растерял все торжество.

Чуть не выпал, будто бы из времени,
он из паланкина своего.

Все на карусели этой разные.
Все неодинаково летят.

Кто бесстрашен здесь.
Кто труса празднует.

Кто здесь листопад, кто звездопад.
Карусель вращается,
вращается,
карусель земного бытия.

Кое-кто с землей уже прощается.
Выдержу ли я?

И земля вращается, вращается,
не прощая тем, кто ослаб.

Вся ее громада превращается
среди звезд

в космический корабль.
Но взглядишь в летящие мгновения
и пойми под выстрелы и гик:

Жизнь для многих —
только развлечение.

Испытанье — для других.
Да, таков наш мир с

людскими чаяньями
И с его огромной болью всей:

Карусель случайная,
отчаянная,
карусель,
карусель...

Перевел с грузинского
Евгений ЕВТУШЕНКО.

Улан ШЕР

Ночь в Армении

Какая ночь стояла!
Тишина. Луна...

И млечная дорога,
Казалось, начиналась от порога...
Мерцающая звездная волна
Качала тихо горы Аястана,
И легким бегом быстрого джейрана
Бурля бежала белая река,
В холодных брызгах отражая
Тебя, меня и облака...

Ночная радуга, сгорая,
Сожгла окрест миллионы звезд.
И ты,

край неба озирая,
Без грусти тихо произнес:
— Исчезло все: ночной обвал,
Луна ушла за перевал.

Большой Кемин

Отцу

Память моя бесконечной тропой
Вьется по склонам твоим, Кемин.
Ветер смешался с высокой травой,
Теплое лето — с белой зимой,
Старость смешалась

с детской игрой
Здесь, на склонах твоих, Кемин.

Детство мое озорное храня,
Древний табунщик, мудрый Кемин,

В добрых ладонях качал ты меня,
Вырастил, посадил на коня;
Тропой убегающей в дали маня,
Ты двери мне в мир отворил, Кемин.

До звезд, рассыпанных над тобой,
Зеленоглазый волшебник Кемин,
Хотел я с горы дотянуться рукой,
Но мир с вершины открылся другой —
Таились загадки за каждой горой...
Ты звал меня в светлую жизнь,
Кемин.

Сыну кочевника счастье — в пути.
Душу твою золотую, Кемин,
Детям по свету дано разнести.
Отчому краю — в улылке цвести,
Птицей взлетающей
биться в груди...
Как сыновья твои схожи, Кемин!

У каждого память своя, но все ж
Придут к тебе дети твои, Кемин,
Придут в свое время,

их не тревожь,
Придут — и в холод,
и в зной, и в дождь, —
Оставив за дверью гордыню и ложь,
К ногам твоим припадут, Кемин!

г. Фрунзе

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

Память странные образы лепит...
Поле.

Запах травы.
И зной...
И ликующий странный лепет —

То ли птица над головой,
То ли: солнце ручьем струится

И волной золотой сплит...
Ах, ты, жаворонок,

Ах, птица!..
В синем небе родник журчит.

-А

на Лысой горе черные суслики живут. Подынешься наверх, глянешь вокруг и увидишь: то тут, то там торчат из земли обгоревшие стволы. Откуда бы им здесь взялись? Только подумаешь об этом, уж нет стволыков: зашевелились, забегали... Черные суслики!

Я с недоверием смотрю на смуглолицего парня лет шестнадцати, он сидит подле меня на приступке крыльца и не улыбнется даже. А ведь соврал. Точно, соврал!.. Будто я не знаю, какие бывают суслики. В прошлом году, к примеру, когда было уж очень голодно, мы, пацаны, с утра до ночи пропадали на сусличьих полянках, заливали водой норы, а потом... Чего уж там! Случалось и сусличью ножку съесть. Ничего мяса, правда, тухлятинкой отдает. Так что про этих зверьков я знаю немало. Куда еще ни шло: рыжие или красные. Но чтоб черные...

Парень заметил, что я не верю ему, хмурит брови, а они у него длинные и тонкие, как у девочки, говорит негромко:

— Скажи, врал Витька Антонов? Нет?

Жизнь большая, всего не упомнишь, однако я старательно перебираю в памяти все, что связано у меня с Витькой Антоновым, а потом отрицательно качаю головой.

— Пацан! — с неудовольствием говорит Витька Антонов и подымается с крыльца.

Я не спорю, пацан и есть, года на четыре младше его. Иду следом за парнем на улицу, смотрю на него снизу вверх. Важный такой, дымит самокруткой, а то возьмет ее в левую руку, поднесет ко рту, сдует пепел. Орел! Не то что я... И я пробовал курить, да без толку: голова разболелась, и тошнить начало. А жаль! С самокруткой-то во рту, небось, и на человека был бы похож. Ну да ладно, всяк живет как может...

Тихо на улице и слякотно, весна на дворе. Солнце пригревает. Воробьи копошатся под стрехами крыш. Ставни домов серые, побитые, но есть и покрашенные в зеленый цвет: краску на прошлой неделе завезли в магазин...

— Свеженькая, не обсохла еще, — говорит Витька Антонов и останавливается, а спустя немного подходит к окошку, с минуту разглядывает ставню, проводит по ней пальцем раз, другой... У меня на сердце захолонуло: увидят — не оберешься потом, разнесут по деревне.

— Витек, — говорю. — Неудобно ж... — И тяну его за руку, но он ни с места, стоит как привязанный к ставне, и водит по ней пальцем и водит, еще и удивляется, что краска так легко поддается:

Рисунок
Марины
ПИНКИСЕВИЧ

деревья по весне, как люди

Ким БАЛКОВ

РАССКАЗ

— Свеженькая, не обсохла...

Правая щека у Витьки Антонова в краске, особенно много ее на кончиках изуродованных пальцев — в рубцах она, под ногтями. Руку парню покусал с год назад рыжий пес. Я и теперь помню его: здоровуший, мерзавец! А было так. Похвастал Витька Антонов, что любой собаке затолкает в пасть руку. Мы, пацаны, знаем: отчаянный Витька Антонов и на кладбище ходит ночью на спор, а утром возвращается веселый: огонечки там горят на могилках, будто свечи, красиво!.. А мы говорим: «А вот и нет, небось, не захочешь иметь дело с кобелем толстой Парани, небось, струсишь?» «А вот и не струшу», — отвечает Витька Антонов, и всем скопом, гогоча, мы идем на Паранин двор, где на цепи уже пятый год сидит кобель. Встречает нас басовитым лаем, шерсть на загривке дыбом, глаза горят... Хорош пес, под стать хозяйке, и та во двор не каждого пустит, но с Витькой Антоновым предпочитает не ссориться: накладно. Только и говорит: «Хочешь, миленький, спытать кобеля? Попробуй, я погляжу...» Вроде бы и довольна даже. Но мы, пацаны, вдруг сделались скучными: «Вить, а может, не надо?» «Отчего ж не надо?» — соглашается Витька Антонов. — Как раз надо! И идет к кобелю. Мы затаили дыхание, а те, кто посмелее, похватили в руки камни. Ждем. И Параня ждет, ухмыляется.

«Вот мы сейчас потолкуем с тобой, — тихо говорит Витька Антонов и подходит к кобелю все ближе, ближе. — И потолкуем, а что?.. А спросим: отчего у тебя хозяйка за чужими мужиками ухлестывает, иль своего нету?.. В том-то и дело, что есть, правда, раненый, без обеих ног. И спросим, да!..»

Я гляжу на Параню, и так-то она вся красная, а тут вроде малиновой сделалась, распирает, видать, ее от злости-то...

А Витька Антонов уже возле пса, кладет ему на загривок руку, садится на землю, берет пса за шею, нащептывает ему что-то... Параня не выдерживает, машет над головой руками, кричит: «У, псина, корми его!» — и убегает в избу, но скоро, опамятавшись, возвращается, смотрит, как Витька Антонов заталкивает в пасть псу руку, а потом идет от конуры, улыбаясь.

Когда мы выходим за ворота, слышим, как Параня ругает пса. Витька Антонов останавливается. «Погодите-ка», — говорит и возвращается на Паранин двор. Минуту-другую спустя слышим: «Ты, Параня, не забивай пса-то. Не надо. Я могу и рассердиться и уж тогда устрой тебе — век не забудешь». А скоро слышим и Паранин голос: «Витенька, миленький, ну что ты?.. Ей-богу, и в мыслях не было забивать пса: он такой славный и тебя не тронул. — И торопливое, через паузу: — Ты, Витенька, не шибко-то, ну, насчет мужиков-то... Я ж баба, а мой-то весь покалеченный, куда ж мне деться-то, господи!..» «Ладно, ладно, — отвечает

Витька Антонов, и в голосе его смущение. — Мне-то что?.. Живи, как знаешь. Это я так, для порядка...»

С того и пошло. И скоро уж на деревне не осталось собаки, в пасть которой Витька Антонов не заталкивал бы свою правую руку. Но встретили как-то на улице бродячего пса. Рыжий, глаза как красные угли. Увидев нас, поднял морду от мусорной кучи, ошестинился. «Красавец, — сказал Витька Антонов. — У нас таких сроду не было». И пошел навстречу псу. Мы, пацаны, затаились в распадке, страшно, и не глядя в ту сторону. Помню, на сердце у меня было беспокойно, все ждал чего-то. И дождался. Витька Антонов спустился в распадок, и рука у него по самый локоть в крови. Я в тот раз, кажется, впервые понял, что значит дрожать как осиновый лист, когда над степью висит полуденный жар, а у тебя зуб на зуб не попадает. И не только я понял это, пацаны вроде бы тоже. Те, кто послабее нутром, сорвались с места, убежали. А те, кто остался, неумело, наспех перевязали Витьке Антонову руку.

Но и после этого Витька Антонов еще долго, стояло зарубцеваться ранам, баловал с собаками. Спрашивали у него пацаны: «А смог бы ты затолкать руку в пасть льву?» Он ненадолго задумывался, отвечал: «Поди, смог бы, да в наших краях львы не водятся».

Витька Антонов — сирота, но и у него, как у всех людей, были отец и мать, померли они в войну. По слухам, приехали на похороны Витькины родственники из разных деревень, все, что было путного, забрали, а избу заколотили. Долго спорили, в чью семью взять самого Витьку. Нашелся один, посадил его на телегу. Увез. Но недолго пожил Витька Антонов у родственника, вернулся. Сорвал со стовен доски, затопил печку...

Не маленький уже — кое-что умел делать: навоз ли у соседки разбросать по грядкам, замок ли починить на колхозном складе — от отца перенял это ремесло. Без куска хлеба не сидел. К тому же председатель колхоза выделил на Витькину нужду поросенка: «Пускай у тебя во дворе живет, к зиме будешь с мясом. — И, помедлив, добавил: — Но чтоб по весне вступил в колхоз. Нам люди нужны».

В пору сенокоса работника ретивее Витьки не просто было сыскать: ставил копны, помогал стогометателям, и потому, когда подходило время подбивать бабки, трудней у него было немало. Я и теперь помню: мы, пацаны помладше, очутившись на сенокосе, норовили быть рядом с Витькой Антоновым — бойкий да шустрый, подле него, кажется, и солнце не так палило, и мошка не так ела... Нет, он не всегда был справедлив к нам и подшучивал зло, а то вдруг, когда пацан, не сумев совладать с лошадей, развалит копну, накричит-наорет, да так, что иной раз пацан не выдерживает, начинает хлюпать носом.

Но было в нем что-то непривычное, что-то дерзкое, и со взрослыми он на равных, иной раз как скажет: «Я и сам не дурак, не надо меня учить». Может, это и нравилось, не знаю. Я и теперь многого не знаю и не понимаю в Витьке Антонове, а только когда думаю о нем, начинает щемить сердце, и меня мучает вина перед ним, нет, не та, не личная — другая, из общего котла... Мне всегда было жалко Витьку Антонова. Он, кажется, догадывался об этом, но не обижался, хотя другому кому не спустил бы... Как-то бабы в очереди вздумали жалеть его: сиротинушка ты бедная, горемыка, — так он страсть как обиделся на них и такое выдал, что бабы и теперь еще нет-нет да и вспомнят и разведут руками.

Идем с Витькой Антоновым по улице, а я и не знаю, куда и зачем... Что-то расхотелось слоняться, и домой потянуло, но тут я вспоминаю о черных сусликах. А что, если и в самом деле есть такие? Вот бы поглядеть! Но до Лысой горы километров десять, и мы, пацаны, и не ходим туда, и не только потому, что в ту сторону не выпадает у нас дороги, а еще и потому, что о Лысой горе идет по деревне недобрая слава: будто души тех, кто давно помер, летают над нею и беспокоят людей. По слухам, в прежние времена в березовой роще, подле Лысой горы, местные буряты хоронили своих родичей. Тогда не закапывали гробы с покойниками в землю, а подвешивали их к ветвям деревьев, а то и просто оставляли у подножия Лысой горы.

Я подавляю в себе робость и, сам не ожидая от себя этого, говорю, что мне страсть как хочется сходить на Лысую гору и хоть одним глазком глянуть на черных сусликов. Витька Антонов посматривает на меня с усмешкой:

— Согласен. Пошли...

Я почти со страхом гляжу на него: не ожидал, что он так скажет. Уже за полдень, а до Лысой горы топтать да топтать... К тому же там черт те что творится: людские души носятся, как угорелые, и у меня нет желания встречаться с ними. Останавливаюсь посреди улицы, опускаю голову. Витька Антонов оборачивается ко мне, спрашивает:

— Ну, чего ты?.. Боишься? А зря. Ты живых бойся, а мертвых... они не сделают зла.

— И вовсе не боюсь, — говорю и чувствую, что краснею. Но Витька Антонов уже и не смотрит на меня, начинает рассказывать, как славно на вершине Лысой горы и как хорошо оттуда видать всю округу. Было бы время, он бы оттуда не уходил и все глядел бы, глядел...

Он замечаю, как оказываемся на околице и идем узким разбитым проселком. Прихожу в себя, когда деревня остается позади, а в лицо тянет ветром. Не знаю, отчего, наверно, оттого, что Витька Антонов нынче весел, а таким он нечасто бывает, на душе у меня становится легче, и я мысленно говорю себе: «А, где наша не пропадала!..»

Витька Антонов насвистывает что-то под нос, спустя немного говорит:

— Люблю петь, хоть и пою худовато.

Если бы только «худовато»! Как-то на улице вдруг запел: «Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой...» Да не запел — заорал и так громко, что нас, пацанов, взяла оторопь: «А он случайно не того, не свихнулся?» Но был среди нас один, ушлый, он сказал: «Нет, не свихнулся. Это у него называется петь». М-да, веселая тогда вышла история. Витька Антонов «поет», а собаки начинают лаять — в одном конце деревни, затем в другом, и вот уже их голоса слились в один протяжный вой. Помню, нехорошо тогда было у меня на душе, в пору самому завить. Потом бабы говорили по деревне: «На собак кто-то напустил порчу, всю ночь, окаянные, выли...»

— Люблю петь, — снова говорит Витька Антонов.

Я с мольбою смотрю на него:

— Может, не надо, а?

— Как хочешь, — пожимает плечами парень.

Ближе к вечеру усталые поднимаемся на Лысую гору. Тут уж не до черных сусликов: ноги у меня гудят. Опускаюсь на влажную — не обсохла еще после снега — землю, дышу тяжело. «Простынешь», — говорит Витька Антонов, но я лишь машу рукой, а о душах, которые, по слухам, живут на Лысой горе, я теперь не думаю даже. Не до них... Вспоминаю об этом позже и со страхом оглядываюсь. Витьки Антонова нет подле меня, ушел куда-то, а я и не заметил. Вскрываю на ноги, испуганно озираюсь и тут вижу тень, она плывет над землей, большая, крылатая. Замираю на месте. «Ну, пропал», — думаю и зажимаюсь. У меня дрожат колени. Еще немного, и я заору в голос. Но тут кто-то кладет на мое плечо руку:

— Что с тобой?

Не сразу узнаю голос Витьки Антонова. Облегченно вздыхаю, открываю глаза и, стараясь не глядеть на парня, говорю:

— Маленько задумался.

— Это хорошо, — улыбается Витька Антонов. — Подумать никогда не вредно. — Я подымаю голову, но глаза у парня серьезные. — О том хотя бы, что буду есть завтра. Я же один.

— Худю одному? — спрашиваю участливо.

— Хорошего мало, но я привык. — Замолкает ненадолго. — Я тут в прошлый раз череп нашел... кости... Вон там, внизу. Нынче сходил, забросил землю. Жалко!.. Темные были люди, не понимали, что мертвому лучше лежать в земле. Все какой-никакой порядок... Нельзя без него.

Я не понимаю, о чем говорит Витька Антонов, но, кажется, он и сам не понимает этого. Непривычно слышать от него о порядке, который, сколько я помню, никогда не был ему по душе. Он, к примеру, мог сказать: «Пропускаешь уроки? И ладно. У меня вон за плечами четыре класса, а ничего, живу...»

Не пойму, какой порядок он имел в виду. Но я не расстраиваюсь. Эх-ка! Впервые, что ли? Витька Антонов из той породы людей, что не перестают удивлять. Помню, пошли мы с ним на озеро, а там охотники бродят в резиновых сапогах, осторожно раздвигая тощие кусты, выцеливают уток, срывают их с водной, в золотистых крапинах вечернего солнца поверхности. Витька Антонов тогда и сам с ружьем был, а тут вдруг выскочил на берег, закричал что есть мочи, размахивая руками, и не успокоился, пока утки не снялись с озер и не перелетели на болота, куда охотникам нет хода. А потом долго переругивался с мужиками: те злые, могли и побить, только достать Витьку Антонова не так-то просто, не подпускает к себе ближе чем на пять шагов, отскочит в сторону, дразнится... Помню, спрашивал у него: «Зачем птицу-то вспугнул? Сам же хотел поутковать». Обиделся даже: «Хотел, хотел... Мало ли что хотел? Вот взял и раздумал». И уж когда подходили к деревне, сказал виновато: «Жалко стало уток, бестолковые какие-то... Их выцеливают, а они покружат-покружат над озерами и опять садятся на прежнее место».

— Все какой-никакой порядок, — снова говорит Витька Антонов. — Нельзя без него.

Потом берет меня за плечи и, чуть наклонившись, вытягивает вперед руку и говорит радостно:

— А деревня-то наша отсюда маленькая-маленькая, и вокруг степь. Вроде как спичечная головка на ладони деревня-то наша.

И правда, как спичечная головка... Далеко же мы ушли от нее! А вон кажется река узкой синей полоскою и скалы на той стороне долины: снег на вершинах, он и летом будет лежать, солнце его не тронет. Там, говорят, круглый год холодно. Бывает же! Э, да чего только не бывает! А пацанам скажу, что ходил на Лысую гору, — не поверят, поди. Но да ничего, мы прихватим отсюда камешек, нет, лучше горсть земли. Вернее. Отец, когда уходил на войну, брал с собою горсть земли, завернул ее в платочек и взял. Она и теперь, земля-то эта, в вазе на подоконнике... И не тронь. А не то мать разобидится, накричит. Правильно! Еще скажу пацанам: и не страшно было на Лысой горе. И впрямь не страшно? Вру малость. Есть кое-что... Да я не маленький. Перетерплю.

— Я, когда подымался в первый раз на Лысую гору, тоже робел, — глядя на меня, говорит Витька Антонов. — Все думал, люди не скажут зря. Значит, что-то есть... А ни черта нету. Врут люди. — И тут же, усмехаясь, замечает: — Чудно даже, до чего часто врут люди. Вон жена моего дядьки... Собирает вещицы в нашем доме, после того как померла мать, нашептывает: «Уж и заживем мы с тобою, Витек. Ни в чем не будет тебе отказу!» А сама все зыркает по сторонам, зыркает да еще и спрашивает: «Тут, на стене, кажется, был коврик. Не знаешь, Витек, куда он подевался?» — Опускает глаза, что-то разглядывает на земле, потом снова подымает голову, легонько хлопает меня по плечу: — Называется, зажали... Своей пацанке отрежет от буханки, а на меня только посмотрит и вздохнет: «Ох, и накладно, Витек, содержать тебя: уж шибко много ешь».

Пальцы на моем плече сжимаются в кулак: больно...

— Ну, чего ты? — говорю. — Отпусти.

Не слышит...

— Дура-баба! — восклицает. — Много я съел у нее! Считай, днями голодный ходил. В-вот... Оттого и удрал оттуда и живу теперь один.

Вспоминаю к случаю, говорю:

— У тебя вон сколько собак-то во дворе... Не дадут скучать.

Будто не слышит:

— И неплохо живу. Весело живу, — улыбается, но неуверенно как-то.

Недолго мы еще находимся на Лысой горе и вот уж, к моей радости, спускаемся вниз...

Не спеша, степенно входим в деревню. У первого встречного спрашиваю: который теперь час? «Никак седьмой?» — отвечает. Это меня устраивает. Значит, отец ушел в школу. Нынче там концерт, и отец читает стихи Маяковского. Наверно, опять, как и в прошлый раз, «Стихи о советском паспорте». Он любит выступать со сцены; хлебом не корми, дай только во весь голос заявить: «Я волком бы выгрыз бюрократизм...» А еще он любит после концерта спрашивать у меня ли, у сестры ли: «Здорово я нынче читал?» Может, и здорово, не знаю. Ребятам нравится, и Витьке Антонову нравится. Однажды признался, что ходит на отца, как на артиста. Чудак человек. Это я о Витьке Антонове. Да и отец не лучше. Шумит со сцены, руками размахивает — неудобно мне...

Просыпаюсь позже обычного: воскресенье. Лежу в постели, вспоминаю, что было со мною вчера, и улыбаюсь: смелый я пацан! На Лысой горе побывал и не испугался. Надо будет рассказать друзьям, похвастаться.

Но похвастаться нынче не удалось. Только выхожу у лицу, слышу, стреляют сначала в одном конце деревни, потом в другом. Бах! Бах! Вижу Витьку Антонова, лицо хмурое, спешит куда-то...

— Чего это пуляют? — спрашиваю. — Никак опять война?

— Типун тебе на язык! — говорит парень. — Бездворных собак отстреливают.

Вон оно что! Бегу следом за Витькой Антоновым: у него собак во дворе — и не перечесть сколько. Днем убегают, а к ночи возвращаются. Живут. По пути встречаю девочку, да нет, пожалуй, девушку. Постарше меня. Волосы у нее выбиваются из-под косынки, в глазах испуг. Новенькая. Я не видел ее раньше в деревне. Видать, та самая, что приехала с матерью из города, а поселилась в баньке у тетки Парани. Конечно, она. Кто же еще? Останавливается подле нас.

— Собак, — говорит, — убивают. Жалко... Они такие глупенькие и такие беззащитные.

— Ничего... защитим, — говорит Витька Антонов и идет дальше. Я оборачиваюсь к девушке и тоже говорю:

— Защитим! — И, помедлив, предлагаю ей пойти с нами и посмотреть, как мы будем выручать собак. Я думал, девушка откажется, но она говорит:

— А что? Не такая уж я трусиха и могу пригодиться.

Витька Антонов идет к себе во двор, я следом за ним. И девушка не отстает. Лицо у девушки белое, бледное даже, а глаза черные. Вся она какая-то тоненькая, слабая, и подержал бы ее под локоток, да неловко: еще засмеет Витька Антонов. А вообще-то не надо, конечно, брать ее под локоток: и она может не понять, да и я потеряю себя в собственном мнении. И так бывает. Что там ни говори, а я чересчур влюбчивый, вон уж и про учительницу с розовыми щечками позабыл. Нехорошо!..

Собак во дворе черт те сколько: и белые, и рыжие, и черные — самого разного окраса. Многие сюда на ночь приходят, но есть и такие, что прячутся тут, только что прибежали: вон и бока у них мокрые.

Витька Антонов заталкивает в рот два пальца, свистит, и тотчас же собаки окружают его, прыгают ему на грудь, норовят лизнуть в лицо. «Но, но! — говорит парень. — Не дурить!» Потом выходит со двора. Собаки не отступают от него. Не отстаем и мы с девушкой. А звать ее Маришею, она так назвала себя, когда Витька Антонов искося посмотрел на нее и спросил: «Ты кто такая?» А еще он сказал, что нечего ей здесь делать, но Мариша не захотела уйти, а Витька Антонов не стал настаивать. И это было не очень-то понятно. Она же девушка, а к женскому роду-племени он не питает уважения. Но нынче он, кажется, позабыл об этом. Что ж, бывает...

Идти по улице в окружении собак, да еще рядом с Маришей приятно! Не то что старики и старухи, а и пацаны не усидели по домам, стоят у ворот, глазеют. Да, да, приятно! Небось не каждый день пацаны смотрят на меня с таким интересом. О Марише я уже забываю, а о собаках помню лишь то, что надо их выручить. Но, выйдя за околицу, прихожу в себя.

— Уведем собак в соседнюю деревню, к звенкам, — говорит Витька Антонов. — Они уважают собак, не станут их стрелять...

— Какой же ты молодец! — восклицает Мариша, почти с восторгом глядя на парня. — Прямо молодец!

Я пожимаю плечами: дескать, подумаешь... А Витька Антонов усмехается, но усмехается не так, как умеет, не обидно для Мариши.

В соседнюю деревню мы приходим в полдень. Витька Антонов велит нам побыть на улице, а сам убегает. Возвращается нескоро, и не один — с молодым звенком. Тот чуть пониже Витьки Антонова, но в плечах шире.

— Стало быть, собак хотели убивать, а вы притащили их сюда? — Я киваю, но звенк уже и не глядит на нас с Витькой Антоновым. Маришу увидел, цокает языком: — Хорошая! — спрашивает у Мариши: — Пойдешь за меня?

— Да ну тебя! — с неожиданной горячностью говорит Витька Антонов. — Она еще девчонка, и ей рано замуж!

Молодой звенк ненадолго задумывается:

— Рано, так рано, — машет рукой. — Пошли ко мне чай пить.

Двор у молодого звенка небольшой, обшит тесом, и щенку не выскочить. Но собаки и не пытаются убежать, пришли, развалились кто где, весь двор заняли...

Чай пьем недолго — надо возвращаться, вечерет уж.

— Ты не волнуйся, — говорит звенк Витьке Антонову. — Пристрою собак к хорошим людям, жить будут, работать будут.

Выйдя за околицу звенкинской деревни, которая вроде бы и не отличается от нашей, разве что дома здесь чуть пониже и пятистенников нету, Витька Антонов вдруг оборачивается к Марише, с интересом смотрит на нее:

— А ты чего потащила с нами? — но говорит он спокойно, без того, чтобы помяться над нею или обидеть. Мне это не шибко-то нравится. Отчего-то хочется, чтобы он был с Маришей таким, каким бывает с девчонками из нашей деревни: грубоватым и насмешливым. Но потом это проходит. Мариша молчит. Улучив момент, когда она отворачивается, встаю на носки и говорю Витьке Антонову на ухо: «Красивая, правда?» Тот с минуту молчит, шепчет: «Красивая. К тому же непривычная какая-то, собак жалеет...»

Через три дня идет Витька Антонов по улице, покачиваясь, насвистывает что-то веселое. Сразу видно, выпимши. Бывает с ним такое. Не часто, правда. Останавливает меня:

— А где девушка? Ну, та? Дома?

— Почему я знаю? — отвечаю сердито. — Может, и дома.

Витька Антонов трет виски пальцами:

— Пойдем к ней... к Марише. Так, кажется?.. Что-то на душе у меня... Грустно! А ночью даже сон видел про себя и про нее. Не разбери-поймешь!.. Пойдем.

Я долго отказываюсь, но парень настаивает, и я в конце концов соглашаюсь.

Мариша дома одна, обрадовалась нам, не знает, куда и усадить, но скоро лицо у нее делается грустным.

— Зачем же ты? — говорит она, не глядя на парня. — Нехорошо.

Витька Антонов начинает куражиться: а что, не имею права? На свои кровные пью — не на чужие... Мариша молчит, опустив голову, потом уходит на кухню. Мы ждем, но она — таки не появляется. А когда мы оказываемся на улице, Витька Антонов делается трезвее, смущенно поглядывает на меня:

— Сбрендил что-то...

— А не будешь пить.

— Ну ты! — с угрозой в голосе говорит парень, но эта угроза не та, которую надо опасаться, неуверенная какая-то... Я чувствую, ему стыдно, и он думает о том, что бы теперь сделать, отчего Мариша перестала бы сердиться. Но так ничего и не находит.

— А ну ее! Городская... Зазнаётся.

— И вовсе не зазнаётся, — с обидой говорю я. — А наоборот, очень даже интересно рассказывает о городе, какие там большие дома и улицы...

— А я и не слышал... Ну-ка, ну-ка!

Нелегко говорить с Витькой Антоновым: он во всем сомневается, часто перебивает меня: «Что ты?! Не может быть!.. Враки!» Но все же я до конца рассказываю о том, что услышал, а может, чуть больше того, что услышал. Ведь и я, было время, жил в городе. Но вот замолкаю. Парень долго, прищурившись, смотрит куда-то в сторону, потом говорит с восхищением:

— Молодец девка! И в городе, в такой суете, не потеряла себя, осталась человеком. То-то на душе у меня... Я ведь такой, сразу вижу: хороший человек, нет ли...

Слышать это от Витьки Антонова непривычно. Он не любит да, кажется, и не умеет хвалить, разве что иногда скажет: «Ну пацан! Ай да пацан!»

Мы идем к Витьке Антонову. Я допоздна сижу у него. Он скучен и ни о чем другом не хочет говорить, как только о Марише, и это в общем-то мне по душе. Ведь о Марише я знаю больше, чем он. Он всего-то и знает, что она «городская» и приехала в деревню с матерью, а я еще и о том, что у нее есть отец, но бросил их, живет теперь с другой.

— Слабые они какие-то, всякий их может обидеть, — грустно говорит Витька Антонов. Он подымается с лавки, сбивает окалину с фитиля семилитровой лампы, чиркает спичкой. Желтый огонек дрожит, ежится, кажется, вот-вот погаснет. Но нет... Спустя немного он делается ровнее, мягче. Зажмурившись, смотрю на огонек, а думаю о Марише. Многие в ней есть неясно для меня, но это не раздражает, как не могут раздражать облака, которые плывут по небу. Я принимаю Маришу такой, какой я представляю ее себе, и больше мне ничего не надо. Но Витьке Антонову, чувствую, этого мало...

— А завтра мы с Маришей пойдем за подснежниками, — помедлив, говорю я.

Витька Антонов вздыхает: ему, думаю, завидно, что у меня с Маришей все так хорошо складывается и я чуть ли не каждый день прихожу на подворье тетки Парани и подолгу беседую с Маришей.

— Ладно, — говорю я. — Возьмем и тебя.

Лицо у Витьки Антонова делается радостное, но скоро он сникает.

— А она, поди, в обиде, что я нынче... Неудобно!

Я уже не удивляюсь тому, что и Витьке Антонову может быть «неудобно», не слепой, вижу: с тех пор, как приехала Мариша, а особенно после нынешнего нашего разговора что-то случилось с ним, вялый какой-то.

— Обойдется, — говорю я. — Не переживай. Правда, она не любит, когда... Ну, короче, ясно, да?

Витька Антонов энергично кивает головой, а потом мы выходим от него, и он провожает меня до дому.

Лес негромко шумит кронами. Изредка птицы перелетают с дерева на дерево. В высоком небе неподвижно стоит раздерганное черное облачко.

Мы идем по тропе. Впереди Витька Антонов, за ним я, потом Мариша... Снега

уже и в лесу нет, разве что изредка в изножье елок, под густыми зелеными шапками еще лопаются, оседают ноздреватые сугробы. Земля подле тропы сырая, тяжелая, и мы старательно выверяем шаг, чтобы, не дай бог, не соскользнуть с тропы. Потом замаешься соскабливать с ичигов грязь.

Но вот выходим на поляну. Тут посуше, и солнце пригревает. Мариша тяжело дышит. Устала. Однако глаза у нее веселые. Оглядывает поляну, на которой кое-где, тесня прошлогодние, побитые морозом травы, уже пробивается молодая зелень.

— Хорошо-то как! — говорит.

Витька Антонов с недоумением смотрит на нее, и по выражению его лица я догадываюсь, что он вот-вот скажет: «А, так себе! Бывает и лучше!» — но я не хочу этого, говорю торопливо: «Да, да, хорошо!»

А еще я говорю о том, что мне нравится ходить по весне в лес: подойдешь к дереву, прислонишься ухом к стволу и слушаешь... Деревья-то по весне, как люди. И шепчут о чем-то и радуются... А зимой не то. Зимой деревья стонут.

Я говорю об этом, а сам с опаской поглядываю на Витьку Антонова, но он... Он вдруг произносит:

— Верно! — И, помедлив, добавляет: — Им хорошо, деревьям-то, стоят друг подле друга, и им не страшно. А вот если ты... Э, да ладно!..

Он недоговаривает чего-то, и я вроде бы знаю, о чем он еще хотел бы сказать, но не скажет, потому что рядом Мариша. А она вдруг вскрикивает:

— Мальчики, глядите, подснежники! — и бежит по поляне туда, где белой стенкой, прижимаясь друг к другу, стоят березы.

Вместе с Маришей мы лезим под деревьями, собираем подснежники. И часто теряем ее из виду, и тогда Витька Антонов с беспокойством смотрит на меня, но я говорю: «Не бойся. Тут не заблудишься».

Потом мы снова выходим на поляну. У Витьки Антонова в руках большой букет цветов, не меньше, чем у Мариши. Он долго разглядывает его, протягивает девушке:

— Бери.

— Мне?

— А-га, — говорит парень и краснеет.

— Ой, спасибо! — восклицает Мариша, и Витька Антонов, приободрившись, говорит:

— А знаешь, я буду вам помогать. Ну, тебе и твоей матери. Мне это ничего не стоит, ведь я один...

Мариша долго молчит:

— Помогать? Зачем? — Но, увидев, как изменилось лицо у парня, поспешно добавляет: — Если хочешь...

И вот мы снова на тропе. Спускаемся к реке. Не доходя до деревни, в том месте, где отлогий берег густо изрезан канавами, или, как называют их на деревне, отводами, которые протянуты чуть ли не к каждому огороду, останавливаемся.

— Ничего не замечаешь? — спрашивает Витька Антонов.

— Нет, — говорю. — А что?

Смеется:

— Срезал я отводок-то, что идет на огород Петрована. Еще осенью поработал. Помается, пока будет с водой. — Украдкой поглядывает на Маришу, но та опускает голову. Хмурится: — Зловредный человек Петрован-то... В райцентр на рынок таскает огурцы и продает втридорога. — И снова поглядывает на Маришу, та опускает руку с букетом, подснежники едва ли не достают до земли. — А, — говорит Витька Антонов с досадой. — Пошли!

Идем по деревне молча, и только у самых ворот Параниного дома Мариша говорит едва ли не с молябью в голосе:

— Не надо так делать. Нехорошо! — закрывает за собою калитку.

— Она что, блаженная? — минуту-другую спустя произносит Витька Антонов.

— Нет, не блаженная, а только и отца не ругает, что бросил их с матерью. Говорит, а может, ему лучше с той-то, с другой? И пускай себе живет. А мы с мамой всю войну были вдвоем. Привыкли уж...

— Блаженная, — вздыхает Витька Антонов. — Но, может, и нет. Может, так и надо, а? — растерянно смотрит на меня. Но что я могу ответить? Молчу.

Дня через три я встречаю Витьку Антонова на улице, и он говорит, не глядя на меня:

— Не сможешь расчистить канаву?.. Ну, там, на отложье?

— Отчего бы и нет?

Не мешкая, забегая ко мне во двор, берем лопаты, идем на отложье. Возимся с канавой чуть ли не дотемна: «перемудрил» парень, столько камней набросал в канаву — упарились, пока не расчистили...

А потом идем к Марише, рассказываем о том, что сделали.

— Мальчики, — говорит она. — Милые вы мои, хорошие... — А когда выходим за ворота, Витька Антонов вдруг хватает меня за плечи, поворачивает к себе:

— А скажи-ка, пацан, почему у меня на душе так... ну, так... и плясать хочется и петь?

— Не надо, — говорю я.

...Я теперь едва ли не каждый день, сразу же после уроков, прихожу к Марише. Я люблю смотреть на нее, когда она говорит. Часто, гораздо чаще, чем мне хотелось бы, подле нас оказывается Витька Антонов, с интересом слушает Маришу и удивляется, и смеется, и радуется, и грустит вместе с нею. И я постепенно начинаю забывать того, прежнего Витьку Антонова.

Так было. Так все и было. Я и теперь не забыв... Но прихожу как-то, а Мариши нету, банька стоит распахнутая, а занавеска не белеет на окошке. На сердце тревожно стало, забегая к тетке Паране.

— Где Мариша? — спрашиваю.

— А ее уж и след простыл, — отвечает. — Уехала. Видишь ли, дело-то какое, мать у нее шибко больна, не нашли ей в колхозе подходящей работы.

Растерян, смят... Выхожу в улицу, а там уж Витька Антонов.

— Нету, — говорю ему. — Уехала.

Поблудней Витька Антонов, и в глазах испуг. Говорит чуть слышно.

— А я?.. Как же теперь я буду-то без нее?.. Что мне теперь делать-то, куда пойти-то?..

Горько. Обидно. Но кто же виноват в этом? Кто?

— А-а! — вдруг кричит Витька Антонов и бежит куда-то по улице. И бежит. А люди смотрят на него сквозь тусклые стекла окошек и еще не знают, что случилось...

С П Е Ш И Л И Н

Клара СКОПИНА,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Письма-исповеди... Их много приходит в редакцию. В каждом — в чем-то вывихнутая, не сложившаяся или не складывающаяся так, как хотелось бы, жизнь, сомнения и раздумья, просьба, даже мольба о помощи. И так как у всех у нас одна-единственная жизнь, то почему же не попытаться по-человечески вывести ее из тупика? Жизни человеческие нельзя считать на миллионы. Жизни человеческие можно считать только единицами. Каждая жизнь — это жизнь единственная и неповторимая.

Всегда ли и во всем ли виноваты те, у кого она не удалась? Разве не бывает так, что в начале трудового пути, в годы особенно острой впечатлительности, молодой человек сталкивается с атмосферой деликатности и равнодушия к своей личности? Мы говорим: не приспособлен к жизни. А он, молодой человек, не приспособлен к равнодушию, и понятно почему: до сих пор он знал школу и дом, где всем до него было дело, где он жил в среде таких же, как он, с той же самой задачей: закончить прилично школу, получить аттестат зрелости. И почти до самого окончания школы человек идет хорошо выверенным маршрутом, совсем как на туристской тропе с надежным инструктором.

И вот сразу обвал, не легче снежного обвала в горах: впервые — индивидуальный выбор, впервые — лицом к лицу с многоликостью жизни, без знакомых сверстников и «инструкторов», сам, один — перед выбором и одолением. Просто? Ну, если мы, взрослые, забыли уже, как горько плакали, когда в первые годы не ладилась работа, как от бессердечных слов коллег хотелось немедленно положить заявление на стол, а до того сколько раз хотелось оставить вуз, где время от времени возникали конфликты, — если мы все это забыли, то вслушаемся в почту: «Напишите, что почти все через это проходят, и я обязательно в себя поверю!» Это говорит благополучный молодой специалист, работающий по специальности, но совершенно потерявший себя в первом приближении к жизни. Что это, случайные вскрики слабых людей?

Думаю, что нет. Думаю, что пора расширить рамки «трудного возраста» в общественном сознании. Если отроческий возраст труден как переход в новое физиологическое состояние, то 18—20 лет — тоже переходный возраст и тоже труден как переход в новое социально-психологическое состояние. Какая нагрузка на душу! Выбор профессии или освоение ее; выбор друга или первая утрата, разочарование; ожидание любви или чувство безразличности, и все это почти одновременно. Легко судить с высоты зрелости ошибки этого возраста, но как нелегко путь к этой зрелости, к душевной стабильности! Вспомните, у кого сегодня твердая дорога под ногами, ясная, разумная жизнь, выдержка перед бурями и трудностями, одни ли плыли вы к своему берегу? Кто-то вернул вам ваше заявление об увольнении, кто-то в горькую минуту нашел для вас неказенное слово, кто-то по-житейски выручал не однажды, кто-то не поспешил осуждать вас за неординарный поступок... Вот и не сойла с ног жизнь, вот и не закружили воронки и водовороты.

«Почему же, почему никто из тех людей, кто окружал меня, не смог понять до конца?» — спрашивает в письме девушка. «Если б ты была настоящим человеком, поняла бы!» — отвечает ей другая. Ну, а если пока не настоящий? Что тогда? Бросить, отвернуться — тони? Да ведь и настоящими-то не рождаются, а становятся, и не всегда в дошкольном возрасте, и в биографиях настоящих людей бывают юношески смутные странички, из которых человек выходит с помощью тех, кто рядом, — более сильных, более зрелых, более неуязвимых. «Люди же все

разные!» — справедливо пишет парень из Свердловска.

Помню, когда в «Смене» (№ 13, 1980 г., «Хочу вам сказать...») была опубликована исповедь Леры, сделавшей на путях-дорогах жизни много неверных шагов и все же нашедшей в себе силы выйти к хорошему, светлому, среди многочисленных откликов оказался и такой: «Зачем нужно копать в этом мусоре? Я понимаю: когда вы пишете о людях сильных и ярких, это поучительно, это поднимает дух. А чему учат судьбы таких, как Лера?» — задавал вопрос преподаватель вуза.

А судьбы таких учат тому, что не надо желаемое принимать за действительное.

Не надо считать, что все октябрята становятся пионерами-Тимурами.

А все пионеры-Тимуры становятся комсомольцами-Кошевыми.

Где-то, в какой-то момент, в силу большого количества не учтенных никем причин и обстоятельств из строя выпадают такие ясноглазые, такие многообещающие мальчики и девочки.

И не все пионеры становятся настоящими комсомольцами.

И не все комсомольцы — Корчагины и Кошевы.

И судьбы таких заставляют задуматься: а кто же они, другие, неведомые нам, мечущиеся и неприкаянные? И что надо делать, чтобы все же их не потерять?

Нисколько не преуменьшаю ответственность человека за свою собственную судьбу. Даже больше того — с полнейшей убежденностью, на основании знакомства с биографиями сотен людей, с которыми свела профессия, утверждаю, что если человек сам не захочет выбраться из путаницы и трясины, то никакие внешние силы его не вытащат. Но беру смелость утверждать и другое. Если человек сбился, без внешнего толчка, без усилий неформально заинтересованных людей выбраться трудно. Ведь любой сбой — это проявившаяся болезнь. Ее уже не предотвратить, а лечить надо.

Это не домыслы. Письма-исповеди дают право говорить об этом с уверенностью. Они подтверждают, что даже и при самом трезвом самоанализе и самоосуждении один человек не все может.

БОРЬБА

Исповедь Володи

«Мне уже 22 года, но я как человек, как личность почти нуль. Я не комсомолец: в школе боялся, что будут ругать за двойки, в армии да и теперь считаю, что недостойн, хотя хотели меня принять. В жизни своей я не встречал людей, даже близко похожих на таких известных героев, как Корчагин или Кошевой. Около меня оказывались люди слабые, к коим я и себя причисляю. Ни школа, ни семья (отца своего я в глаза не видел, а мама малограмотная, ничем не интересуется), ни завод не показали мне образец настоящей жизни. Везде на первом месте свое личное. До армии я вообще олухом был. До восьмого класса еще учился кое-как (хотя не помню, чтобы сидел за уроками больше получаса). В девятом же и в десятом вообще учебников не брал в руки. Неудивительно поэтому, что знаний у меня нет совершенно. Все свободное время проводил на улице: выпивал, случалось, дрался.

Учителя были нетребовательны и к себе и к нам, а нам в то время того и было надо (сейчас я об этом очень сожалею). У меня не было никаких понятий о долге и о жизни вообще. Вернее, были понятия, но какие? В школе наш класс называли «болотом», хотя, как я сейчас понимаю, это подколлектив был «болотом».

После армии я хотел жить не то чтобы в свое удовольствие, но тихо, спокойно. А теперь вижу, что жить так нельзя, моя душа не принимает этого. Но и жить для людей я не могу, не научили и не научился. Да и что я могу им дать?

Говорят, каков человек в юности, таков он и всю жизнь, так ли это? А если я не хочу быть таким, какой я есть в настоящее время?

Я хочу понимать и любить людей и испытывать потребность обращаться к поэзии, музыке, живописи, хочу продвигаться вперед в умственном, нравственном, моральном отношении, хочу любить людей, радоваться вместе с ними, горевать, переживать их горе больше своего. Хочу научиться любить природу, восход и заход солнца, далекие звезды на небе. Хочу быть похожим по духу на известных героев. Ведь

именно такие люди и им подобные совершают подвиги на войне и в мирное время.

Но я не знаю, с чего мне начинать, ведь я размазня никудашная в настоящее время. Я буду вам очень благодарен, если можете мне советом, а может, достанете литературу по самовоспитанию или подскажите, где достать такую. Я недавно слышал про такую книжку (одну из таких) по радио. В ней есть советы по самовоспитанию умственному, нравственному, физическому. Я понимаю, времени у вас мало, но очень вас прошу: удалите немного мне.

У меня несколько раз возникало желание поехать на какую-нибудь стройку, но, во-первых, я не имею строительной специальности, а во-вторых, слабоват здоровьем. В настоящий момент я не работаю: легкой работы в поселке нет, а на тяжелой не могу пока. Занимаюсь потихоньку бегом (отличное средство укрепления здоровья). Все же придется ехать в город (не буду же вечно на материнной шее сидеть), устройсь работать по силам и буду поправлять здоровье. Очень жду вашего ответа...»

«...С получением ответа от вас у меня прибавилось сил. Но за это время я еще раз смалодушничал. Вы спрашиваете о работе, устроился ли я. Да, устроился ровно на месяц. А потом дезертировал, как когда-то из интерната. Объясню, почему. Во-первых, городская жизнь не по мне, по крайней мере сейчас, с моим здоровьем. Тем более жить в общежитии. Во-вторых, в связи с плохим здоровьем мне нельзя пока много ходить, а там до завода далеко и по заводу тоже ходить надо. Но это, конечно, только отговорки: снова я отступил перед трудностями. Не напряг как следует свои духовные и физические силы, хотя у меня и тех и этих пока что явно недостаточно. Силы эти появляются именно при преодолении трудностей и множатся при этом, так ведь?

Я бы с удовольствием сел за трактор, пошел на ферму (хотя бы доярком), поехал на какую-нибудь стройку. Но, увы, эти мечты пока несбыточны. У нас можно работать только на керамическом заводе или на железной дороге; мама работает сторожем на заводе, хотя ей это тоже не по здоровью — ночные смены выматывают. Мы решили переехать в соседний поселок к сестре, там должна найтись работа. Там я запишусь в библиотеку. Мне бы только окрепнуть, чтобы можно было «пахать», не прислушиваясь к сердцу.

...Я в том письме клеузил на школу, учителей. Вам, наверно, не нравились те строки. Да, не должен я был этого делать: как я с ними сейчас встречаться буду; если бы я высказал им это в глаза, тогда другое дело. И про маму тоже... А ведь именно благодаря маме я бросил курить и пить. И все же пока я не стану здоровяком, моя противоникотинная и противоалкогольная агитация бьет мимо цели: ведь агитирует-то дохлая.

Вы интересуетесь, как живут у нас в поселке люди? С работы придут, и кто с хозяйством до вечера управляется, а кто в пивной. И молодежь тоже пьет, дерется. Да и мало ее здесь. Отдыхают люди только с бутылкой. И знаете, сколько уже погубило от нее (и тонут и сгорают), а все людям неймется. Водка так опустошает их, что они говорят: «Если не пить да не курить, зачем тогда жить на свете?» Это ведь страшно. Друзей у меня не было (друзья были) и нет сейчас. А без них, ох, как тяжело. Видно, мало у меня за душой хорошего, раз я одинок.

Вы очень верно сказали, что для меня сейчас главное — определиться с работой. Но пока придется определяться с работой случайной. Правильно говорят, что слабые люди ищут причины своих неудач в обстоятельствах, а мужественные, сильные — в себе прежде всего. А я вот тоже все жалуюсь да жалуюсь вам, постараюсь больше не делать этого.

Я живу в Амурской области, но о своем крае ничего не знаю. Почти ничего не знаю о птицах и зверях, о деревьях и травах родного Приамурья. Не знаю толком и о его истории.

Насчет того, что хорошо есть в каждом человеке, вы правильно сказали. Наверное, каждый человек, окружи его внимательный, заботливый, требовательный коллектив, раскроет то хорошее, что у него есть, отдаст это хорошее людям.

Мне очень хочется участвовать в общественной жизни, не замыкаться в скорлупе семейной. Ходить на субботники, в рейды, бороться с пьяницами, хулиганами. Но все это пока только мечты. Вот видите, все откладывается на будущее, можно сказать, сама жизнь. А ведь я и так уже 22 года потерял. Что же делать?

Скажите, почему так получается, что хороших, по-настоящему нужных книг мало? Вот хотя бы упомянутая вами серия ЖЗЛ. Я, кажется, еще ни одной книги не прочитал, не знаю, есть ли она в библиотеке, а в магазине не встречал. Вы советуете мне перечитать Л. Н. Толстого, но я могу только прочитать, так как вообще не читал его.

Большое спасибо вам за списки литературы, как только устроюсь с местом жительства, сразу запишусь в библиотеку и начну читать. Но надо ведь еще уметь читать. Ведь один человек берет из книги плохое, другой ничего не берет, а третий берет хорошее. Почему так?»

«Пишу из Бийска, Алтайского края. Здесь я работаю уже две недели: с полмесяца искал работу, три недели лежал в

А П О П О М О Ш Ь

ПОБЕДА

Исповедь девушки,
имя которой оставим неизвестным

«Мне 23 года. Я уже миновала переходный возраст и должна иметь твердые, устоявшиеся взгляды, вкусы, привычки. Ничего этого нет. Беспорядочная жизнь и полный сумбуз в голове. Давно уже не чувствую радости от жизни... Я равнодушный, черствый человек. Свое горе заслонило все и всех. Не хотела никому открывать свою боль, а вот сейчас не выдержала. Я не прошу помощи да и не верю, что кто-то может мне помочь, но, знаете, так хочется иногда прислониться к теплому, надежному плечу и знать, что ничего с тобой не случится, пока это плечо рядом.

Но начну все по порядку. Самое счастливое время в моей жизни — детство. Я выросла в большой семье. Очень люблю свою маму — неутомимую труженицу, скромную сельскую учительницу. У меня есть отец, которого в детстве я любила и ненавидела. Любила за его ум, начитанность, за те беседы, которые он проводил в нашем пионерском отряде (отец много ездил по стране, много видел, умеет отлично разговаривать с детьми). А ненавидела я его за склонность к спиртному.

Пьянки отца и частые болезни — только это омрачало мое детство. Я не могла активно участвовать в жизни своих сверстников, но до 15 лет не чувствовала одиночества — школа, подруги, кино. Да и дома не заскукаешь: младшие братья и сестренка на руках моих и бабушки.

Я окончила восемь классов и больше не смогла учиться из-за болезни: серьезное осложнение после перенесенной в детстве свинки.

Вот тогда я узнала, что такое одиночество. Четыре долгих года без какого-либо занятия, без сверстников, наедине с болью и книгами. Самым страшным была не болезнь, а сознание того, что я никому не нужна. Не знаю, почему так получилось, всегда считала себя очень «общественной» личностью и вдруг — одна. Подруги уехали учиться, и никто не вспомнил обо мне за эти годы. Книжки не спасли меня. Я решила уйти из жизни, но врачи не дали умереть, заставили жить, хотя никто уже не мог меня вылечить от ненависти к людям. А людей вокруг не было (4 года я почти не выходила из дома), и вся ненависть выплеснулась на отца. Упрекала его за то, что не могу найти свое место в жизни (я мечтала быть врачом, но врачи запретили даже думать об этом), считала его виновным в своей болезни. Как может один человек быть таким хорошим, умным, добрым и таким гадким, отвратительным, страшным! Он отличный работник, но эта слабость... Сейчас я уже только жалею его, а тогда я не хотела быть рядом с ним.

Мне никто не помог в это страшное время. Я сама нашла в себе силы, поступила работать в швейную мастерскую. Работала хорошо, но не любила свою работу: не о том ведь мечтала. Да и работать-то начала только затем, чтобы помочь маме поднять младших, и потому, что не хотела жить на деньги отца...

Так жила я два года, а потом, обеда в кругу пальца медицинскую комиссию, поступила учиться в лесотехнический техникум. Сейчас учусь на втором курсе. Учусь, стиснув зубы, так как неделями не встаю с постели. От врачей помощи уже не жду...

Учусь я неплохо, в основном на «отлично», через полтора года закончу техникум, и что будет потом — об этом стараюсь не думать...

Как жить дальше? Да и стоит ли? Об этом думаю постоянно. Людей не люблю, не хочу встречаться с ними, разговаривать. Ничего хорошего я не видела от них и ничем им не обязана. Что нас может связывать? В группе я тоже одна: тут сказались различия в возрасте (им 17, мне 23). И опять же характер — замкнутый, угрюмый.

В свободное время — только книги. Читаю много, но без системы, да и поговорить о прочитанном не с кем.

Зачем я все это решила раскрыть вам? Знаете, очень много думаю о том, как получают такие «человеки», как я, и не могу понять.

Никто не может упрекнуть меня, что я не борюсь, а только слезы лью. Нет! Ведь то, что после шестилетнего перерыва я смогла поступить в техникум и учусь не хуже других, хотя это дается так трудно, — ведь это борьба, правда? Но ради чего? Я ведь человек без будущего! Живу только из жалости к единственному дорогому мне человеку — маме. Я знаю, как пережила она эти годы моей болезни, и никогда ничем не смогу причинить ей огорчение. Когда приезжаю к родителям, по моему виду мама ни за что не догадается, что творится у меня в душе. Мой вид выражает только полное удовлетворение и довольство всем в жизни.

Живу в старом городе, таком же чужом для меня, как и родное село. Живу на квартире у дальней родственницы, которая давно уже уговаривает меня обратиться за помощью к богу. Вероятно, недалеко то время, когда я решусь пойти к ней в церковь.

больнице. В Бийск приехал из-за врачом-физкультурного диспансера, где лечат физкультурой. Поработаю месяца два, денег накоплю и поеду в Пятигорск. Там есть очень хороший диспансер: мне непременно надо поправить здоровье, тем более, что это возможно.

Живу в общежитии, ребята неплохие, но часто выпивают, живут пустой, как и я, впрочем, жизнью. Работаем мы на ТЭЦ. Много здесь командированных, дисциплина производственная очень слабая, нет крепкой комсомольской организации. Живу я будущим, жду не дожусь, когда можно будет отсюда уехать, а значит, не живу, а черт знает что делаю.

Вы уже поняли, конечно, что больше самого здоровья мне не хватает воли, мужества, именно на эти качества у меня острый дефицит. Вся моя прошлая бездуховная жизнь дает о себе знать. Есть же люди с великой душой, которые забывают и о своих болезнях и о всех своих огорчениях, неурядицах во имя какой-то большой цели, а я вот так не могу. Знать, совсем маленькая у меня душа.

До свидания. Пишите. Очень жду. Володька».

Чем закончился этот рыбок в будущее от самого себя, от слабости, от пустоты окружающей жизни, неизвестно. Так же неожиданно, как возник, исчез неизвестный мне Володя. Доехал ли до Пятигорска? Одолеет ли болезнь? Попал ли в коллектив, который достоин носить это название? На мои запросы ни из одного адреса ответа не пришло.

Но и дошедшие письма — разве они не повод для размышления педагогам, комсомольским работникам, руководителям коллективов, где работает молодежь? Какая тоска по духовности, по истинному коллективу, по самим коллективистским началам жизни! Ведь невозможно совершенствование вне коллективного интереса к этому процессу в человеке, иначе это будет сектанство, «скитство», самоулучшение ради самого себя. А человек жаждет духовного самообогащения, саморазвития — для всех, для обогащения жизни вокруг. Возможно ли это врозь, поотпавно, что ли: сначала человек улучшится, потом и жизнь вокруг станет иной? Видимо, нет. Видимо, человек и коллектив — взаимные стимуляторы. И когда этого нет, гаснут многие добрые порывы человеческой души. Вчитываешься в воспитывающие проповеди В. Сухомлинского и каждый раз заново поражаешься их бесконечной, прозорливой мудрости. «Превозмогая боль, слабость, недомогание, властвуя над поступками, поведением, желаниями, — ты укрепляешь тело, становишься полноценным человеком, — учим мы физически слабых, страдающих болезнями и недомоганиями. Боль, страдание, недомогание, какими бы они сильными ни были, не должны стать сильнее твоей воли. Слабость преодолевается деятельностью. Твоя воля, выдержка, стойкость пусть всегда наступают на слабость». Учим мы, говорил Сухомлинский, то есть он и его педагогический коллектив. Он и его коллектив учили принципам и правилам жизни с той же последовательностью и так же системно, как математике, физике, истории. И эта крепость духа входила в маленького человека постепенно, вроде и незаметно для него, а умные учителя, понимая, что каждый возраст требует других методов и нравственного воспитания, переходили от методов **внушающих** к методам **убеждающим**. А кто учил таких, как Володя? Кто думал о тех часах мучительного душевного одиночества, которое обязательно возникает в юности даже просто потому, что человек растет? Потому что живет он первый раз на свете и, может быть, даже не знает того, что каждый проходит через неуют и перепады возраста. А дайте ему знать об этом, заметьте его мучительное недоумение перед тем, что с ним творится, сумеете объяснить — и тем предотвратите непоправимый, может быть, шаг.

В читательской нашей почте есть еще одно письмо, которое просто обижает сердце. С бесстрашной и даже вызывающей искренностью (вызывающей огонь на себя) человек открывает такую глубокую правду об отношении личности и общества, точнее, о потребности молодой личности в обществе, в общественном интересе, до которой так редко добираются воспитатели.

Пишет девушка из далекого (по отношению к столице и своему областному центру) села...

Постоянно чувствую свою непохожесть на других, знаю, как неправильно, нехорошо живу, и думаю о том, что ведь не одна я такая, ведь еще кого-то оставили, «забыли» в такой период, когда оставить человека без помощи — преступление.

В апреле я еду на свою первую производственную практику. Новые места, а главное, новые люди, с которыми с каждым годом труднее мне находить общий язык — выдержу ли я?

Прошу вас, напишите мне».

Из каждой строчки этого письма хлещет боль. Живая боль. Мучительная даже для постороннего.

И все же я привожу это письмо. Потому что не считаю его личным.

Это письмо — всем.

Учителям.

Товарищам по техникуму.

Отцам, не понимающим, что самое невыносимое для детей — стыдиться родителя. Даже расстаться с ним легче. Но опускать глаза, когда с состраданием или насмешкой смотрят вслед твоему пьяному отцу, нет ничего невыносимей! Ненавидеть любя — чье сердце выдержит?

Это письмо людям, живущим рядом и не находящим ни слова, ни жеста, ни взгляда, способного снять напряжение с души человека, раненного болезнью.

Конечно, можно было бы сказать: человек и сам должен уметь справляться с бедой, с одиночеством, с трудностями. Но ведь и этому кто-то должен научить! Ведь человек сталкивается с болью впервые, и ясно, что она вызывает страх и отчаяние. Чтобы сама болезнь стала воспитывать дух человека, старшие должны помочь понять ее как испытание мужества. Воспитание болезнью не устраняет из жизни юного человека присутствия воспитателя, пишет Сухомлинский. И присутствия коллектива: «Важнейшей деятельностью, которой одухотворяется коллектив, является постоянная забота о человеке».

Да, человек должен уметь справляться со своими бедами сам. Но ведь девочка сама и справилась! Она совершила подвиг — превозмогла боль, отчаяние, обуздала так и не сдающую болезнь. Но, ркаывается, человеку мало личной победы! Человек хочет быть обязанным людям. Не потому, что он не может выкарабкаться сам, а потому, что есть определенная бессмысленность в том, чтоб биться за себя ради себя. Человек должен чувствовать, что это надо и другим. Что в этом мире ждут его возвращения в строй. Что есть такой строй, где и ему принадлежит определенное место. Вот ведь в чем дело! И это не причуда слабого человека — ни в коем случае! Это вторая сторона коллективизма, понятие которого мы прививаем с детства. Человеку нужно коллектив не как нянька, а как общественная семья, которой тебя не хватает.

«Людей не люблю... Живу только из жалости к единственному дорогому мне человеку — маме... Как жить дальше?..» — спрашивала девушка в первом письме.

А через полтора года она же написала:

«Очень хочу жить, учиться, работать. Все, что было раньше, вспоминается как страшный сон».

Что же произошло за эти полтора года? Да ничего особенного, никаких значительных, важных событий. Мы даже не увиделись. Было только несколько писем друг к другу. Слово — вот то единственное, что связало нас.

Писем было совсем немного — чаще писать ей мешала болезнь, порой и строчка давалась с мучением, а мне — самые разные жизненные обязанности, которые с годами только множатся, и вечно ты в долгу перед делом и людьми. Но каждое письмо было словно вестью с поля боя, и каждое о новой ступеньке зрелости.

Письмо второе. «Признаться, мне нелегко было читать ваше письмо. Пришлось заново пересмотреть свою жизнь, но уже немного по-другому: решила взглянуть на себя со стороны, глазами постороннего человека, не делая скидок ни на болезнь, ни на какие-то там обстоятельства».

Вы не стали меня жалеть, написали прямо о том, в чем я еще не могла признаться вслух, — о том, что в своем одиночестве виновата я сама. Когда прочтала это, были и

слезы (вообще-то я не плакса) и бессонные ночи. Было стыдно за свою слабость (письмо к вам), но сейчас я уже не жалею о том, что решила на такую исповедь. Мне очень нужна была встряска, я получила ее, и спасибо вам за это. Прочитала книгу «Я называю вас другом». Поняла: чтобы чувствовать себя счастливым, человек должен думать не только о себе, видеть не только свое маленькое «я», а жить для людей, бороться всегда, каждую минуту, не останавливаясь на достигнутом, ошибаться, исправлять ошибки, но всегда идти вперед. Ведь это главное, да?

Прочитала книгу два раза и еще раз испытала стыд за свою пустую, ничемную жизнь. Не знаю, смогу ли я вернуться к людям. Хочу сделать что-то хорошее, помочь человеку, когда ему плохо, когда вижу несправедливость, но... прохожу мимо. Что-то еще не получается у меня, не могу преодолеть эту отчужденность ко всем. Ведь, согласитесь, эта обида не появилась ниоткуда и не исчезнет так просто...

Сейчас хожу в техникум. Заниматься приходится почти круглые сутки, несмотря на запреты врачей: учиться плохо я не привыкла, а за время болезни отстала от группы.

...Я не могу еще так вот сразу принять все, что вы написали мне. Не обижайтесь, пожалуйста, поймите меня. Вы пишете, что нельзя всю жизнь помнить обиды и несправедливость. Если бы чем-то заслонить прошлое, чтобы забыть! Конечно, только от меня зависит, смогу ли я что-то изменить в себе, в своей жизни. Но для борьбы нужны силы, а их становится все меньше... И все-таки теперь, после вашего письма, мне уже лучше, я верю, что смогу еще жить...

Сейчас главное — выдержать экзамены, а в начале мая я уеду на практику в глушь, в тайгу... Я вам обещаю, что справляюсь с собой...

Письмо третье (через год). «Только что вернулась с последней практики, получила ваше письмо и спешу ответить».

У меня все по-прежнему: учусь и, кажется, техникум все-таки закончу. В июне начнутся государственные экзамены. Уже сейчас волнуюсь, так как теорию знаю на «отлично», но без практики этого недостаточно.

Иногда я оживаю, стараюсь наверстать упущенное; много занимаюсь, участвую во всех мероприятиях группы, хожу в кино, шью, перешиваю, хотя и равнодушна к тряпкам. Я привыкла и к болезни, терпеливо переношу боль, но не могу смириться с тем, что болезнь лишила меня многих радостей жизни.

Совсем скоро начнется у меня самостоятельная жизнь — работа в одном из лесхозов. Интересно это, но и страшно: мало знаю о работе экономиста...

Весна меня очень волнует. Вспоминается все хорошее, что было и есть в моей жизни, и жить уже не так одиноко и страшно».

Письмо четвертое. «Спешу поделиться своей радостью! Я окончила техникум, получила диплом с отличием. Все еще не могу поверить, что все кончилось. Было очень трудно. За две недели до госэкзаменов опять свалилась. Врачи настаивали на академическом отпуске, я уже почти согласилась, но в это время мне принесли ваше письмо и журналы. Спасибо вам и автору «Чудной». Читала долго, по страничке в день, а потом быстро начала поправляться. Теперь-то я знаю, вижу, что хорошие люди живут рядом со мной, только раньше, занятая собой, я не замечала их. Вы открыли мне глаза».

Сейчас отдыхаю у родителей, много читаю. Еду работать экономистом в большое село на юге области, окруженное деревнями с лесными названиями Кленовка, Дубовое, Подлипковка. Здесь мама рядом, мои преподаватели и врачи, которые поддерживали меня все эти годы. А там — одна. Смогу ли стать своим человеком в коллективе?

Чувствую себя сейчас хорошо. Очень хочу жить, учиться, работать...

После этого письма у нее началась совсем взрослая жизнь. Между первым «не хочу» и последним «хочу» пропасть, которую она героически перешагнула. Она готова была вступить в жизнь с полной взрослой ответственностью уже не за себя только, но и за других. Она при ее более чем небольших физических силах смогла стать опорой другому — потому что в душу ее пришла ясность: как и зачем жить. Она не ждала чуда: она начала его творить. Сначала в себе, потом в другом.

Нет, здоровье ее не стало лучше. Но в просветы между атаками болезни она по уши влезла в дело. В ее письмах появилось слово «интересно». «Интересная работа», «Трудно, но интересно». Появилось слово «нравится»: «Здесь мне сразу все понравилось: лесопильный цех, где пахнет смолой и свежей стружкой, крохотные курдючные сосны и кедры в нашей теплице, уютная комната в конторе. И люди замечательные, постоянно готовые помочь».

В выходные она знакомилась с селом — впервые с теплым, сознательным интересом к чужому. И опять все нравилось: живописное старинное село, близкий лес, речка, пруд за околлицей, ее трогали памятники героям гражданской войны и жителям села, погибшим в Отечественную войну. Она радовалась, что есть музыкальная школа, библиотека. Впервые в ее сердце чужие события входили как свои — юбилей школы, на который съехались сотни выпускников, и среди них были даже герои. Так было торжественно и интересно, что она просто почувствовала себя своим человеком в селе.

Одно горе для нее сейчас — оно кажется тяжелой личного — пьянки в леспрохозе. «Зачем так унижают себя люди? И как с этим бороться?» Впервые она не просто ужасается чему-то, она хочет бороться.

Как одолеть этот порок? Она не знает. Но можно отбить у беды хотя бы одного человека! И она со страстью и верой берется за парня, умницу и добряка, шофера леспрохоза, влюбленного в свое село.

Она стеснялась минут прежней слабости, даже не думая, какую помощь могут оказать ее откровения людям. Не слабость страшна — кто гарантирован от ее атак? — ведь люди мы, а не памятники себе, — страшен культ этой слабости. Возведение ее в ранг подвига. А подвиг для девочки был в продолжении ее жизни, в стремлении жить с пользой, в размораживании ушибленной души.

Перед этим подвигом надо склонять головы — перед подвигом возрождения. Воссоздания своей личности. Это подвиг не для себя. Мы, люди, как грибы на грибочке: загнил один и отравляет грибочку, а через нее и других. Все мы не сами по себе — научиться бы только понимать это! Почему тяжело видеть пьяницу? Ловкача? Халугу? Циника? Чего бы волноваться — это же не я, а другой, я-то вроде живу как человек. Нет, волнуемся. Задыхаемся от боли и отвращения, вида, как человек уродует свою прекрасную человеческую природу, ведь он словно и наш возможный вариант показывает, наши дремлющие слабости. Он их выпустил на волю, и вроде они уже становятся истинным лицом человека, а мы, другие, просто ханжи, притворившиеся праведниками. И нам больно за это извращение природности. Мы кричим сейчас: сберегите природу! А разве человек не часть этой природы, не такая же природа? Сберегите в человеке природного человека — помогите ему состоять свои испытания и выстоял, кто нравственно сильнее. Помогите тому, кто слабее.

...Эта девочка отстояла своего друга от беды. Бросил пить. Вернулся в вечернюю школу. Полюбили друг друга. Поженились. В ее жизнь пришло все, что положено человеку природой и во что она совсем не верила. Замужество. Материнство. Пришло? Да нет, конечно. Что другим дается просто и естественно (и чем люди поэтому дорожат по-настоящему не умеют), ей давалось бесконечной — без передышки — борьбой. И бесконечным мужеством. Кто измрет издержки души от мелких улолов «разумных доброжелателей»: и зачем, и к чему, и надолго ли это?

Если любой молодой матери трудно в первые дни, недели, месяцы, то через что прошла она... У нее — головные боли, как разрывные пули. И никто в этом не помощник — ни мама, вечный и верный друг, незаметный герой, ни муж.

Если любой молодой матери тяжела разлука с ребенком, то что такое это для нее: ведь сын для нее — главное чудо жизни. Спасибо маме — ее руки вырастили пятерых, под ее крылом мальчик укрыт надежно, пока она в больнице. И все же какая пытка — медленное, томительное возвращение к жизни, к сыну, к мужу, к семье.

Не сдалась она и изнурительному быту: на малые деньги жить нелегко — шила, перешивала старое, держала дом в чистоте; скудость их жизни была полна достоинства, порядка, а потому не унижала, не гнула. Она знала, что центр семьи она, и уж теперь-то вовсе нельзя сдаваться. Она верила, что вернется к работе.

И через некоторое время написала о новом одолении: «Я работаю в детской библиотеке. Трудно из-за незнания дела, но учиться очень интересно».

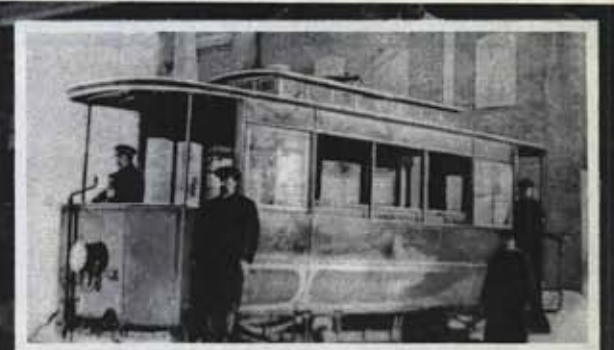
Бесценен подвиг человека, который показывает своей собственной жизнью путь к возрождению.

А если б люди, живущие рядом, раньше помогли заглянуть в себя? Жизнь за другого не проживешь, но подтолкнуть — к себе, к лучшему в себе — можно. Это и значит вступить в борьбу за человека.

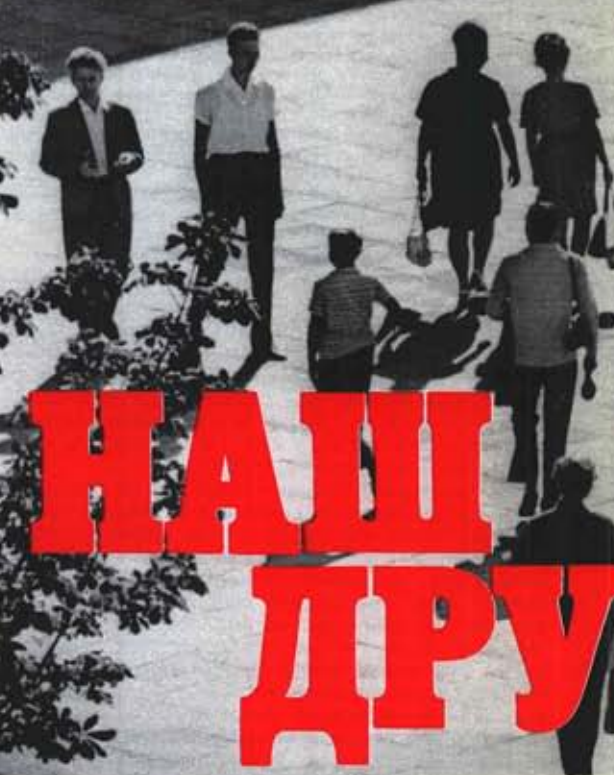
Мы считаем, что только катастрофа дает право на вмешательство в чужую жизнь. Может быть, и так. Почувствовать ее в другом и встать на пути вовремя — это и есть товарищество. Это и есть борьба за человека.

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы надеемся, что две человеческие судьбы, о которых рассказала Клара Скопина, не оставят равнодушными наших читателей и они захотят поделиться своим мнением о прочитанном. Ждем ваших писем, друзья!

РОЖДЕННЫЙ СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД, С ТЕХ ПОР ТРАМВАЙ — НЕПРЕМЕННОЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КРУПНОГО ГОРОДА.

Петр НОВИКОВ.
Специальный корреспондент
«Смены».
Фото
Сергея ВЕТРОВА и автора

Многие, видимо, помнят кадры довоенной кинохроники, снятые на улицах Москвы за полчаса до начала футбольного матча «Спартак» — «Динамо». Люди на подножках трамвайных вагонов, реклама кинофильмов на крыше. Неторопливые добрые старые черпашки-трудяги...

А знаменитая трамвайная «колбаса»? Сколько лет поездка на ней служила мерилем отчаянной доблести мальчишек!..

Трамвай всегда был горожанином, непременной принадлежностью любого большого города. Он и родился в городе — сто пятьдесят лет назад первые вагоны англичанина Джона О'Трама вышли на улицы Лондона. Трамвай так и переводится с английского — «дорога Трама». В России новый вид общественного транспорта окрестили по-своему. Слово «трамвай» не сразу прижилось в народе, но зато что такое «конка» или «линейка», долго объяснять не надо.

И вот почему. Вагоны тех лет вела за собой сила пара, или, что бывало чаще, запрягалась пара гнedyх, которая тащила по рельсам вагон длиной метров шесть, в котором сидело одиннадцать пассажиров. А на особо крутых подъемах к двум лошадям пристегивали и третью. Единственным изготовителем таких трамваев был подмосковный завод в Коломне.

«Линейка» — это слово ходило в Москве. В России трамвай, можно сказать, пережил свое второе и самое важное рождение. В 1880 году он стал электрическим благодаря работам военно-морского инженера и большого патриота своей страны Ф. Пироцкого. Первые испытания рейсового пассажирского электрического трамвая состоялись в Киеве.

«Вчера, в 12½ часов дня состоялась пробная поездка электровагона на Александровской горе, до Нижней площади. Вагон шел вверх и вниз по крутой

**«PB3-7» —
ТАК НАЗЫВАЕТСЯ
ЭТА НОВИНКА,
КОТОРАЯ СКОРО
ПОЯВИТСЯ
НА НАШИХ
УЛИЦАХ.**

ТРАМВАЙ

горе вполне удовлетворительно и мог останавливаться без всяких затруднений на разных пунктах уклона», — писала 9 мая 1892 года газета «Киевлянин». Но даже спустя пятнадцать лет пассажирам, рискнувшим совершить наибольшее число поездок по городской железной дороге, Тверская городская управа, например, выдавала специальные премии. Это было нечто вроде лотереи, в которой «играли» номера купленных билетов.

Интересно, что сама идея билетной лотереи не потерялась во времени. Одна из центральных газет не так давно вспоминала о ней как о средстве ликвидировать безбилетный проезд, а заодно и уменьшить количество бумажного хлама. Век явил нам современные виды транспорта: метро, автомобиль, троллейбус. Однако и трамвай остался в нашей жизни.

В Калинин, бывшей Твери, исконном городе российских трамвайчиков, действует сейчас Всесоюзный испытательный полигон городского электротранспорта, где проходят проверку образцы новой техники линий городской железной дороги.

Новая машина, доставленная с завода-изготовителя на железнодорожной платформе, оживает, делает свои первые шаги на специальном экспериментальном кольце полигона. Внешняя простота устройства трамвайного вагона для всех нас столь же очевидна, сколь очевидна сложность проверки всех его многочисленных устройств для сотрудников полигона.

Вот безлюдный вагон загоняют в отдельный бокс. Здесь в салон ставят мощные печи, наглухо запечатывая входные двери. Вряд ли мы когда-нибудь попадем в трамвай, где температура воздуха 55—60 градусов. Вагону же такую «Сахару» положено выдержать в течение сорока часов. И только после этого станет ясно, как стенки вагона реагируют на передачу тепла «туда—обратно». То есть не зябко ли будет нам зимой, не жарковато ли летом...

А испытатели взваливают на плечи новичка очередные экспериментальные нагрузки. Вместо печек ставят пятидесятиваттные динамики. Возле каждой шумовой точки — над колесными тележками, внутри кабины, салона — микрофоны. Сначала микрофоны пишут по ходу трамвая общий уровень шума. Затем, уже на стоянке, звучит команда: «Звук!» Динамики запевают каждый на своей частоте, а чуткие микрофоны ловят снаружи все, что проникает сквозь стенки...

И вновь водитель-испытатель Анатолий Богданов выводит свою машину на улицы опустевшего ночного города. Странное зрелище являет собою пустой трамвай с открытыми дверями, люками, форточками, то разгоняющийся, то тормозящий на полном ходу. Идут вентиляционные испытания вагона.

...Богданов не сбавляет хода ни перед одной нечаянной лужей. Такой подход к дорожной технике — тоже экспериментальный. Вся механика и электроника, упрятанные в специальные короба под днище трамвая, не должны выходить из строя ни при какой погоде.

— Выносливость электроники — важнейшая вещь, — сказал начальник полигона Дмитрий Константинович Соболев. — К такой машине, как эта, людей без среднего специального образования и близко нельзя подпускать, иначе угробят технику. Ведь в новом трамвае «PB3-7», созданном совместными стараниями москвичей, запорожцев и рижан, не работает практически ничего, кроме колес. Трамвай из электромеханического транспорта становится электронным.

Электроника гарантирует исключительную плавность хода, электроника экономит электроэнергию, которая теперь не уходит при торможении в воздух, а возвращается в сеть. Электроника руководит и пневмоподкачкой: автоматически сбрасывает или повышает давление в специальных надувных резиновых подушках под кузовом, в зависимости от количества пассажиров.

— Подобного комфорта не было еще ни на одном отечественном трамвае, — заметил начальник отдела испытаний Владлен Николаевич Гавва.

— Перспективная машина, — мнение начальника полигона.

Когда тахометр в кабине Анатолия Богданова покажет цифру «500», салон загрузят двадцатипятикилограммовыми чушками. Пятнадцать тонн металла будут изображать двести с лишним положенных «по штату» пассажиров до тех пор, пока тахометр не выбьет цифру «2000». Только потом рядом с водителем-испытателем поведет машину водитель-трассовик.

По какой трассе поведет он завтрашний трамвай? В будущем городская железная дорога может выглядеть иначе, нежели те, что проложены более чем в ста городах страны. К примеру, в Киеве уже действует линия скоростного рельсового транспорта — от новых районов к центру. Скоростной вариант дороги сэкономил пассажирам лишь за год более пяти миллионов часов.

Он еще окажет нам немало добрых услуг — наш друг трамвай.

Однажды молодая журналистка, узнав, что народный артист Советского Союза, солист Большого театра Евгений Райков в юности работал электросварщиком и рабочее его место было в полусотне метров от земли, спросила:

— Наверное, там, наверху, песни распевали?

— Там, наверху, только в кино распевают,— ответил певец.— Там работать надо!

...Работать так, чтобы тебя уважали люди,— этому прежде всего учили сына Райковы-старшие, вся жизнь которых была связана с машиностроительным заводом на Красной Пресне.

Мальчик очень гордился отцом, который работал в охране. Бывало, соберет ребят, подведет к щелочке в заборе; щелочка совсем маленькая, но, если носом упереться в забор, а глаз в эту самую щелочку «звернуть», сразу заметишь высокого, статного мужчину с большим ружьем через плечо.

— Мой папана,— гордо говорил Женя.— Самый главный на заводе.

...Отец приходил с дежурств под утро, когда мать только еще собиралась на работу. Все знали на заводе тетю Машу, и все в один голос говорили, что не было еще в столовой такой искусной поварахи.

Пришло время и сыну переступить заводскую проходную.

— Работу выбирай, как друга: не

...Заканчивался срок ученичества, вот-вот Евгений уже должен был именоваться куда более гордым именем—рабочий. Но этого «вот-вот» не произошло. Модельный цех закрыли. Снова пришлось идти учеником. Потому что на другой-то завод не перейдешь: он как-никак Райков. И как ни обидно было снова идти в ученики, пошел. В столярный цех. Посоветовал отец. Ведь в столярном тоже работа с деревом. А если у сына к тому же художественные наклонности, так они, конечно же, помогут ему.

В столярном цехе учиться было куда легче. Ведь недаром так старался в модельном. А быть модельером совсем непросто. Женя же изучил профессию «насквозь», как сам любил выражаться. И вот теперь в столярном навыки, приобретенные в модельном, ох как пригодились. Через полгода у Жени Райкова уже был третий разряд. Но главное не в разряде. Работалось уж очень здорово, как говорится, в охотку. До сих пор помнит Райков, как получил свой первый личный заказ—сделать стол для клуба. Сразу же сказал:

— Материал есть. Не беспокойтесь. Только можно сделать стол такой формы, какой захочу?

— Делай, как хочешь,— разрешил директор клуба.— Главное, чтобы здорово получилось.

И получилось действительно здорово. Как показал директору, тот сразу ахнул.

— Удивительный ты стол сделал. Но как же мы его в клуб-то внесем? Он же ни в одни двери не войдет.

ЕВГЕНИЙ РАЙКОВ
В РОЛЯХ:
ЛЕНСКОГО
В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»;
КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА
В «КНЯЗЕ ИГОРЕ»;
АЛЕКСЕЯ
В «ОПТИМИСТИЧЕСКОЙ
ТРАГЕДИИ».

Высота

спешу, приглядишься. Ведь нужно, чтобы по сердцу была,— сказал Жене отец.

Женя походил по заводу, подумал и решил модельщиком стать. Начал учеником по дереву.

...В квартире Евгения Тихоновича Райкова висят на стенах написанные им портреты и пейзажи, но самое удивительное—это все-таки дерево, превращавшееся в руках мастера-художника то в очень смешного лещего, то в очень нежную, красивую русалку. Евгений Тихонович достает из заветного уголка медвежонок с ложкой. Потом показывает домик, сделанный из дуба.

— Вот первая модель, которую сделал в цехе. Тогда впервые похвалил меня мастер.

Да, наставник у Жени—Владимир Иванович—был немногословным. Учеников не хвалил: загордятся. Правда, Жениному отцу сразу сказал: «Парень у тебя что надо. Все мои чертежи переписал. Я ему говорю: зачем тебе чертежи, я так все тебе объясню. А он так гордо мне в ответ: «А я хочу сам все понять, почему, что и как». Дотошный он у тебя до дела. Это к добру. Рабочий ваш райковский род не посрамит».

...Кончалась смена, складывал Женя инструменты в чемоданчик, в котором оставалось еще место для боксерских перчаток.

Когда он выходил на ринг, казалось, что проиграл: щуплый, долговязый, неуклюжий. И начало каждого его боя явно подтверждало эту мысль. Женя все время убегал от противника, казалось, отчаянно искал на ринге местечко, где можно было бы спрятаться. Но потом случалось неожиданное. Беспрерывно атаковавший боксер на какую-то секунду расслаблялся, и тут уж Женя никогда не упускал этого своего шанса. Следовал молниеносный удар правой—и нокаут.

Вскоре на груди Евгения Райкова появился значок мастера спорта.

Улыбнулся Евгений:

— А знаете, ведь тут в конструкции маленькая хитрость есть.—Протянул руку—и, как по мановению волшебной палочки, разделился стол на несколько маленьких столиков.

С того самого дня по праздникам собирали в клубе большой «райковский» стол. А в другие, обычные дни сидели посетители за маленькими столиками, беседовали, играли в шахматы и шашки.

Стал Евгений Райков настоящим мастером своего дела. Но затеплилась вдруг и вошла в душу мечта—стать электросварщиком. Завидовал, когда шли на работу ребята из электросварочного цеха. Мороз на улице. А им что? И роба и перчатки из крепкого брезента. А работа какая сложная, значит, и гордая. То есть настоящая. Мужская работа.

...Свистит ветер, а у тебя перед глазами металл, который ты укрощаешь. Чувствуешь себя как будто огромной плотной, которая управляет стихией, направляет ее туда, куда нужно тебе, человеку. Когда Евгению исполнилось двадцать, его фотография—фотография электросварщика третьего разряда—была занесена на общезаводскую Доску почета.

...Мы сидим с народным артистом Советского Союза, тенором Большого театра Евгением Тихоновичем Райковым, смотрим его фотографии. Ленский, Радамес, Владимир Игоревич...

— Нет,—убежденно произносит Евгений Тихонович и кладет сверху фотографию с той самой Доски почета.—Все-таки эта, рабочая, самая заветная.

Начался его путь в оперу с просто го—с песни. И именно с песни «Высота» из только что вышедшего и сразу ставшего очень популярным фильма. Посмотрели ребята-электросварщики фильм.

— А ведь песня-то про нас!—сказал

Евгений, когда вышли из кинотеатра. И запел:

*Не кочегары мы, не плотники,
И сожаленья горьких нет,
А мы монтажники-высотники,
И с высоты вам шлем привет.*

Ребята переглянулись. До чего сильный и красивый голос! И когда начали на заводе готовить концерт к Первомайскому празднику, товарищи не попросили, а приказали Евгению:

— А ну-ка, прославь наш цех, а то у нас никогда никто в самодеятельности не участвовал.

Разве думали они тогда, что Евгений Райков прославит их цех не только на общезаводском праздничном концерте, но и на сцене главного оперного театра нашей страны—Большого, куда будет приглашен еще до окончания вокального факультета Московского музыкально-педагогического института имени Гнесиных. Но если на заводе фотография Евгения Райкова уже висела на Доске почета, то здесь все нужно было начинать заново. Так уже в четвертый раз в своей жизни Евгений Райков снова становится учеником—стажером оперной труппы Большого театра. И здесь, как и на заводе, его певцов-наставников (а были ими народные артисты Советского Союза Иван Петров и Зураб Анджапаридзе) поражают его удивительнейшая работоспособность, стремление к серьезнейшему, самому дотошному и самому доскональному изучению каждой оперной партии, которую ему поручали. А начинал Райков с самых небольших ролей. Например, с Распорядителя в «Пиковой даме». Казалось бы, чего там мудрить? Всего две какие-то фразы, да и несущественные в сюжете. Просто два объявления: сначала о том, что будет произведен фейерверк, потом—что будет представлена гостям интермедия «Искренность пастьушки». И вот Райков приступил к изучению роли Распорядителя. К изучению в самом полном и высоком

смысле этого слова. Все свободное от репетиций время просиживает он в библиотеках. Перечитывает еще и еще раз «Пиковую даму», читает письма Пушкина, воспоминания его современников, читает о быте того времени, смотрит гравюры прошлого века, ищет и находит там распорядителей балов и празднеств. Идет в Третьяковку. Ищет и там, на великих полотнах, позы распорядителей, церемониймейстеров.

— Сам же я,—рассказывает Райков,—определял для себя многие и многие грани, казалось бы, совсем незаметного образа, потому что всегда считал и считаю, что пение, каким бы оно ни было чрезвычайно важным элементом,—не самое главное. Главное—это все-таки образ. А раз пения в партии Распорядителя совсем мало, то тем более следовало компенсировать это яркой, запоминающейся образной характеристикой. И ведь не в первую же секунду своего появления на сцене Распорядитель начинает петь. Сначала он просто появляется на сцене, ждет, когда ему прикажут пригласить гостей сначала на фейерверк, потом на спектакль. Потом он занимает в зале для танцующих господствующее положение, и только после всех этих немых частей следуют короткие вокальные реплики. Все эти немые куски я считал ничуть не менее важными, чем вокальные. И вообще Распорядитель не был для меня какой-то абстрактной фигурой, каким-то господином X.

— Нет,—продолжает Евгений Тихонович,—я наделил своего Распорядителя конкретными чертами характера, биографии. Я решил для себя, что Распорядитель служит в доме совсем недавно, поэтому волнуется, принимая таких важных гостей, среди которых и сама императрица. Так я нашел логическое по образу оправдание моему волнению—ведь

только начинал тогда петь на сцене Большого театра. Определил для себя также, что он крепостной, но хозяин собирается дать ему волю. И здесь была моя маленькая хитрость — оправдывал свое желание петь как можно лучше. Думал и о том, впервые ли в доме графини исполнялась «Искренность пастушки». Решил для себя, что впервые, и это давало мне право на особенно яркое, торжественное объявление.

Его Распорядителя сразу же заметили. И не только потому, что ярко, звонко, красиво звучал голос, но потому, что увидели талант актера драматического.

...От ученика к мастеру. Талант Евгения Райкова, помноженный на трудолюбие и энтузиазм, всегда быстро проходил эти для многих достаточно длинные расстояния. Уже через год после Распорядителя в «Пиковой даме» — Ленский в «Евгении Онегине». Теперь уже Райков добивается настоящей большой творческой победы. Ведь он исполняет на сцене Большого театра партию, которую пели великие русские певцы: Собинов, Лемешев, Козловский.

Райков не слушает пластинки, никогда не копирует, он находит своего Ленского — более мужественного, чем у других исполнителей. «А почему следует изображать Ленского таким лирическим размазней? — начал рассуждать певец, когда мы заговорили об образе Ленского. — Для меня это человек удивительно пылкий, темпераментный и мужественный. Ведь как смело он вступает за свою честь и за честь своей невесты».

Когда Ленского пел Райков, главными становились не знаменитые ариозо («Я люблю вас, Ольга») и ария («Куда, куда вы удалились»), хотя и ариозо и арию певец исполнял с тончайшей проникновенностью, а сцена мужественного и решительного объяснения с Онегиным. В хрестоматийно всем известной партии талантливый артист и певец нашел новые, до него неизвестные краски. Так будет практически со всеми без исключения партиями, которые спел потом Райков на сцене Большого театра.

...Индийский гость в опере Римского-Корсакова «Садко» (в те дни, когда готовил партию, был ежедневным посетителем Музея народов Востока, а на радио внимательно вслушивался в записи певцов из Индии) и Боян в опере Глинки «Руслан и Людмила» (сколько просмотрел тогда сборников собирателей русских былин).

...Князь Голицын в народной музыкальной драме Мусоргского «Хованщина» (стал тогда в буквальном смысле слова специалистом по истории допетровской и петровской Руси, а жизнеописание князя знал, как свою автобиографию) и Алексей в «Оптимистической трагедии» Холминова (прочел тогда все о Ларисе Рейснер, которая была, как известно, прообразом Комиссара; нашел и своего Алексея среди тех, кто Комиссара окружал). Роли, от которых поначалу, как признался Евгений Тихонович, захватывало дух: будто впервые с товарищами по бригаде идет варить на высоте, и нужно сдюжить, не показав страха.

...Каждое утро солиста Большого театра народного артиста СССР, лауреата премии Ленинского комсомола Евгения Тихоновича Райкова начинается с зарядки. С непростой зарядки. Сначала бег от Белорусского вокзала, где живет певец, до «Динамо», вокруг стадиона и обратно, потом гантели. Впрочем, чтобы описать зарядку Евгения Райкова, потребуется не одна страница, а читатель и так, может быть, думает: не слишком ли много в этом очерке о певце уделяется места Райкову-спортсмену и Райкову-рабочему?

Но ведь в том-то и заключается гармония личности Евгения Тихоновича Райкова — тенора, талантливого рабочего, мастера спорта.

ДИСКОТЕКА В ЛИЦАХ

Светлана
ПОДОРВАНОВА

Казань. Молодежный центр. Полутемный зал, расцвеченный огнями. Резкие, неожиданные блики «выхватывают» из темноты танцующих. Сверкает пульт аппаратуры. Множество рычагов. Кнопки. Стереофонические наушники — как шлем космонавта. Человек за пультом — маг — кажется, только легким жестом приводит в движение собравшихся и только одним словом управляет эмоциями зала.

Дискотека...

Несколько слов между танцами

Катя Кузнецова, учащаяся ПТУ. Дискотека для меня скорее всего клуб. Место встреч, знакомств, общения...

Соня Климова, ее подруга (перебивая). Ну уж нет. Сейчас во время танца необязательно выбирать себе партнера. Каждый танцует в одиночку. Сам по себе. Какое уж тут знакомство. Для меня дискотека — музыка. Новые ритмы, новые течения, направления... Такое ощущение, что они появляются ежесекундно. И как-то быстро умирают, уходят, уступают место «новой волне». Разобраться во всем этом самой трудно. Вот и прихожу сюда.

Валера Каримов, школьник. А куда еще пойти?

Дискотека... Современная техника и современная музыка. Демонстрация последней эстрадной моды, споры о важном и просто разговоры ни о чем. Но еще большая организаторская работа тех, кто приглашает молодежь отдохнуть, послушать музыку, потанцевать.

«Мы все сделали здесь своими руками», — говорят активисты дискотеки. — Интерьер, светоустановку, даже пульт аппаратуры сами собрали. Когда-то в этом помещении проектировался тир. Но так и не прозвучало ни одного выстрела.

Нам повезло. Не пришлось арендовать ни кафе, ни рестораны и чувствовать себя при этом «бедным родственником». Скитаться по случайным помещениям случайных организаций.

Руководители Центра и обком комсомола оперативно решили вопрос о помещении. И Центр — дворец молодежи, самое любимое у молодых людей место — стал нашим домом».

...Когда-то Казань славилась студенческим театром миниатюр при авиационном институте, лауреатом многих всесоюзных конкурсов. Любительский оркестр театра достиг такого высокого мастерства, что после его распада некоторые музыканты стали профессионалами и сейчас работают во многих оркестрах страны. В 1975 году группа бывших студентов авиационного института, вспомнив некогда знаменитый оркестр, решила провести в клубе КАИ вечер, посвященный негритянскому музыканту Скотту Джоплину, игравшему в стиле «регтайм». Учтивая, что мало кто из молодых знал творчество Джоплина, и чтобы показать более полно обстанов-

ку, ту атмосферу, в которой жил и работал музыкант, ребята решили на фоне джазовой музыки и рассказа о нем проецировать слайды. Наверное, это была самая первая, еще примитивная форма тематической дискотеки.

Успех того вечера превзошел ожидания. Все было ново, необычно и, главное, увлекательно.

В клуб авиационного института стала приходить молодежь — предлагала свои идеи, новые программы. Появилась мысль: а почему бы не проводить подобные вечера не только с определенной тематической программой, но и с танцевальной. Рассказывать о новых современных течениях, стилях, а заодно и показывать модные танцы.

Возникли разногласия. Зачем серьезным, солидным людям — к тому времени некоторые бывшие студенты уже стали кандидатами технических наук — вдруг переходить на танцы. Нервно, считали иные и приводили веский довод: основная задача клуба — пропагандировать советскую и зарубежную музыку. К каждому выступлению перерываем горы литературы, переводим материалы почти со всех европейских языков, изучаем и записываем классическую музыку, штудируем искусствоведческие статьи. Так при чем же здесь танцы?

— Но была и другая точка зрения, — вспоминает Игорь Зисер, кандидат технических наук, ведущий дискотеки Молодежного центра. — К тому времени дискотеки приобрели массовый характер, молодежь потянулась к ним. Появилась возможность вести разговор о современной музыке вообще, а не только об одном ее направлении. Переходить на другую качественную основу. И принести в танцевальный зал накопленную информацию, музыкальную культуру; даже наше знание техники могло пригодиться.

Когда при Молодежном центре открылась дискотека, многие участники клуба перешли сюда.

Несколько мыслей о дискотеке

Михаил Каневский, преподаватель, ведущий дискотеки. Если у человека нет ни слуха, ни голоса, а только желание петь — он поет. Чаще всего дома. Терзая порой родных и близких. Но такому человеку и в голову не придет при всей «любви к вокалу» появиться перед публикой.

Принято считать, что самостоятельность не требует специального образования, профессиональных знаний. Лишь желание... Конечно, это досуг, свободное время. Все верно. Но если «выходить на аудиторию», одного желания мало. Необходимо умение. Мастерство. Самообразование постоянное. Так и в дискотеке. Взять в руки микрофон просто. А вот заинтересовать, поделиться мнением, отдать знания, информацию!.. Зажечь зал своей увлеченностью! Это и сложно. Потому что требует от

человека неординарности, глубоких знаний, умения правильно ориентироваться в море музыкальных направлений.

Леонид Толочков, сварщик, слайдооператор дискотеки. Дискотека не смесь кафе, бара и музыки. И не модернизированная танцплощадка. В первую очередь — учреждение культуры.

Создается она любителями — людьми, самозабвенно любящими музыку. И вот доступностью, пожалуй, эта новая форма досуга и проигрывает. Нет завода или фабрики, Дворца культуры или клуба, где бы не создавались дискотеки. Даже в общежитиях, даже в школах. Все они, конечно, разные. И дело не в том, что у кого-то качественнее аппаратура, поновее записи, более выигрышные слайды.

Разный подход к решению одной проблемы, одной задачи, стоящей в своей основе перед дискотекой. Разная — просвещать.

Валерий Минеев, заместитель директора Молодежного центра. Лет пять — семь назад, когда только начали появляться первые дискотеки, они создавались людьми, имеющими определенную музыкальную подготовку.

Как и ко всякому новому, модному, так и к дискотеке ринулись все, как говорится, без разбора. Помните, что произошло с ВИА, когда в руки во многих случаях взяли инструменты молодые музыканты, которые не имели даже отдаленного знакомства с нотной грамотой? И ведь они вышли на эстраду, пусть самостоятельную, но имеющую уже свою аудиторию, стало быть, почитателей, единомышленников, а иногда, увы, даже подражателей. И это не тот случай, когда подражают лучшему из лучших. А наоборот — худшее плодит худших. Так и распространился по стране доморощенный ансамбль, в основе которого не было ни культуры, ни музыкального образования, а, к сожалению, только огромная претензия во что бы то ни стало завоевать статус профессионалов.

Пожалуй, то же грозит и дискотеке. Ведь она — привилегия молодых. А в этом возрасте так трудно оставаться только потребителем. Появляется естественное желание самому присутствовать не только в кругу танца, но и участвовать в рождении этого почти театрализованного действия.

И забывается при этом, что сюда, к пульту, нельзя приходить налегке. Без знаний, без музыкальной культуры, без жизненного багажа... Без четко выработанных нравственных критериев отношения к современному музыкальному процессу. А так... Так можно трястись и кричать, утопая в звуковом и световом море. Разве не видим мы такое в некоторых «дискотеках»?

...Работу в Молодежном центре ребята начали со знакомства с уже существующими дискотеками. Ездили по стране, присматривались. Что нравилось — принимали, что коробило — отбрасывали сразу. Но брали на заметку, чтобы не повторить ошибок.

Долго не могли забыть одну дискотеку в крупном промышленном центре. Сидя-

щую за столиками, расправляющуюся с бифштексом публички и на этом фоне — песни Окуджавы; а ведущий, рассказывая о творчестве поэта, тщетно старался привлечь внимание едоков. Зачем было совмещать несовместимое? Еда плюс музыка — это уже ресторан. Здесь свои правила, свои законы.

— Когда нам предложили провести программу в одном из кафе Казани, мы не стали отказываться, — рассказывает Владимир Грицкий, ведущий дискотеки. — Хотелось выяснить для себя, что привлекает ребят в таких вот дискотеках в первую очередь. Вначале я как ведущий давал возможность публике спокойно заняться едой. И терял внимание, интерес аудитории. Порой казалось даже, что мой рассказ о певцах, ансамблях, музыке раздражает зал. Я становился совершенно лишним, ненужным.

В следующий вечер я резко менял программу. Как только ребята переступали порог кафе, не давал им возможности даже присесть. В «бешеном» ритме начинал дискотеку. И мы убедились, что молодежь отдавала предпочтение все же информации, новым записям.

Решили строить дискотеку, учитывая положительный опыт и ошибки других, по-своему. Вначале единодушно отказались от столиков с едой... Но, как выяснилось впоследствии, для дела необходим урок не только чужих, но и собственных ошибок. Не удалось их избежать и Молодежному центру.

Дискотека состояла из двух частей: тематическая и танцевальная. Сначала шел разговор о каком-нибудь певце или, например, направлении в музыкальном мире, а затем уже танцы. Очень скоро выяснилось, что вторая часть вечера более притягательна и пользуется большим вниманием у молодых.

Они честно приходили к началу и сидели в холле, терпеливо дожидаясь, когда ведущий дискотеки закончит запланированный разговор перед единицами истинных ценителей современной музыки. Это было обидно. Во-первых, твой труд, старание, твоя жажда поделиться и знанием и опытом растворяются в полупустом зале. А во-вторых, получается, что ты ведешь разговор только с теми, кто и без тебя все это знает.

Тематическая программа превращалась в навязчивое и неинтересное приложение к основной — танцам. Тогда пошли на эксперимент. Резко разграничили танцевальные и тематические вечера. Тематическую программу проводили в концертном зале Центра. Сидя в креслах и зная заранее, что танцев не будет; молодежь, казалось, на одном дыхании воспринимала двухчасовую программу. Свободных мест не оказывалось. В фойе, под дверью зала, собиралась те, кому не досталось билета. Стояли, слушали музыку, рассказ ведущего...

Почему так произошло? Видимо, сказался психологический момент. Ведь, как правило, настраиваешься на что-то определенное: или на серьезный разговор, или же идешь «поскакать».

Так в Молодежном центре родился своеобразный диско-театр.

— Тематическая программа всегда рождается долго. Сопряжена с огромными нервными затратами, — рассказывает Игорь Колобаев, инженер, режиссер и сценарист дискотеки. — Идея ее вначале должна согреть и проникнуть в сердце. Это же не театр, когда хочешь не хочешь, а должен работать. Ведь самодеятельное творчество в первую очередь подразумевает интерес.

Сейчас появилось много советских ансамблей, и довольно-таки интересные... «Карнавал», «Автограф», «Круиз»... Оригинальные, яркие, самобытные коллективы. О них интересно рассказывать. Их музыку — многие из них сами сочиняют — интересно пропагандировать.

К зарубежным группам у нас особый подход. В последнее время появилось

прямо-таки обилие всевозможных стилей. И в некоторых молодых головах образовалась мешанина из имен и названий. Что огорчает, зачастую ребята не вникают в содержание понравившихся песен, не понимают их социальной подоплеку, не задумываются, что из себя представляют их кумиры. Кстати, зачастую искусственно созданные. С популярностью, раздутой до вселенских размеров.

И мы переводим текст «балдежных» песенок. И часто содержание их чудовищно. Показываем слайды и фотодокументы. И рассказываем, что стоит за каждой конкретной группой.

Дискотека при Молодежном центре быстро стала популярной. О ней заговорили. Появилось много желающих попасть сюда. Эта вот популярность и испугала организаторов. Они считали: зачем такой огромный приток в зал, который, собственно, и рассчитан на малое количество мест — всего сто двадцать. Теснота и толкотня всегда приводят к хаосу, мешают ведущему держать зал на определенном эмоциональном накале.

Появилась мысль сделать — и, главное, сохранить — своеобразную эталонную, что ли, дискотеку. Со своей постоянной аудиторией, людьми, любящими музыку, понимающими ее. Короче, дискотеку для ценителей. Билеты распространялись только по комитетам комсомола крупных предприятий.

Вечера танцев проходили прямо-таки показательные. Чинные и благовоспитанные девочки и мальчики радовали. С ними ведь было легко и просто. Они довольствовались легкими коктейлями и фруктовыми соками. Им необязательно было курить, они не вступали в конфликты по всякому поводу, а чаще всего без причин, тихо и мирно решали все недоразумения, если таковые и возникали.

И вот тут-то и стала смущать мысль: а кому нужны такие дискотеки? Только для ограниченного круга? Ведь руководство Молодежного центра ставило для себя благородную задачу — прививать молодым определенный стиль поведения, культуру общения, влиять по мере сил на вкус — музыкальный и эстетический, который только формируется, приходить на помощь школе и родителям. Постоянно держать молодых под контролем, не давать возможности быть предоставленным самому себе, особенно в часы отдыха.

И пришли к выводу: «Мы кормим сытого».

«Любая вульгарность, пошлость на обычных танцпольках не находят себе противовеса, — рассуждал актив дискотеки. — В обстановке дискотеки, в контрасте с эрудированностью и тактом ведущего любая грубость звучит настолько контрастно, что и произнести ее как-то неудобно. Конечно, при условии, если ведущий действительно обладает и тактом и эрудированностью. К тому же обычные танцы неуправляемы. Парни с красными повязками выполняют здесь скорее не воспитательные, а карательные функции. Усморяют дебоширов. А воспитывать некому. Молодежь предоставлена сама себе.

На дискотеке парню, который и не блещет особой культурой поведения, хочется показаться воспитанным. Иначе он выпадет из общего стиля, покажется чужеродным элементом. Бывшие «короли» танцплощадок с их претензией на невесть что кажутся здесь просто комичными. Их никто не принимает всерьез».

И стали давать часть билетов в свободную продажу.

Что же получились? Пришли новенькие «со стороны» со своими вкусами и привычками и попытались установить свою, привычную для них обстановку. Появились бутылки, неуемная, неконтролируемая веселость. Правда, до потасовок, которые в этом случае часто возникают и неизвестно из-за чего, дело не дошло. Предвидя всякие неожиданности, актив был начеку. Не пугал нарушителей лишениями и запретами, а

просто заявлял: никто никого насильно сюда не затаскивал. Не нравится — не приходи, снижать уровень популярной дискотеки никто не позволит. И если пришел, — будь добр, веди себя на уровне.

И мелкие «бунтари со стороны» со временем стали активными помощниками организаторов дискотеки. И за порядком следят не только те, кому это положено по штату, но и сами ребята. А порядок здесь начинается задолго до самой дискотеки. С улицы, входа, с гардероба, вестибюля.

Несколько пожеланий в адрес дискотеки

Ильшат Ракипов, студент, слайд-оператор дискотеки. Есть две разновидности дискотек. Это когда коллектив технически и музыкально образован. Когда творческий процесс активен и насыщен идеями. Когда ребята сами могут написать интересный сценарий, подобрать соответствующую музыку, организовать полиэкранное зрелище. Но есть и другие дискотеки. Например, школьные. Ни опыта, ни умения, ни материальной возможности, естественно, у школьников нет. Это придет со временем.

Думается, для таких дискотек необходима помощь. Вот если бы фирма «Мелодия» выпускала специальные диски, записи музыки, посвященные тематическим дискотекам, с обязательным приложением уже готового сценария. Или, допустим, «Мелодия» в кооперации со студией диафильмов готовила еще и комплекты тематических программ, в которые входили бы: музыкальная запись, примерный сценарий и комплект слайдов или диафильмов, посвященных тому или иному певцу, коллективу или даже направлению в музыке.

Александр Шепелин, инженер, автор программ дискотеки. При составлении программ я часто сталкиваюсь с очень для меня странным явлением. С духом соперничества. Между ведущими. Между дискотеками. Казалось бы, делается одно общее дело. Ставятся одни цели, решаются общие задачи. И если понятно естественное желание сделать свою дискотеку лучше других, то непонятно, почему при этом надо скрывать друг от друга раздобытые, пусть даже с трудом, материалы, отказываться в записи новых групп. Неохотно, часто под нажимом, делаются информации.

...Ведущий нажал на клавишу. Стало тихо. Погасли разноцветные огни. Ребята занялись своими будничными делами. Меняли лампы, что-то подкручивали, подтягивали. Мелкая работа всегда найдется. Да и не хотелось уходить вот так, сразу. Говорили о текущих делах...

Что такое дискотека? Куда она идет? Какой будет завтра?

Действительно — какой? Танцы с комментариями? Диско-театр? А что это такое? Только музыка или музыка плюс зрелище? Тогда какое зрелище? Слайды или «живые актеры»? А какова роль посетителей? Пассивные зрители или активные участники?

Все дело в том, что в традиционных видах творчества — самодеятельного или профессионального, неважно — существуют сложившиеся «правила игры». Своя мера условности. Ведь не удивляемся же мы тому, что в балете танцуют, а в опере поют. Дискотека же настолько молода, что «правила игры» здесь не сложились окончательно.

Дискотека не должна быть бездуховной. Пошлость и вульгарность тоже не для нее. Она не должна быть скучной. Не должна только развлекать — ей с руки и воспитывать. Наконец, иметь свое лицо.

Ребятам из Казани удалось найти ответы на многие вопросы. У их дискотеки умное, открытое лицо. И юное. А значит, у них многое еще впереди.

Василий ДУДНИКОВ.

Фото автора

К офе после обеда он пьет почти на бегу. Обещает вернуться пораньше. Но у двери его настигает звонок. Снимая трубку, он успевает чертыхнуться. Времени на дорогу от шоссе Энтузиастов, где он живет, куда-нибудь в Химки или Пушкино, как всегда, в обрез. Концерты. Репетиции. Гастроль. Записи для радио, телевидения, фирмы «Мелодия». Встречи с композиторами. Отчеты о командировках на краешке стола в бухгалтерии.

Казалось, к сорока годам профессиональная жизнь Николая Комолятова — солиста и аккомпаниатора Московской областной филармонии, единственного в стране гитариста со званием лауреата Международного конкурса, — заполнилась до отказа. Ритм ее сделался таким, что только бы выдерживать. Однако три года назад он взвалил на себя новый груз. Приступил к занятиям в классе гитары, о котором давно мечтала детская музыкальная школа подмосковного города Реутова.

— Почему вы пригласили именно Николая Комолятова, — спрашивая у ди-

Меч Пит

ректора школы Г. Р. Рустамовой, — ведь есть и другие гитаристы с именем?

— Прежде всего нас привлекло его направление: классика.

А ведь начинал Николай Андреевич, в те годы просто Коля, совсем с другой музыки:

— Сестры брэнчали: «Ой, васильки, васильки». На семиструнной гитаре с алым бантом. И я сидел на крыльце, потренькивал. Ну, а когда заканчивал седьмой класс, прошел в Саранске слух: в училище открывают класс гитары. На экзамене мы играли дуэтом — с товарищем. Все было хорошо... но чуть позже нам сообщили, что педагог от нас отказался. Сказал — ему нечему нас учить.

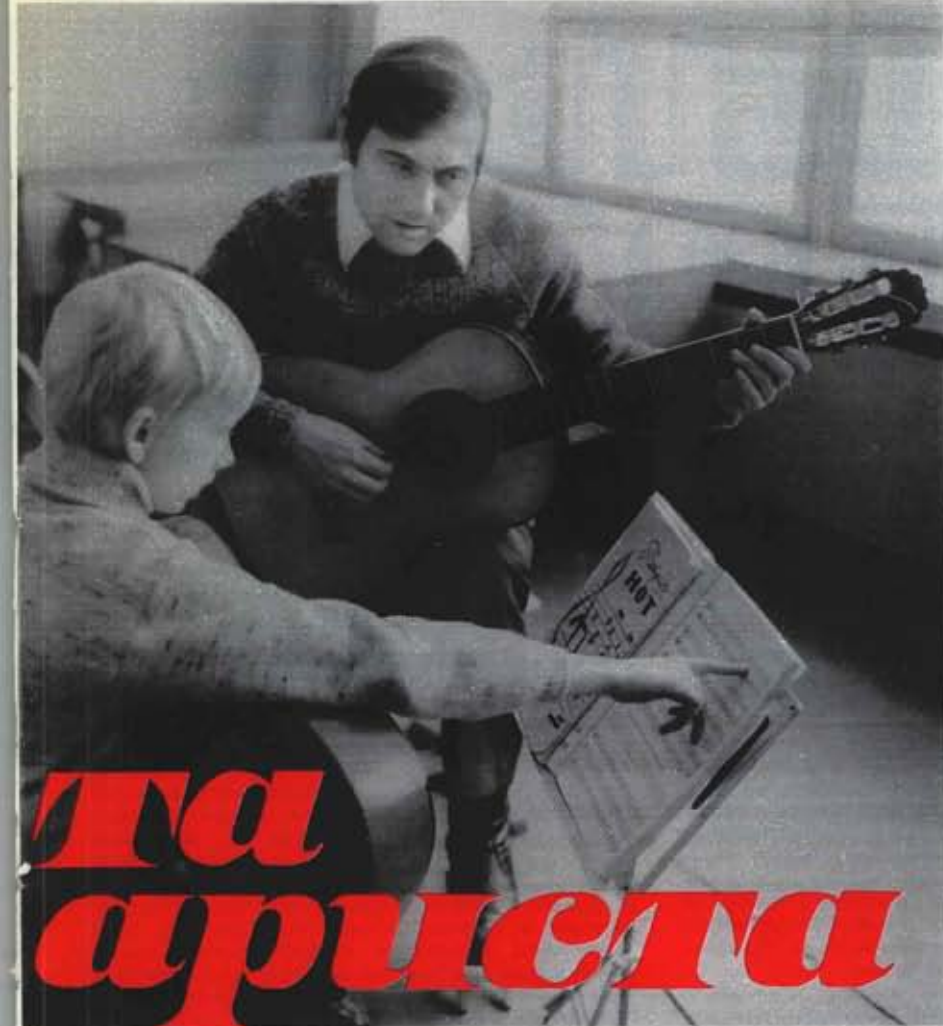
1956 год. Впервые в Советский Союз приезжает аргентинская гитаристка Мария Луиза Анидо. Ее концерты как бы вновь открывают нам классический гитарный репертуар. Телефильм о ее гастрольях — сенсация среди любителей гитары.

— Я сам не видел, — продолжает Николай Комолятов, — но молва пронеслась: необыкновенные вещи на гитаре исполняют. И на школьной олимпиаде (тогда такие часто проводились) у меня в руках была уже шестиструнка. В жюри

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК КЛУБА «МУЗЫКА С ТОБОЙ»

Дорогая «Смена», хочу поделиться с тобой вот чем. Я очень люблю гитару, сам играю на шестиструнной и живо интересуюсь всем, что так или иначе связано с этим прекрасным инструментом. И, естественно, не могу оставаться равнодушным, когда гитару, если так

Та артиста

сидел кто-то из музыкального училища. На меня обратили внимание и предложили поступать. Не на «гитару», такого отделения не было, на другое.

Всего лишь за год Комолятов перепробовал четыре музыкальные специальности. Был зачислен на хоровое, заканчивал на ударных. Директор и педагоги не препятствовали: пусть ищет себя. А в 1960 году Николай написал в Министерство культуры, спрашивая, в каком из училищ страны преподают шестиструнную гитару. Ему повезло. Как раз тогда возобновилось обучение игре на классической гитаре в Москве. И вот первый урок у Иванова-Крамского, у маэстро...

Со второго курса призывают в армию. С любимым инструментом не расстался, играл в ансамбле Тихоокеанского флота. Вернулся, блестяще окончил училище. Получил рекомендацию и сдал экзамены на заочное отделение Свердловской консерватории. Спустил пять лет — высшее музыкальное образование.

— Долго я к этому шел, — говорит он, — долго...

Зато теперь, когда диктор радио провозносит: «Играет Николай Комоля-

тов», — ценители классической гитары обрывают разговор на полуслове.

Пожалуй, Николай Комолятов добился всего, о чем может мечтать профессиональный гитарист. Тут-то ему бы и успокоиться, как делают многие. И тут один круг его жизни, замкнувшись, дает начало следующему. Заветное желание становится потребностью — Комолятов преподает.

Он учит детей восьми — двенадцати лет. Они вырастут, их пальцы окрепнут. Ребятам покорится техника игры. Но главное в другом.

— Мы занимаемся не гитарой, — утверждает Николай Комолятов, — мы занимаемся музыкой. Мы все занимаемся музыкой, разница лишь в инструменте.

И музыка, звучащая в Европе еще до нашей эры, пережившая ранний расцвет во времена провансальских трубадуров, обновленная в эпоху Возрождения и Просвещения, музыка, равно пленявшая королей и солдат, покорившая ныне весь мир и ставшая достоянием человечества, — прекрасная музыка не оборвется. Ее продолжат мальчишки, которые слышат эту музыку, будем верить, даже и во сне. Они ждут от учителя раскрытия все новых и новых ее тайн.

ри с нами, читателями, на страницах клуба «Музыка с тобой» о гитаре. О ее красоте. О ее богатстве. О ее истинной сути. О ее лучших мастерах. Это будет очень полезно для всех, кто неравнодушен к гитаре.

Анатолий АБЛЯСОВ,
пос. Магнитка,
Челябинской обл.

От редакции: Что ж, Анатолий верно и остро ставит вопрос. Выполняя просьбу, клуб «Музыка с тобой» будет рассказывать не только о мастерах игры на гитаре, но и ее страстных пропагандистах, энтузиастах.

выразиться, «обижают». Я имею в виду те случаи и ситуации, которые сопряжены с «уличной» формой эксплуатации гитары. То есть когда игра на ней сводится к тусклому бряцанию на струнах с минимальным набором стандартных аккордов. Я не склонен ставить это в вину тем, кто так примитивно осваивает гитару. Мне кажется, что это их беда, а не вина. Ведь от них ускользает истинная красота гитары, ее чудесные возможности в исполнительском смысле. Они лишают себя возможности по-настоящему обогащаться игрой на гитаре. Обогащаться эстетически и духовно.

Я очень прошу тебя, «Смена», погово-

Алексей Козловский живет в совхозе Бейском, в Хакасии, преподает в школе географии. Ездить ему не привелось ни на Сахалин, ни на Северный полюс; вокруг — степи, леса мало, но многие стихи его — о лесе, об охотниках, о вечных разлуках с домом, о немногословной силе страсти. Пронзительное зрение отличает этого молодого поэта, умение отозваться на чужую боль, даже если этого, другого человека нет рядом. Может быть, в этом истинность поэзии — писать как бы про себя, для себя, а я за тысячи верст пойму, что обо мне, о моей тоске и любви...

У Алексея Козловского в Красноярске вышли две книжки стихов. В 1975 году на VI Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве его стихи получили добрую оценку.

С волнением за моего младшего собрата по перу предлагаю вниманию читателей журнала «Смена» подборку его стихов.

Роман СОЛНЦЕВ

НОВОЕ ИМЯ

Алексей КОЗЛОВСКИЙ

Белы поля, как чистые тетради,
Над ними одинокая звезда
Восходит крупно, зябко, навсегда.
Светлы поля, березники светлы.
Свет изнутри,

сквозь поры голубые,
Струится, освещает пол-России
И даже дальний краешек звезды.

Спасибо,
музыка

Спасибо, музыка, за светлые леса...
Они звучат под осень,

как оркестры,
Мы все еще не верим в чудеса,
А ты творишь их запросто и честно.

Ты протянешь озябшие руки
Над холодной и зыбкой водой,
А по ней, словно древние струги,
Обгоняя звезду за звездой, —
Листья черные. Алыми были,
Пламенели на ветках осин,
Но сорвались — и в воду,

уплыли,

Но не все —
остался один.

Ты достанешь его, осторожно
Поднесешь к головешкам костра.
Отогреешь, расправишь...

Возможно,

Он еще доживет до утра.

В траве заводится звезда,
Кутенком кочка ткнется в ноги,
И ты поймешь —

сочел с дороги,

Но не поймешь —
зашел куда.

С надеждой
к ясным небесам

Потянешься пунктиром взгляда,
Забыв,
что звезды где-то рядом
Ночами бродят по лесам.

И будет тихо,
как зимой

На дне большого водоема:
Луна белеет незнакомо
Вверху,
как прорубь над тобой.

И все не то,
и все не так,
А может, лучше и не надо.
Хотя бы то,
что звезды рядом,
Не просто этакий пустяк.

Осенний гул и летняя свирель,
Февральский свист

и майские валторны,
Там флейта, залетевшая в апрель,
Здесь, в октябре,
январской стужи горны.

Мелодия озвученных полей,
Затянутых то викою, то снегом,
То звонкая, то глуше и слабей,
Перекликается то с озимью,
то с небом.

Симфония простуженных лесов,
Продутых просек спаренные трубы,
К холодным мундштукам
прижаты губы,
Но реет пламя чистых голосов.

И даже в самой тоненькой струне
Какой-нибудь
июльской робкой скрипки,
Как в выбитой мячом оконной шипке,
Гулает свежий ветер налегке.

И бабочка как арфа на листке —
Крыло к крылу,
а звуков свет лимонный,
И стрекозы смьчок неугомонный,
И снег, и зной, и зонтик на песке.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

ЮНОСТЬ КУРЧАТОВА

Выдающийся советский ученый, первый организатор и руководитель работ по атомной науке и технике в СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, академик Игорь Васильевич Курчатов стал при жизни национальным героем. Под его руководством была создана первая в СССР атомная бомба (1949 г.), первая в мире водородная бомба (1953 г.) и первая в мире атомная электрическая станция в Обнинске, под Москвой (1954 г.).

Героическая жизнь ученого-коммуниста являет яркий пример для всех поколений советской молодежи. Вот почему так важно представить себе, как складывался его могучий характер, как выбирал он цель в своей жизни и шел к ней.

Родился Игорь в 1902 году в поселке Симский завод, затерянном в горной уральской тайге. В давние времена сюда, в глухомань, бежал от лютого произвола помещика-крепостника Алексей Константинович Курчатов, дед будущего ученого. Крайстий и цепкий, он стал чернорабочим на Симском заводе. Проявив смекалку и трудолюбие, выбился в мастера, а позже стал казначеем. Алексей Константинович вырастил десять ребятишек и всем дал образование. Особые надежды Алексей Константинович возлагал на сына Василия — тот выделялся умом, силой, красотой и прилежанием в труде. После окончания школы отец послал его в Уфу — учиться в губернском Землемерном училище, рассчитывая на то, что, получив образование, он вернется в Сим и, сменив отца, станет казначеем. Но все вышло иначе — Василий так увлекся наукой о лесе, что решил посвятить свою жизнь культурному лесопользованию, созданию точных карт тайги, борьбе с хищническими порубками.

Алексей Константинович рассердился: он и слышать не хотел о неповиновении сына и потребовал от него немедленно ехать на завод, к делу, к огню! Отец был крут, но и сын пошел в него: сошлись два железных характера. Каждый гнул в свою сторону, дело едва не дошло до кулаков. Но в конечном счете Алексей Константинович, как человек опытный и умный, все же переборол себя, — он оценил искреннюю любовь сына к тайге, обдуманную твердость в выборе жизненного пути и понял: сын «не бесится», не выказывает строптивость и озорное неподчинение родителю, а задался благородным и нужным делом.

— Будь по-твоему, — сказал Алексей Константинович. — Дело новое, трудное. Благословляю. Только будь Курчатовым, стой на своем. Если что, поможем.

Василий Алексеевич, став помощником лесничего, обосновался в родном Симе, собрал здесь артель и принялся за съемку карт лесных угодий и прокладку системы просек. Тайга стала его домом — пропадали он в ней неделями, возвращался загорелый, обветренный, искусанный мошкой и гнусом, но довольный первыми результатами.

Однажды, вернувшись в Сим, гарцуя на коне, сверкая ястребиным пером в охотничьей шляпе, Василий Алексеевич увидел на крыльце школы новую учительницу. Взглянув на скромную красавицу, он полюбил ее с первого взгляда. Забыл тайгу, кордон, охоту, под любым предлогом задерживался в Симе. Добился расположения Марии Васильевны Остроумовой, сделал ей предложение.

Сыграли свадьбу и всю жизнь были счастливы. Создали молодые Курчатовы крепкую семью: было у них трое детишек — Тоня, Игорь, Борис. На лето семья выезжала из Симы на лошадах в тайгу, на кордон — к месту работы отца. А в тайге детвора ждала раздольная жизнь среди дикой природы.

Отец хотел видеть Игоря крепким, смелым, закаленным. С ранних лет Игорь привык сидеть в седле, не страшась играл с медвежонком, стоял в грозу под старой разлапистой елью. Случилось так, что Игорь

заблудился, попал в бурелом, перенес жестокую бурю, но не растерялся и был спасен отцом и егерями.

В зимние метельные вечера, когда за бревенчатыми стенами трещал мороз, Мария Васильевна знакомила детей с уральскими сказками, пробуждала в них интерес к горному краю — «каменному поясу России». А дед норовил выбрать часок и увести внука на завод — к огню, к машинам. Игорь возвращался домой возбужденный, рассказывал Боре, как работают паровые машины, гудел, свистел, изображал руками действие шатунов и колес.

Дед мечтал увидеть во внуке своего преемника, а отец мысленно представлял себе, каким он станет ему помощником, знатоком тайги. Внезапно в жизни Курчатовых все изменилось — ворвалась беда. Врачи определили у Тони туберкулез и потребовали изменить для нее климат. Увезти девочку к солнцу. Ради спасения дочки Василий Алексеевич оставил любимую работу в Симе и переехал с семьей в Симбирск, на Волгу. Но и там Тоне не стало лучше, и, подчиняясь жестким требованиям медиков, Курчатовы переехали в солнечный Крым.

Курчатовым понравился весь белый, утонувший в зелени Симферополь. Василий Алексеевич занялся своими делами по землеустройству, Игорь пошел в мужскую казенную гимназию, Боря тоже стал гимназистом, Мария Васильевна хлопотала по дому и обходила местных врачей, показывала им большую дочь.

Борьба за спасение Тони шла отчаянная, но девочка таяла, бледнела, пугающе кашляла. Игоря и Бору не допускали к больной сестре, и они ныли, выпрашивая разрешения поиграть с ней.

Когда Тони не стало, в доме появились священник и дьячок, какие-то старушки, запахло ладаном и горелыми свечами. Мария Васильевна рыдала, не сдерживая себя. Похудевший и мрачный, Василий Алексеевич успокаивал жену, лохматил волосы Игоря и Бориса, не зная, что им сказать, как утешить. Потом все пошло за гробом в церковь, где отпевали Тоню. Игорь слушал молитвы и никак не мог поверить в то, что никогда больше не увидит сестру. В маленькое сердце Игоря вошла беда.

— Пусть земля будет Тоне пухом, — тихо сказал отец, когда после похорон собрались на поминки соседи и сослуживцы Василия Алексеевича.

Мария Васильевна отрешенно смотрела на детей. Отец, крепясь, выпил водки и стал истово благодарить священника, старушек, врача и знакомых Игорю людей за участие в постигшем горе. В разговоре захмелевших взрослых чувствовалась тревога за будущее мальчишек, как бы и они не заболели чахоткой. Слушая старших, Игорь не по годам зрело размышлял, как могла произойти такая беда: человек, пусть даже маленький, исчезает навсегда с земли? По какому праву неведомая ему смерть, о которой с таким страхом говорили сильные и здоровые взрослые, могла лишить жизни Тоню? Почему смерть нельзя было остановить, помешать ей? И что такое Смерть? В его сознании возникали те «проклятые вопросы» о жизни и смерти, на которые не могут получить ответа и взрослые. Как заведено на всем белом свете, жизнь брала свое, одолевала заботами и тревогами, и в тумане забвения медленно таяла горе.

Курчатовы пережили в Крыму разные времена — видели, как через Симферополь в летнюю пору пестрыми потоками устремлялись со всей России титулованные особы, богатые тузы, золотая молодежь, знаменитые артистки и сопровождавшие их вымуштрованные безмолвные лакеи. Толпы нарядных гостей превращали летний сезон в сплошной курортный праздник. Под музыку танцевали и флиртовали, просаживали в рулетку состояния, купались в шампанском и в море. Первая мировая война превратила Крым в госпиталь. Запахло йодоформом, привезли забинтованных раненых. Через Симферополь шли поезда с красными крестами на вагонах вперемежку с воинскими жезлонами. Очистительная буря Октября изменила жизнь Крыма, но в 1918 году его захватили

германские полки и тогда же в портах высадились войска Антанты. Начались расстрелы «красных», появились на площадях виселицы. Оккупация продолжалась недолго — в апреле 1919 года под ударами Красной Армии были сметены вражеские полчища. Но победа не была окончательной — на жителей Крыма обрушилась трагедия: в конце июня белогвардейские войска вновь захватили полуостров, и он превратился в арену ожесточенных битв. На всем пространстве от Перекопа и Бахчисарайских степей до высот Ай-Петри шло наступление Красной Армии, поддержанное крымскими партизанами.

Все это бурное время жизнь Курчатовых шла под винтовочную стрельбу и артиллерийские раскаты, цоканье копыт пролетающей по улицам конницы. Подобно всем мальчишкам, Игорек, — его звали еще Гарик, — крутился около оружейных лафетов, смотрел, как седлают казаки коней. Он знал: есть «красные» и «белые». Семья Курчатовых была за красных, и красным считал себя Гарик. До драк обострились в гимназии взаимоотношения между гимназистами, считавшими себя красными, и их противниками — белыми. Странники белых призывали помогать белым, и, если в город ворвутся красные, бежать в Севастополь, садиться на корабли и отплыть в другие страны, чтобы потом, окрепнув и получив вооружение, вернуться назад и «освободить» Крым.

Победили красные. Среди тех ребят, которые неистово кричали «ура» и бежали перед трубачами, был и Гарик с братом Борисом. Свои пришли! Пришли навсегда и стали налаживать новую жизнь.

Время было найтруднейшее, но школы открыли свои двери, и начались занятия. Мальчишки щеголяли в буденовках, ходили в шлямах с красными звездами, и у каждого карманы были полны винтовочных патронов. Однажды кто-то из озорников приволок в класс пулемет. Игорь увязывался за старшеклассниками и смотрел, как они развлекались взрывами пироксилиновых шашек.

Голодные, трудные годы закаляли смуглого, чернорового мальчугана. Не по возрасту он был смел, храбр, деловит и смекалист. Все в нем бурлило, кипело. Силы искали выхода, и вдвоем с отчаянным дружком Сериго он портил нервы учителям и родителям: в один из дней шалуны так лихо раскачались на самодельных качелях, что, сделав полный оборот, перелетели через перекладину.

Учился Гарик хорошо, легко, быстро «проглатывал» учебники, и домашние не всегда замечали, когда же Игорь успевал готовить уроки. Его на все хватало, — самозабвенно играл в футбол, и тогда у домашних создавалось впечатление, что для Игоря нет ничего важнее футбола. Потом пришло увлечение французской борьбой, — оказалось, Гарик силен, ловок, уверенно держится на помосте. Наконец, все затмило увлечение выпиливанием по дереву. Вооружившись лобзиком, Игорь превращал простые доски в деревянные кружева. У паренька выявлялся талант художника.

Как и следовало ожидать, пришла свойственная юности страсть к чтению детективной литературы. Тоненькие копейные книжонки в пестрых обложках о похождениях знаменитых сыщиков расходились по всей России, попадали они и к Игорю. Читал он «сыщущую литературу» дома, на уроках, даже на ходу. Военные бури глубоко перепахали жизнь в Крыму. С приходом Советской власти произошла коренная ломка школы. На смену муштре и зубрежке пришло свободное выявление способностей и интересов школьников. Все это разительно влияло на детвору — ученики быстро росли и мужали, причислялись к самостоятельности, причем, бывало, иные выходили из подчинения. В поисках еды ребята копались на огородах, пасли коз, работали по дому, искали приработку на стороне. Так было и с Гариком, — перекинув через плечо лопату, шел он помогать отцу на огороде. Возвращался с грядок перепачканный в земле и не без гордости докладывал маме, чем смог помочь отцу. Несколькими раз ходил Игорь с

Василием Алексеевичем на консервную фабрику пилить дрова. Отец показал, как действовать двуручной пилой, правильно ставить ноги, равномерно тянуть «зубчатку». Работа шла споро, и не раз Игорь возвращался счастливый, приносит вязанки поленьев — премию за хорошую работу.

Пригодилось ему и увлечение выпиливанием лобзиком по дереву: его приняли в мундштучную мастерскую, и там загорелый темноглазый паренек ловко стал обрубать куски дерева и преобразовывать их в замысловатые мундштуки. Не раз его ставили в пример взрослым.

На очередном домашнем совете — как жить, что делать? — отец подал мысль Игорю пойти в вечернюю ремесленную школу, говорил, что квалификация слесаря надежнее обеспечит ему кусок хлеба. Мария Васильевна поддержала мужа, хотя и понимала, как увеличится нагрузка на сына: по утрам отправляться в гимназию, а вечерами — в ремесленную школу. Но по тем трудным временам пришлось пойти на эту меру. Гарику охотно стал посещать вечернюю школу: ему понравилась работа с металлом. Быстро освоил слесарный инструмент, приемы работы, стал выполнять простейшие задания.

— Слава богу! — обрадованно сказал отец, когда узнал, что сын получил квалификацию слесаря. — Теперь не пропадет.

Взрослея, Игорь становился крепче, выше ростом, шире в плечах, спокойнее и рассудительнее. Его уже не интересовали дешевые детективные сюжеты из пестрых книжонков — наступила пора увлечения Жюльем Верном и Майном Ридом, пробудился интерес к музыке. Начал Игорь с балалайки. Освоил нехитрый инструмент, и балалаечные мотивы зазвучали в жилище Курчатových. Мария Васильевна посоветовала сыну пойти в школьный струнный оркестр. Дирижер внимательно прослушал Игоря. Его заинтересовал подвижный, с черными, всегда удивленными глазами и ярким, заливавшим щеки румянцем, школьник. Вскоре он предложил ему играть не только на балалайке, но и на мандолине. Довольный успехами Игоря, дирижер встретился с Марией Васильевной и сказал ей:

— Если ваш Игорь будет серьезно заниматься музыкой, то сможет стать настоящим музыкантом. Для этого есть все основания, он любит музыку и понимает то, что исполняет. А это чрезвычайно важно. И, конечно, важно то, что Игорь умеет играть.

Еще больше обрадовала Марию Васильевну встреча с директором гимназии Карпачинским — приятно улыбаясь, привычно потирая руки, он высказал свое мнение об Игоре:

— Непоседа ваш Игорь, увлекающаяся натура, за многое берется, и все у него получается. Это хорошо: ищет самое важное в жизни. Берегите его. Поверьте моему опыту старого педагога, Игорь — будущий медалист. А получить медаль в наше трудное, неспокойное и голодное время — это, я вам скажу, милейшая Мария Васильевна, событие исключительной важности. Берегите сына. Последите за тем, чтобы он не так уж разбрасывался. Ну, конечно, музыка, ну, конечно, выпиливание и рисование, и всякое такое прочее, и неизбежные приработки — что поделаешь! — такова жизнь, но все же, все же... Берегите сына. Вы, многоуважаемая Мария Васильевна, сами педагог и прекрасно понимаете, что такое этот возраст.

Польщенная добрыми словами маститого наставника, Мария Васильевна вспыхнула, залилась краской, принялась благодарить Карпачинского. Ушла счастливая и встревоженная. Сын растет, все время в движении, расходует много сил, а питание?.. Потеряв дочь, она жила в тайной тревоге, как бы беда не настала и сыновей.

Рассудительный Василий Алексеевич нашел действенные меры против грозной опасности: на лето, как это было и на Урале, он увозил семью в деревню. Ребят там давал полную свободу — играйте, веселитесь, прыгайте через костры, но не забывайте и дело, — он приучал сыновей седлать коней, косить, собирать целебные травы.

Переехав в Крым, Василий Алексеевич быстро изучил новую для него природу, стал знатоком крымских земель. С особым увлечением занимался зеленой аптекой, твердо веря, что более четырехсот видов лекарственных растений Крыма — лучшее средство от всех болезней, настоящий эликсир здоровья. Говоря словами поэта, он не степью ходил, а ходил по аптеке. Показывая сыновьям, например, ромашку, пояснял: ромашки бывают разных видов — собачья, далматская, аптечная... Вот тянется к солнцу золотистая корзиночка адониса весеннего... А вот розовым зацветает прострел крымский...

Из трав Василий Алексеевич готовил настои и угощал ими сыновей и жену, приговаривая:

— Сегодня у нас чай из сухих вишневых ягод в смеси с шиповником и мятой, — вот силушки-то прибавится! — В другой раз оповещал: — Сегодня подаю к столу морковь, сваренную в молоке, все болезни прогонит!

Как и на Урале и в Симбирске, Василий Алексеевич мечтал увлечь Игоря и Бору природой, землей,

повести их по своим столам. Теперь, когда земля стала народной, государственной, можно было осуществить то, что казалось фантазией в условиях частного землепользования. Василию Алексеевичу очень хотелось видеть рядом с собой в делах смышленного крепыша-сына. Он брал его в степь, усаживал в седло и ехал с ним в далекую даль за горизонт. Позванивали уздечки, ржали кони, в небе пели птицы, и слышался голос отца — говорил он сыну о земле, о делах землемера, хотя и чувствовал, что не встречает собственного Игорю жадного интереса.

— Земля — кормилица, землей надо заниматься, изучать ее, знать каждую версту, — говорил отец Игорю. — Прежде трудно было что-то делать, вся земля была поделена межами, лоскутной была земля. Теперь, в наше время, все иное...

— Да, конечно, это верно... — соглашался Игорь. Но голос его был бесстрастный, и думал он, видно, о другом.

Но как изменился Гарику, когда отец привез семью в Сарыгол под Феодосией, на берег моря. Оно ошеломило его огромностью своих открытых пространств, могучим гулом накатных волн. Где-то за горизонтом они рождались, шли грозными цепями — ряд за рядом — и разбивались о берег с такой силой, что сотрясалась земля. У себя, на Урале, Игорь привык к хвойному океану, мерному шуму тайги и к горам. В Крыму тоже были горы, но не такие дикие и страшные, как на Урале, а теплые и какие-то милые. Уральская тайга с ее чащобой, буреломами и непроходимыми топями не шла в сравнение с беспредельностью сине-зеленой, доходившей до черной густоты морской пустыни.

Море удивило, ошеломило и омрачило — Игорь ощутил робость. Всемогущий и грозный повелителем предстало море, а человек в сравнении с ним — беззащитным существом.

На Волге Игорь привык с разбега влетать в темные речные воды, а здесь, выйдя к морю, растерялся и застыл на гальке. Попробовал горько-соленую волну, пожегил, попрыгал на одной ноге, но, вспомнив отчаянных друзей по Симбирску, решил и бросился в прибой. Тугая волна сбила его с ног и, как он ни сопротивлялся, как ни хватался руками за камни и гальку, потащила его за собой. Под ногами исчезло дно. Игорь стал захлебываться, закричал «мама». В тот же момент стихия, тащившая Игоря в бездну, шумно выбросила его на берег.

В подавленном состоянии, чувствуя свое ничтожество по сравнению с морем, Игорь вернулся в Сарыгол. Отец посмотрел в тоскливые глаза сына и засмеялся:

— Море — это сила, Гарику. Я понимаю тебя, кажется, что человек — раб стихии, силенок у него нет. У моря сила огромная. Как крушат волны берега? А люди не научились использовать даровую энергию для своих нужд. Представь себе, вот здесь была бы установка по переработке волн в электрическую энергию. Ни тебе дров, ни угля, ни тебе нефти, круглый год волны бьют в берега, и круглый год люди имели бы электричество. Но я верю, так будет. Ты знаешь, сынок, я верю в человека, в его особое предназначение на Земле и во всей Вселенной. Вот будем в Севастополе, увидишь геройский город и флот, увидишь корабли — я говорю о настоящих кораблях, не о рыбачьих фелюгах или там шаландах, — крейсера или миноносцы не боятся моря.

С той поры море властно вошло в жизнь Игоря. Ездил ли он верхом по степи, играл ли с ребятами, собирал ли лекарственные травы, а думал о грандиозном скоплении горькой воды, о бушующей стихии, способной в гнев рушить скалы. Море не могли затмить ни плуги, ни сеялки, ни паровые молотилки, с которыми познакомился Игорь. В селениях немецких колонистов, где бывали Курчатovy, мальчуганы липли к паровичкам, норовили запускать машины и дежурить у паровой молотилки. Повезло Гарику — он уже умел слесарить, и, как человеку, знающему технику, ему доверили на короткое время обслуживать паровик. Машина работала гулко, свистел пар, тряслась земля, вызывая в памяти давние дни, когда Игорь впервые увидел в Симе, на заводе, паровую машину. Прошли уже годы, а раннее воспоминание детства будоражило его душу. Вспомнился и поход в машинное отделение на камском пароходе, где в сиянии огней предстала стальным чудовищем судовая паровая машина. Теперь же Игорь сам управлял паровичком, следил за манометром, подбрасывал топливо и мечтал: вот бы увидеть паровые машины крейсера!..

Игорь добрался до Севастополя. Перед ним густо дымили, гремели якорными цепями, вспенивали винтами зеленовато-синюю воду боевые и торговые корабли. Поразили мощные трубы, изрыгавшие потоки дыма и пара, чуть скошенные мачты, ушастые раструбы вентиляторов, серо-стального цвета бронированные корпуса, увенчанные орудийными башнями... Боевые корабли не боялись стихии — они были владыками моря. Величественные картины флота породили в Игоре смутное, еще неясное желание посвятить свою жизнь флоту.

В доме появились книги о море и кораблях, стены украсились рисунками и фотографиями линкоров и эсминцев. В вечерние часы при свете копилки Игорь изучал морские карты. Едва представлялась возможность, он мчался из Симферополя в Севастополь.

— Как мог Игорек променять землю на море? — сокрушался отец. — Ну, что в этом море? Вода. К тому же вода соленая, непригодная для питья...

Мужу вторила Мария Васильевна.

— Что он там нашел, в этом море? — тревожно спрашивала она. — Кто ему вскружил голову? С кем повелся? Ведь утонет — все тонет в море. — Мария Васильевна не могла понять, почему Гарику отказывается идти по отцовской дороге, перенял бы на ходу нужное дело, стал бы землемером — уважаемая профессия, высокая квалификация. Появилась бы династия землемеров Курчатových.

Продолжая сетовать на судьбу, на ее несправедливость, Мария Васильевна горевала, — так мечтала она, что сын ее станет если не землемером, то, как и она, учителем, понесет в народ знания — какое это святое, благородное дело! А он и не думает о педагогике, не думает и о земле, живет морем...

Размышляя о сыне и его увлечениях, Василий Алексеевич поделился с женой своими соображениями:

— Море морем. Но Игорек, насколько я понимаю, интересуется не столько морем, сколько флотом. У него есть тяга к технике. Видала, как он пропадал у паровых молотилок? А помнишь, как рвался в машинное отделение на пароходе? Если так, ему нужно прежде всего учить физику и математику.

Мысли Василия Алексеевича совпали с думами об Игоре учителя физики Семена Николаевича Усатого. Его давно заинтересовал загорелый крепыш с не по-детски умными, внимательными глазами. Тщательность, с которой производил расчеты Игорь, его неожиданные вопросы на занятиях, пытливість и начитанность в сочетании с дисциплинированностью восхищали Семена Николаевича. В учительской и на заседаниях родительского совета он говорил, вкладывая в свои слова особый смысл:

— Игорь Курчатov — талант, его ждет большое будущее в физике.

Семен Николаевич был серьезным, широко образованным человеком, занимавшимся научной работой, он ставил эксперименты и был известен своими трудами крупнейшим ученым. Учителем его был выдающийся ученый-физик Абрам Федорович Иоффе. Усатый сообщил ему о замеченном в гимназии талантливом самородке.

Сам Игорь Курчатov не думал о физике как цели своей жизни. Физика и математика были любимыми предметами, но он не считал их главными. Приняв решение стать кораблестроителем, Игорь наивно полагал, будто в кораблестроительном институте, о котором он уже мечтал, понадобятся иные предметы. Его вывел из заблуждения Семен Николаевич.

Как человек энергичный и любивший «управлять судьбами» своих любимых учеников, он посетил Марию Васильевну — обсудить будущее Игоря.

ИГОРЬ КУРЧАТОВ — ГИМНАЗИСТ.

— Решение Игоря,—говорил Семен Николаевич, попивая жидкий чай,—возможно, самое обыкновенное мальчишество, эдакий заскок, дескать, смотрите, взрослые, какой я самостоятельный, как я сам решаю свою судьбу! Вполне возможно, мы имеем дело с проявлением юношеской романтики: море всегда манило к себе. Не скрою, я и сам испытал его воздействие, но, слава богу, пересилил себя и нашел свой путь. Не исключено, что перед нами свойственное юности своеволие. Но, как бы там ни было, теперь, когда время идет к окончанию гимназии, я уверен, он будет золотым медалистом,—после гимназии Игорю стоит пойти в Таврический университет. Ему важно получить высшее образование, иметь фундаментальные знания физики, а там будет видно. Цели в юности меняются. И не только море имеет притягательную силу.

В последних классах гимназии жизнь Игоря осложнилась до чрезвычайности. Он упорно и хорошо учился, проявляя свой талант на уроках физики и математики, гонял в футбол, играл на мандолине в школьном оркестре, трудился «на прокорм»—то пилил дрова, то работал чернорабочим на железной дороге, и при этом успевал много читать. «Глотал» художественную и техническую литературу, не пропускал популярной книги о науке.

На неутомимого темноглазого гимназиста, стриженного бобриком, с румянцем во все щеки, обратили внимание не только Семен Николаевич Усатый и директор гимназии, но и Л. В. Жирицкий, один из выдающихся педагогов Крыма, учитель словесности. Если Семен Николаевич «тянул» Игоря в физику, то Жирицкий—в литературу. Он присосил из своей большой личной библиотеки Игорю специально подобранные книги, говорил, на что важно обратить внимание, затем расспрашивал о прочитанном. Всегда подтянутый, неизменно в строгом черном костюме, блестящими очками, Жирицкий мягко подходил к Игорю и начинал с ним разговор о книгах—ему важно было привить всем своим ученикам, особенно Курчатову, любовь к литературе, вкус к книге. Встречаясь с Марией Васильевной, учитель словесности выражал ей свое чувство восхищения Игорем,—его радовало умение Гарика углубленно проникать в таинство духовного мира героев произведений классиков мировой и русской литературы.

— Я вижу Игоря писателем,—говорил Жирицкий.—Вернее сказать, я представляю его себе критиком вроде Писарева, у него аналитический ум, он понимает замысел писателя, читает как бы между строк и сравнивает написанное с жизнью. Поразительный талант! Очень важно не пропустить его, не дать уйти в сторону.

Слушая то Усатого, то директора гимназии Карпачинского, то учителя словесности Жирицкого, Мария Васильевна терялась: что же ей теперь делать? Усатый настаивает на одном, Жирицкий—на другом, а Игорь не слушает ни родителей, ни педагогов...

Сам Игорь чувствовал «заколдованный круг», в который он попал, и мучился в поисках ответа на главный вопрос жизни: кем же все-таки ему быть? Быть ли ему землемером? Нет! Окончательно и решительно—нет, говорил себе Игорь. Педагогом? Нет. Писателем? Нет. Музыкантом? Нет. Резчиком по дереву—художником-декоратором? Нет. Физиком? Нет. Так кем же? Промучившись не один день, Игорь нашел ответ: быть ему кораблестроителем-инженером. А это означало: прежде всего необходимо собирать техническую литературу, читать ее, разбираться в чертежах, приобретать инженерные навыки.

Интерес Игоря к технической литературе сблизил его с товарищами по классу Борисом Ляховицким, а затем и с Володей Луценко. Они собирали технические книги, конспекты лекций, совместно обсуждали прочитанное. От собирательства перешли к самостоятельному изучению аналитической геометрии и так увлеклись, что, выйдя за рамки школьной программы, пошли по университетскому курсу. Раздобыв кусок хлеба и кружку кипятка, могли, собравшись в кружок, часами обсуждать сложные задачи. Когда темно, зажигали копилку и при ее мерцающем, тусклом свете продолжали читать, писать, вести дискуссии. От частого пользования копилками лица друзей потемнели, гарь плохо отмылась.

Дома Игоря донимал вопросом младший брат Боря: кем он, Игорь, решил стать после окончания гимназии? Пойдешь в писатели? Пойдешь на море? Будешь физиком?

Пришлось объясниться с братом.

После уроков Игорь позвал его в тень от сплетенных виноградных лоз и с таинственным видом сообщил о своем окончательном решении—идти в строители кораблей:

— Твердо. Буду строить крейсера и миноносцы. Борис восхищенно посмотрел на брата и заявил: — Я тоже буду строить корабли.

Мгновенная реакция брата польстила Игорю, но вызвала и озабоченность: можно ли так бездумно копировать старших.

— У тебя хорошо идет физика,—с серьезным

видом остановил Бориса старший брат.—Вот физической и занимайся.

— А ты почему не физик?—парировал Боря.—Усатый сказал маме: из тебя физик большой выйдет. Честно. Сам слышал.

— Сам слышал, сам слышал...—вздыхнул Игорь.—А кто корабли строить будет?—Игорь принялся разъяснять Боре:—После гражданской войны нам нужен большой флот. Понял? Если нужно строить корабли и у меня к этому есть желание, то зачем загонять меня работать, например, в театре или сидеть в астрономической башне? Это ты можешь понять?

— Но Усатый сказал маме—ты все равно будешь физиком. Он сказал, что ты сейчас ищешь цель, так делают все стоящие гимназисты—ходят и ищут цель жизни. Тебе повезло—сразу нашел.

— Ну не совсем сразу...—Игорь задумался, погладил по голове брата.—Конечно, все может быть... А теперь—самое главное: хорошо подготовиться к окончанию школы, сдать на пятерки экзамены.

Родители уговаривали Игоря разгрузить себя от всего, что осложняет занятия,—от «приработков», музыки, футбола, выпливания по дереву—и сосредоточиться на завершении школьной программы.

— О доме, сынок, не забывай,—успокаивал Игоря отец.—Трудно всем нам, конечно, но что поделаешь! Время такое, с голода не помрем, так что думай о себе, о школе, об экзаменах—это самая главная цель в настоящее время. Остальное приложится.

Для себя и друзей Игорь разработал такой жесткий режим дня, при котором можно было заниматься в школе, выполнять домашние задания, читать дополнительную литературу и изучать французский язык. По «курчатовскому расписанию» друзья вставали чуть свет, умывались, делали физзарядку и, наскоро поев, бежали в школу. После занятий оставались в классе, пока сторож не просил ребят идти домой. В темноте, под треск цикад шли к Игорю, усаживались вокруг копилки и при тусклом ее свете читали учебники и попадавшиеся на глаза технические книги. Большое впечатление на друзей произвела книга итальянского ученого Корбино «Успехи современной физики». Из нее узнали о замечательных работах Ферми по физике атомного ядра. Это было так ново и неожиданно, что ребята отложили остальные книги и принялись мечтательно обсуждать «чудо физики».

Старательная подготовка к экзаменам дала свои результаты: по всем предметам Игорю ставили один и тот же балл—пятерку. Преподавателей радовала начитанность Курчатова, его желание обогатить полученные в школе знания дополнительными сведениями о современном состоянии науки и техники. Отвечая Семену Николаевичу Усатому, Игорь кочнулся работ Ферми и вызвал взрыв восторга старого педагога.

— Прекрасно, прекрасно! Оказывается, вы еще знаете не только имя Ферми, но и его труды по физике атомного ядра. Очень, очень похвально. Я всегда верил в вашу звезду физика.—И поставил пятерку с плюсом.

Как и предвещали в свое время директор гимназии, и Семен Николаевич, и Жирицкий, Игорь окончил в 1920 году Симферопольскую гимназию с золотой медалью.

К выпускному вечеру Мария Васильевна приготовила сыну обновку—холщовые штаны и холщовую толстовку, повязанную красным шнуром с кистями. Что-то другое было не по карману, да и не найти сукна. Надев на Игоря холщовую обновку, Мария Васильевна, прикусив нитку, бегло подшивала рукава.

— Ну, как?—обратилась она к мужу.

Василий Алексеевич взыскательно посмотрел на сына и, довольный, заулыбался. Перед ним стоял бронзовый от загара крепшус с умным красивым лицом. Яркий румянец на щеках придавал ему детский вид, зато коротко стриженные бобриком черные волосы накладывали отпечаток деловитости и ранней зрелости.

— Ничего себе вымахал!—одобрительно сказал Василий Алексеевич.—Он помял плечи сына и воскликнул:—Ладный паренек! Мускулистый, крепкий, сразу видать—с Урала.—И тут же вздохнул:—Вот бы тебе и заниматься землей. Рожден для седла.

Мария Васильевна перекрестила сына и подумала: какой бы вышел из Гарика педагог!..

На выпускной вечер гимназисты пришли нарядные и возбужденные. Они радовались—окончили учебную—и стремились: что-то станет в неизвестном будущем? Когда началась торжественная часть, актовый зал, полный цветов, веселого шума и гама, затих не сразу. Игорь вспыхнул и засмутился—назвали его имя, и он вышел за золотой медалью. Посмотрел в зал, смутился, но собрался с духом и сказал слова благодарности гимназии, учителям, родительскому совету.

С напутственным словом выступил Семен Николаевич. Непривычно громко говорил он о новой советской школе, о высокоом призвании выпускников строить новую жизнь, преобразовать после боев гражданской войны весь Крым. Пожелав выпускникам счастья

в новой для них жизни, Семен Николаевич нашел глазами Игоря и, обращаясь к нему, сказал:

— Среди выпускников нашей гимназии есть кавалер золотой медали Игорь Курчатов. Он достоин этой высокой награды за успехи в учении, за трудолюбие и дисциплину. Не скрою от вас, друзья, Курчатов—мой любимый ученик. Игорь проявил большие способности в физике, и я хочу от души пожелать ему стать ученым-физиком.

После торжественной части, задушевных речей Семен Николаевич отыскал в толпе гимназистов Игоря, взял его под руку и на виду у всех пошел с ним по коридору. Ляховицкий, дружок Игоря, даже присвистнул—вот это честь! В разговоре с Игорем Семен Николаевич не настаивал на том, чтобы Курчатов сам отказался от мечты строить корабли,—пожалуйста, стройте, молодой человек, стройте себе на здоровье! Не об этом речь. Речь о том, что если вы хотите стать хорошим строителем флота, то вы должны многое знать и прежде всего физику и математику. Следовательно, необходимо идти в Таврический университет.

В актовом зале заиграл оркестр. Гимназисты шумели и пели, приглашали на вальс девушек, а по коридору не спеша, пожалуй, даже несколько церемонно, ходили преподаватель физики и его ученик. В своей холщовой толстовке, подпоясанной красным шнуром с кистями, Игорь смущался под недоуменными взглядами друзей, не отвечал на знаки Луценко и Ляховицкого: а, мол, оставь Усатого и давай идти на круг вальса, девочки ждут. А приятелям все уши прожужжали девочки: «Где Игорь? Чего к нему прилип физик? Оторвите вы его от него, давайте танцевать!»

Преподаватель физики, все видя и понимая, улыбался и крепче сжимал руку Игоря. В последний школьный вечер, в последние часы дружеского общения ему важно было знать: удалось ли убедить Курчатова?..

Что делать? Быть или не быть?.. Игорь понимал терзания Гамлета. Ему хотелось все бросить в Симферополе и уехать в Питер, в кораблестроительный институт. Но охлаждали советы Семена Николаевича и то, что друзья по гимназии Ляховицкий и Луценко направились на математическое отделение физико-математического факультета Таврического университета, доказывая ему, что фундаментальные знания по физике и математике помогут потом Игорю в кораблестроительном деле.

История Таврического университета восходит к тому времени, когда перед первой мировой войной на Южном берегу Крыма появились дачи профессоров Петербургского, Московского и Киевского университетов. Известные ученые обживали дивный уголок солнечного полуострова. Гражданская война, вторжение германских войск в Крым не позволили им вернуться в родные места. Чтобы не сидеть без дела, ученые организовали в 1918 году в Симферополе Таврический университет, первым ректором которого стал ученый с мировым именем академик Владимир Иванович Вернадский.

Когда в Крыму утвердилась Советская власть, Таврический университет был преобразован в Крымский государственный университет. В связи с отъездом В. И. Вернадского его ректором стал будущий академик Александр Александрович Байков, осуществлявший заветы своего предшественника.

В сентябре 1920 года университет встречал первокурсников. Игорь пришел со своими друзьями Ляховицким и Луценко. В смущении остановились они в вестибюле перед цитами с расписаниями занятий, приказами, объявлениями и извещениями.

— Читайте, братва! Смотрите: лекцию читает сам Байков,—воскликнул Курчатов.—В это же самое время лекцию читает и Иоффе. Как же их обоих послушать?

— Не верится...—со вздохом сказал Ляховицкий.—Знали ученых по книгам, а теперь можем увидеть их живыми на кафедре. Ты прав, Гарик,—в это же время читает у нас Обручев. Знаменитость! Пропускать никого не хочется.

— Есть идея!—Курчатов оглянулся и высказал друзьям свое предложение:—Давайте работать «кочевым методом»—один пойдет слушать лекцию Крылова, другой—Френкеля или Тамма, третий—Байкова, каждый из нас ведет конспект. Вечером собираемся, обмениваемся лекциями, проводим обсуждение. Так что будем знать лекции знаменитостей.

— Принято!—согласился Луценко.

— Это хорошо, что мы вместе,—говорил Игорь.—Прежде всего нужно решить кое-какие организационные дела...

— Талоны в столовку на бесплатную «шрапнель» и хамсу я беру на себя,—объявил Ляховицкий.—И нужно узнать, какие здесь порядочки.

Вскоре Ляховицкий появился с талонами.

— Слушай мою команду! Новости, братцы, таковы. Первая: посещение лекций необязательно. Это раз. Отметки на экзаменах не ставят. Это два. И три—здесь обращаются друг к другу не «товарищ», и не «гражданин», не «господин», а «коллега». —Вот это ты уж, Боренька, свистишь!—запроте-

Афиши рабочих клубов приглашали на диспут о новом быте: может ли комсомолец носить галстук, а советская работница — шляпу? Новый быт давал себя знать везде: театры отказывались от декораций, художники набрасывали натюрморты этого сурового времени с двумя картофелинами, куском хлеба и селедкой. А она, шагая по Петровке в легком пальтишке из полурогожки и старых туфельках на веревочной подошве, хотела предложить новому быту совсем противоположное — организовать ателье мод. Да, сейчас мы думаем о куске хлеба, рассуждала она, но наш трудный день — начало грядущих: когда-нибудь трудящаяся женщина сбросит обноски, старые пальто и шинели, и все увидят, как она красива...

Трифонов, один из руководителей «Москвошвей», мысленно пытался определить, кто перед ним. Они, как и водится, знакомились в разговоре. Отец — металлург, дед — шахтер... Но училась в привилегированной Мариинской женской гимназии... «Сословный» момент Оля объясняет терпеливо: в гимназии было выделено одно место для дочери солдата, сражающегося за

отечество на фронтах первой мировой войны. И она выдержала конкурс.

— А гимназию-то окончила? — спросил Трифонов, внутренне еще сопротивляясь ее натиску: уж очень несолидный вид... В ответ Оля протягивает ему красный мандат организатора выставки общей и кустарной промышленности для делегатов III конгресса Коминтерна: «Всем организациям и учреждениям оказывать О. Сеничевой всемерное содействие». Вот тогда и начался деловой разговор: «Рабочая одежда — это хорошо. Но с текстилем трудно. На складах бархат, парча, меха. У буржуев реквизировано. И средств нет у нас такое ателье оплачивать. Сможете заработать деньги?»

Она решилась. И шестнадцатилетней Сеничевой «Москвошвей» передает материалы, предоставляет кредит. А она (оговаривалось в проекте) обязуется в течение полутора лет оплатить расходы по «Ателье мод»: ремонту, материалам.

Штук бархата и парчи, сваленные на складах, были отчасти подпорченными. Оля не растерялась: пустила этот материал на занавески и обивку мебели, заказанной для демонстрационного зала — бывшей рабочей столовой. А наверху в холодной комнатке уже нача-

лось моделирование одежды. Это была самая маленькая и шумная комната. Споры в ней не прекращались: художники, которых привлекла Оля, были известными. Моделированием, правда, они раньше не занимались и к тому же относились к разным течениям в искусстве. Талантливый скульптор В. Мухина, художница камерного театра А. Экстер, будущий профессор и знаток прикладного искусства Е. Прибыльская, художник К. Петров-Водкин — вот кто, оказывается, стоял у истоков советской моды.

Так и началось — «от противного» в прямом и переносном значении этого слова. Первому советскому «Ателье мод» предстояло создать модели не из ситца и полотна, а сначала из парчи и бархата — для нэпманов. Чтобы вернуть государству все деньги за бархат, парчу и меха, чтобы потом уже начать создавать модели одежды для трудящейся женщины.

И шестнадцатилетняя Ольга Сеничева училась хозяйствовать в сложных условиях разрухи, экономической борьбы с нэпом и в трудной обстановке для нее самой.

О, как капризен тонкий карандаш! Художник перечеркивает эскиз модели,

и тонкая линия ведет что-то стремительное... геометрическое... кубическое...

— Ближе к жизни, к естественной красоте, — бурно протестует директриса. — Не экспериментируйте на живой женщине!

Ах, как они мечтали всего о нескольких миллионах: тогда купят хлеба вдоволь, баночку сардин, по полфунта мяса и вот здесь, в мастерской, среди томного блеска бархата и заячьих мехов, грянет пир!

Большое, неухоженное помещение рабочей столовой преобразилось — теперь это действительно демонстрационный зал с витринами. И модели готовы к первой демонстрации. Вот входят зрители: Антонина Васильевна Нежданова... Анатолий Васильевич Луначарский... Еще художники, артисты, перодовые работницы фабрик «Москвошвей»...

Необычной была эта демонстрация: шел концерт известных артистов, одетых в костюмы ателье мод. Так было задумано.

А на другой день у больших витрин остановились в изумлении прохожие: в просторных «окнах» сидели неподвижно...

— Куклы, что ли? Но как живые! А

МОДА

ПЕРВЫЙ
СОВЕТСКИЙ
ЖУРНАЛ МОД
ВЫШЕЛ
ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД.

ТАКИЕ МОДЕЛИ ОДЕЖДЫ
«АТЕЛ'ЬЕ» ПРЕДЛАГАЛО
СВОИМ ЧИТАТЕЛЯМ.

О. Д. КАШЕНКО
СТАЛА ДИРЕКТОРОМ
«АТЕЛ'ЬЕ МОД»
В ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ.
ТОГДА ЕЕ
И ФОТОГРАФИРОВАЛ
ЭДУАРД ТИССЭ,
БУДУЩИЙ
КИНООПЕРАТОР
«БРОНЕНОСЦА
«ПОТЕМКИН»».

что там такое? Дайте посмотреть!.. Толпа образовалась быстро, росла. Появились репортеры. Движение на Кузнецком, Петровке и соседних улицах остановилось. В давке к входу в ателье прорывались начальник милиции города Москвы и Эдуард Тиссэ, будущий кинооператор «Броненосца «Потемкин». Тиссэ стал требовать интервью, а начальник милиции — «прекратить это».

Реклама сделала свое дело. Открывшаяся продажа одежды превзошла самые смелые прогнозы. Деньги были заработаны!

...Я держу в руках библиографическую редкость — первый журнал мод «Ателье» 1923 года. По привычке заглядываю в выходные данные, читаю фамилии членов редколлегии. Кто же в те годы уже думал, как должна выглядеть советская женщина? Кроме уже названных имен, К. Юон, И. Грабарь, С. Чехонин, А. Бенуа, К. Сомов, Б. Кустодиев. Вот еще одно дорогое имя — Мариэтта Шагинян. В номере ее статья о прялке. Главным редактором журнала была все она же, Ольга Сеничева-Кашченко. В дальнейшем к изданию «Ателье» привлекались К. Федин, А. Ах-

РОЖДЕНИЕ МОДЫ — ЭТО ВСЕГДА МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ЭСКИЗЫ, СПОРЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ.

ТРАДИЦИИ СОВЕТСКОЙ МОДЫ, ЗАЛОЖЕННЫЕ В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ ИЗВЕСТНЕЙШИМИ ХУДОЖНИКАМИ, СЕГОДНЯ ПРОДОЛЖАЮТ МОЛОДЫЕ ТАЛАНТЛИВЫЕ ХУДОЖНИКИ-МОДЕЛЬЕРЫ.

матова, В. Городецкий, Ф. Сологуб, А. Эфрос...

Мы подолгу смотрели с Ольгой Дмитриевной старые модели. Нет, я не смогу осуществить свой первоначальный лукавый замысел — предложить нашим читательницам шить платья по эскизу, скажем, Петрова-Водкина и напомнить, что новое — это то, что хорошо забыто. Эскизы прекрасны, но время все же не возвращает «старое» в точности применимым сегодня. И вошедшее в моду «ретро» всегда современно — мода отвечает представлениям современников о красоте одежды, использует новые ткани и достижения моделирования. Но в старых моделях много деталей, которые вошли в «жизнь» женского костюма, впервые возникнув под карандашом художника в тесной комнатке на Петровке. Они актуальны и по сей день.

И моя собеседница соглашается с этим:

— Да, именно тогда, а не сейчас, как многим кажется, мы начали отделять костюмы окрашенными в разные цвета мехами, кожей, ввели в обиход модели с заниженной проймой рукава, широко использовали детали и форму русского национального костюма, отделку вышивкой. Длина платьев, называемая те-

на работает на станке, рядом с крутящимися частями машин и механизмов.

Она, по существу, говорит о том, что на языке производственников называется требованиями техники безопасности в отношении спецодежды. А к намешкам художников она привыкла относиться философски: через минуту они уже громят друг друга, обвиняя оппонентов в прагматизме, несостоятельности эстетических позиций и прочих грехах. Да и трудно им: никто никогда не моделировал рабочей одежды, потому что ни перед каким государством еще не было такой проблемы — обеспечить спецодеждой женщину-труженицу. Сложная задача: да, пожалуй, соединение брюк и блузы — лучшее для работы. Удобно — не стесняет движений, безопасно — не затянется в машину, ну, а о красоте придется подумать.

Первую модель комбинезона она сама демонстрировала в цехе, перед работницами. В условиях, надо сказать, «не способствующих»: «пролетарка» и «мода»? Несовместимо. Брюки как вид прозодежды будущего? Нет, что придумали! Женские массы тогда, шестьдесят лет назад, наотрез отказались их понять... Но она была упорной. И вскоре художник Б. Кустодиев начинает разра-

батывать модель нарядного брючного комплекта.

Так было. «А дальше?» — спрашиваю я. Нет, она не связала свою дальнейшую жизнь с моделированием. Играла в театре, снималась в кино. И был еще один путь — в ту профессию, которая была на всю жизнь: учеба в институте иностранных языков, в аспирантуре, защита диссертации, заведование кафедрой в Московском полиграфическом институте и работа над созданием учебников.

Слушая ее, я с сожалением думаю, что у нас, работающих женщин, порой абсолютно нет возможности следить за собой: безжалостно растрачивают наше время всевозможные очереди, и сфера услуг еще далека от совершенства. И мало мы думаем о том, что надо быть не только хозяйкой, работницей, проффоргом, матерью, но и чуть-чуть больше — просто женщиной. Но тут Ольга Дмитриевна возражает горячо, как в юности.

— Семья, учеба, работа — все вместе, бывало, так накладывалось друг на друга! Но все-таки находила время, чтобы следить за своей внешностью, за модой.

— Ольга Дмитриевна, кстати, а как вы относитесь к сегодняшней моде?

— Мне очень импонирует разнообразие современной одежды. Оно дает возможность женщине выбрать и носить то, что ей больше всего подходит, определить свой стиль: спортивный, классический, романтический. Лично я всегда предпочитала одежду с мягкими линиями — романтический стиль. И считаю, что он идет любой женщине. Приятно, что этот стиль сейчас в моде. Радует, что сейчас у нас есть много талантливых художников-модельеров — наше «Ателье мод» тогда остро ощущало их нехватку и начало профессиональную ориентацию художников на этот профиль, а затем и подборку специалистов.

Наш разговор то и дело прерывают звонки: договариваются с Ольгой Дмитриевной о том, что она продемонстрирует в каком-то доме уникальную киноленту «Кинохроника мод», снятую Эдуардом Тиссэ; из музея декабристов с благодарностью — Ольга Дмитриевна передала старинную мебель, так необходимую для экспозиции; студентки Московского текстильного института, будущие модельеры, просят встречи...

И она по-молодому рада людям, хотя и жалуется в шутку: на столе — начатая работа, книга об истории развития советской моды.

— Ольга Дмитриевна, что вы пожелаете нашим женщинам?

— Быть красивыми! И если разговор у нас шел о моде, то я прошу помнить: мода создана для женщины. А не наоборот. Пусть она вам поможет чувствовать себя нарядными, стройными, уверенными, красивыми! Одним словом, женщинами!

И МОДА

перь «миди», — это мы вводили еще тогда. И отделку бахромой типа «лапша», а ведь многие считают, что она «изобретена» недавно. Но вот некоторые модели, предложенные нами тогда, стали сейчас, к сожалению, даже слишком актуальными. Я, например, с большим неудовольствием наблюдаю, что женщины сделали брюки универсальным видом одежды: и для спорта, и для работы, и для других случаев жизни.

Мне тут остается только мысленно воскликнуть: «Кто бы говорил!» — и вернуть Ольгу Дмитриевну к событиям тех далеких лет, когда она сама «изобретала» женские брюки.

...Деньги заработаны. Художники иронизируют: «Миллионеры в валенках! Коммерсанты! А на крашенном во все цвета радуги зайце такие деньги, оказывается, можно заработать!»

Теперь основное в «текущем моменте» — рабочая одежда (или, как тогда говорили, прозодежда), пионерский костюм. Как и полагается, сразу вспыхивает спор.

— Ближе к жизни! — опять умоляет директриса. — Рабочая одежда должна быть прежде всего безопасной. Женщи-

И В НЫНЕШНИХ МОДЕЛЯХ НЕМАЛО ДЕТАЛЕЙ, КОТОРЫЕ ВОШЛИ В ЖИЗНЬ, ВПЕРВЫЕ ВОЗНИКНУВ ПОД КАРАНДАШОМ ХУДОЖНИКА В ТЕСНОЙ КОМНАТКЕ НА ПЕТРОВКЕ, В ПЕРВОМ СОВЕТСКОМ «АТЕЛЬЕ МОД».

В МОРЕ Ж

Юрий ФЕОФАНОВ

Наверное, вы помните, читатель, мольеровского героя, который был крайне удивлен, когда узнал, что говорит прозой.

А вот из наших современников вряд ли кто удивится, услышав хорошо всем известную истину: в своей повседневной жизни, совершая самые обыденные действия (покупая что-то в магазине, входя в кино, сдавая пальто в химчистку и т. д. и т. п.), мы вместе с тем всякий раз вступаем в правовые отношения с различными учреждениями или между собой, совершаем юридические акты.

Судите сами. В магазине мы заключаем очень краткосрочный договор купли-продажи. В кино, внося обусловленную плату, мы приобретаем право посмотреть фильм, обещанный администрацией. И в магазине, и в кино, и еще очень во многих жизненных ситуациях мы становимся «стороной», имеющей свои обязанности и свои права, которые точно регламентированы законом.

Чаще всего мы даже и не замечаем, что совершаем правовой акт. Конечно, когда все идет, как положено. Но стоит одной из «сторон» нарушить условия договора, например, вместо объявленного фильма пустить другой, как тотчас назревает конфликт. Мы вправе требовать от администрации кинотеатра выполнения условий договора. Но и она вправе требовать с нас, скажем, соблюдения порядка в кинотеатре, грозя в противном случае лишиться права посмотреть фильм. Мы не вправе, купив билет в кино, требовать циркового представления. В то же время, если кто-то из зрителей нарушает порядок, администратор не может оштрафовать его на сто рублей: в права администрации кинотеатра такие санкции не входят.

Истины это все хорошо известные, но о них иногда забывают. И какой-нибудь по своей сути совершеннейший пустяк вырастает тогда в болезненный конфликт, а то и в человеческую драму. И все из-за того, что одна из «сторон» руководствуется собственным разумением, личным здравым смыслом там, где отношения регулируются законом...

В редакцию пришло письмо от инженера Николая Ильича Б. Касалось оно ну прямо-таки мельчайшего поначалу конфликта. Вот что он писал:

«Дорогая редакция, обращаясь к вам, я надеюсь, что вы не отбросите мое письмо как малозначительное. Хотя друзья и знакомые говорят мне: «Брось, не связывайся и людей не заставляй твоими пустяками заниматься».

Произошло вот что. Мы с коллегой сели в троллейбус, везли сдавать служебную литературу в библиотеку, несколько пачек. Положили книги на свободное сиденье — народу было мало, — сами сели. Товарщик спросил: «У тебя есть талоны?» Я ответил, что есть, сейчас пробую, и начал их искать в кармане. В это время ко мне подошел молодой человек, вошедший через переднюю дверь, и попросил предъявить билеты. Я сказал, что у нас талоны, и я их сейчас пойду законпостирую. Но он почему-то ответил, чтобы я не утруждался их искать. В это время раздался какой-то щелчок, я не обратил на него внимания. Наконец, нашел талоны и законпостировал. Когда мы подъехали к следующей остановке, сидевшая сзади женщина спросила: «Вы здешний?» Я ответил, что да, здешний. Она загадочно усмехнулась и сказала, что я теперь прославлюсь на весь город: «Прожектором вас осветят». Я ничего не понял, просто не обратил внимания на ее слова.

На другой день на работе ловлю косые взгляды, усмешки. В чем дело? Моя фотография, оказывается, висит на центральной улице города. Я побежал туда: действительно, вывешено «фотообвинение». «Комсомольский прожектор» провел рейд с целью проверки дисциплины на городском транспорте. Сфотографировали нескольких «зайцев». Среди прочих нарушителей я увидел и себя. Мою физиономию вывесили на обозрение всего города как безбилетника. Мне удалось разыскать контролера и того активиста-фотографа из «Прожектора». Но сколько я ни добивался, чтобы передо мной публично извинились, никто даже слушать не стал. Фотографию, правда, сняли.

Я возмущен и не могу успокоиться. Коллеги и знакомые говорят: «Даже если ты «зайцем» проехал — велика ли беда». Выходит, сами мои доброжелатели допускают, что я способен быть таким мелочным, чтобы экономить пятаки на транспорте. Нет, я не считаю это мелочью. Это оскорбление, сделанное публично и безнаказанно».

Нет, случай, рассказанный в письме, вовсе не пустяк. Нельзя было оставить его без последствий, и потому мы решили пригласить на беседу контролера и товарищей из пункта охраны общественного порядка, а также активистов «Комсомольского прожектора». Это они совместно организовали и провели рейд.

Прочли им письмо Николая Ильича и спросили, на каком основании они обидели человека.

— А что ж тут такого? — искренне удивлялись они. — Как что? Кто вас уполномочил без суда и следствия, так сказать, человека позорить?

— А у него билета не было — это факт. Мало ли что теперь говорит! А билета-то не смог предъявить...

— Допустим. Допустим, ехал инженер без билета. Кто дал вам право позорить его на весь город? Контролер может оштрафовать безбилетника, это так. Но где записано, что он имеет право вывесить его фото на всеобщее посмешище?

— Все не запишешь, — последовал ответ. — Мы применили меры общественного воздействия. Что же нам — мириться с безобразиями?

Ребята из «Прожектора» были искренни в своих недоумениях. Они считали, что вполне «протащить» любого, с их точки зрения, «нарушителя». Иначе они и не мыслили своей работы. И горячо отстаивали это свое «право».

— А не кажется ли вам, что вы осуществляете самосуд? — спросил я.

— Ну, знаете, если из каждого пустяка делать такие выводы... Мы же хотели как лучше. В смысле, как эффективнее бороться с безбилетниками. А вы нам крылья подрезаете...

Вот такой разговор у нас произошел тогда. Главные аргументы борцов за строжайший правопорядок состояли в том, что «общественности», как они себя представляли, позволено все, лишь бы достичь цели; к тому же случай сам по себе настолько, по их мнению, незначительный, что «даже странно, почему корреспондент приехал, будто нет у него действительно важных и масштабных дел».

Ну что же, согласимся: факт не такой уж и значительный. Тем более что позорящую фотографию сняли, как только обиженный инженер пришел «скандалить». Очевидно, многие из нас на другой день и забыли бы о досадном недоразумении. Но забыть или не забыть — дело, как говорится, частное. А вот способ наказания нарушителя не позволяет махнуть рукой на «ерунду».

Потому что совсем это не ерунда. То, как поступили с Николаем Ильичом, является весьма опасным действием. Имя ему — самосуд. Только так и никак иначе должно расценивать действия «прожектористов», если давать им принципиальную правовую и нравственную оценку. И пусть не смущает никого незначительность наказания. Оно, наказание, очень тяжкое. Ибо для порядочного человека его доброе имя, его честь отнюдь не пустые слова. Пусть в наше время не гибнут, защищая свою честь, люди у дузльных барьеров. Поверьте, многие гибнут, переживая поругание своей чести, от инфарктов. И будь на месте Николая Ильича пожилой чувствительный человек, с ним могло бы произойти самое худшее.

Сложность ситуации еще и в том, что противоправное действие зачастую остается практически ненаказуемым. Ну, представим себе, что инженер обратился бы в суд. Во-первых, не уверен, приняли бы его иск к рассмотрению. А во-вторых, не убежден, что он бы его выиграл. Виновные унижения человека сослались бы на факт отсутствия билета, на «широкую кампанию борьбы с нарушителями на транспорте», на то, что их действия санкционированы пунктом охраны порядка, и т. д. и т. п. В крайнем случае принесли бы извинения в зале суда. А что еще возьмешь с людей, учинивших самосуд во имя «благородных общественных интересов»?

Но разве извинения возместили бы моральный ущерб, причиненный порядочному человеку?

Самосуд преступен всегда, сколь бы мелким он ни выглядел. Преступен потому, что те, кто взял на себя смелость его осуществлять, покусились на прерогативы

вы государства, сами себя возвели в ранг и следователя, и суда, и исполнителя приговора.

Тут, правда, я должен оговориться. Знакомая с теми «прожектористами», настоящими энтузиастами, честными и нетерпимыми ко всякому злу, я узнал о том действительно большом вкладе, который они вносят в борьбу с бесхозяйственностью, за экономию топлива и энергии, против пьянства и распущенности. Когда появлялись фотографии, запечатлевающие мокнущее под дождем дорожное оборудование, разбросанные вокруг новостройки дефицитные материалы, кроме «спасибо», никто «прожектористам» ничего сказать не мог.

А вот в «рейдах по пьянству» случались недоразумения, подобные тому, что случилось с инженером Б. Капельки дегтя все-таки примешивались к тем эффективными мерам воздействия, которые общественность применяла к пьяницам.

— Ну было, ну не того поместили на стенд. Но бывает же орехи? Стоит ли из этого трагедию делать?

Стоит! Человек не груда стройматериалов, даже очень дорогих.

— Тогда как же нам работать, как бороться со злом, если то нельзя, это не позволено? — такой вопрос звучал в нашем разговоре все время. Еще и еще раз он свидетельствует о недостатках правового воспитания тех, кто искренне участвует в обеспечении правопорядка. Парадокс, но, увы, сталкиваясь мы с ним не так редко. И чаще всего именно в сфере бытовых правонарушений, при конфликтах, возникающих в магазинах, столовых, учреждениях культуры и обслуживания.

Как известно, далеко не все антиобщественные или аморальные поступки рассматривает государство в лице судебных или административных органов. Руководители предприятий и учреждений наделены правом наказывать за определенные нарушения. Общественные организации выносят свои «приговоры»; педагог применяет санкции; родитель наказывает своих детей, иногда и ремнем. Но все «преступления и наказания» так или иначе регламентированы. За крупное хищение не будет судить комсомольская организация; не сдержанное перед приятелем слово не станет предметом судебного разбирательства. Если обратиться к борьбе с нарушителями в сфере бытового обслуживания, то и тут, как везде, где применяются санкции, все строго регламентировано. Контролер имеет право оштрафовать безбилетника. Но в его функцию не входит позорить человека на весь город. Кассир в магазине самообслуживания должен беречь товары, но ему закон не разрешает обыскивать покупателей. Это — явное превышение власти, то есть противоправное действие.

Как видим, самосуд предстает не в той классической форме, которую мы, к счастью, знаем только по литературе: скажем, расправа с конокрадами, порка по приговору стариков на сельском сходе и т. д. Но принцип тот же: осуждение и кара человека по своему разумению.

«Хотели как лучше». Это очень опасная фраза, которая полностью исключена из правосудия. Ибо правосудие, то есть суд, действует от строго законной основе. В каких-то случаях судьям может казаться, что «лучше», «полезнее», допустим, лишить человека свободы. Но если статьей кодекса такая санкция не предусмотрена, ее нельзя применить, как бы ни казался отвратительным человек, сидящий на скамье подсудимых. Точно так же должно поступать во всех случаях, когда кто-то в чем-то от имени учреждения или общественной организации обвиняет «нарушителя» или подозревает человека в нарушении правил. Нельзя забывать о прозе правовых норм.

Не следует забывать об этой «прозе жизни» и человеку, права которого в чем-то ущемили и он ищет справедливости. Ее тоже, если хотите, надо уметь искать и не забывать о самом простом, прежде чем бить в колокола возмущения.

В сфере быта, торговли и других видов обслуживания есть четкие правила, регламентирующие работу магазина, столовой, ателье и т. д. Обычно они вывешены на видном месте. Правда, далеко не всегда. Но даже если вывешены для всеобщего обозрения — положи руку на сердце, ответьте: вы когда-нибудь их внимательно читали?

Французы говорят: «Не надо просить у бога того, что может дать юриспруденция». Весьма и весьма акту-

ИТТЕЙСКОМ

альная поговорка! Если вы заметили, в зарубежных фильмах, чуть только на экране возникает какой-нибудь конфликт, герой говорит: «Я посоветуюсь с адвокатом». «Не буду отвечать, пока не придет адвокат». Я далек от мысли переносить порядки и нравы того общества на наш быт. Много разницы. Но кое-чему следует поучиться и у «них». В частности, надежде не столько на бога, сколько на земную, надежную, говорящую прозой юриспруденцию.

Ведь как иногда бывает? Допустим, по «пустяковому» поводу нарушили какое-то право человека — туфли со скрытым дефектом не обменяли, холодильник не ремонтируют, хотя обязаны это сделать, ну и что-нибудь в этом роде. И начинает человек писать — вплоть до самых высших законодательных органов государства. Отнюдь не собираюсь осуждать жалобщика. Его можно понять, ему можно посочувствовать. Но хочется иногда и посоветовать: а может, сначала следовало бы прибегнуть к услугам юриспруденции, то есть к защите закона?

Вот так однажды метала громы и молнии учительница Вера Кошелева. Мужу ее выделили автомашину с ручным управлением, а горисполком отвел участок для строительства гаража неподалеку от их квартиры.

Но как построить гараж? На счастье, узнали, что городское ремонтно-строительное управление заключает договоры на такое строительство. Супруги обрадовались, направились в РСУ и, к великому счастью, без всяких хлопот оформили соглашение.

— Придется авансом уплатить полную стоимость строительства — 1700 рублей, — сказали им в управлении. — А мы к 30 декабря, под Новый год, закончим квартиру для вашего «Москвича».

— Отлично, деньги внесем завтра же. Уж не знаем, как вас и благодарить.

Радостная Вера, как говорится, не глядя подписала договор, внесла сполна деньги, и стали супруги ждать новогоднего новоселья для своего «Москвича». Увы, к Новому году на месте будущего гаража виднелась лишь неглубокая заснеженная яма.

Вера обивала пороги РСУ, просила, скандалила. Ей убедительно объясняли, почему гараж не построен в срок, и обещали принять самые энергичные меры к окончанию строительства. Учительница жаловалась на РСУ в горисполком. Там обещали принять энергичные меры к тем, кто не выполняет обещаний. И все это крутилось на холостом ходу.

И вот, отчаявшись, молодая женщина обратилась в нашу редакцию с просьбой «проткнуть закоренелых бюрократов из РСУ», пристыдить их, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки. Принесла Вера целую кипу копий своих жалоб. Принесла и договор. Стали мы его читать. А там в одном из пунктов графы, которая говорила о правах и обязанностях «сторон», было записано: в случае невыполнения подрядчиком работ в срок подрядчик обязуется платить 0,1 процента заказчику за каждый просроченный день.

— Так, может, нет нужды взывать к совести бюрократов? Почему бы не обратиться с иском к РСУ в суд?

— Ну-у, — замахала руками Вера, — это опять вольнка. Пока заявление, да пока разбор, да пока... — А все-таки давайте попробуем.

Уговорили. Вчитала, как говорят юристы, Вера Кошелева иск к РСУ. Приложила договор — бесспорный юридический документ. «Стороны» были вызваны в судебное заседание. Представитель РСУ привел очень много убедительных объяснений: и о важности выполняемых работ, и о трудовых успехах коллектива, и о нехватке рабочих рук, материалов и т. д. Суд спокойно выслушал красноречивые объяснения ответчика.

— Договор признаете? — спросил председательствующий.

- Признаем.
- Работа не выполнена?
- Не выполнена.
- Суд удаляется на совещание.

Решение суда было таково: уплатить в пользу истца 1850 рублей неустойки — из расчета 0,1 процента стоимости строительства за каждый просроченный день.

— Учтите, — напутствовал председательствующий представителя РСУ, — за каждый день просрочки вам по-прежнему придется платить до конца выполнения ваших обязательств.

Очень и очень была довольна учительница. Хотя перед тем в запальчивости говорила, что ее, дескать, толкают на «бюрократический путь».

Интересен этот пример прежде всего тем, что показывает правовую безграмотность образованного молодого человека. Допускаю даже, что по рассеянности Вера не прочла внимательно договор. Бывает. Это еще не безграмотность. Но она исписала десятки жалоб во все инстанции, когда самое элементарное лежало рядом: зайти в юридическую консультацию и посоветоваться с адвокатом, как быть.

Не привыкли мы к этому самому простому и надежному способу разрешения конфликтов. Когда речь об уголовном деле идет, о крупном споре, тогда, конечно, услугами адвокатов граждане пользуются широко. А во многих бытовых конфликтах ищут пути защиты своих прав где угодно, но забывают о самом простом: о юриспруденции. В то время как квалифицированный совет юриста поможет сориентироваться в сложном море гражданских правоотношений и предостережет от ошибок, от имущественных потерь.

Вот еще одно, к примеру, простое разъяснение нормы права. Если вы дали в долг сумму, превышающую 50 рублей, и не взяли при этом расписки, а должник отказывается вернуть деньги — суд не примет иск к рассмотрению. А если и возникнет такой спор в суде, то никакие свидетельские показания не будут иметь силы. Очень многие «такая постановка вопроса» возмущает. Аргументы приводятся разные — от: «Что ж мне — с приятеля брать расписку?» — до: «Какой же это суд, если не желает установить истину? Разве это справедливо? Ведь я могу доказать...»

Так вот, если вникнуть в существо, то закон, устанавливая формальные правила истребования долга, очень гуманен по отношению к людям, он именно оберегает их деньги от возможных покушений со стороны мошенников. В самом деле, представьте, что некий недобросовестный человек найдет «свидетелей», которые подтвердят, что вы брали у него в долг 100 или 1000 рублей. Как быть суду? И как быть вам? Сумма до 50 рублей небольшая, вряд ли мошенник будет организовывать «свидетелей», чтобы заводить судебную процедуру, а вот если есть возможность как следует поживиться, то, пожалуй, и организует.

Как видим, «формальная» норма весьма и весьма влияет на существо дела. К сожалению, мы часто пренебрегаем требованиями правовых норм, они кажутся нам обременительными, мы хотим сделать «лучше», чем того требует закон.

Да, в повседневной нашей жизни много сложного. Складываются подчас такие ситуации, что и нарочно не придумавешь. Выходим мы из них разными путями, никакой не заказан, кроме одного — противоречащего закону. Закон не мешает, наоборот, он лишь помогает «строить судьбу». Так же, как стандарты и шаблоны на производстве отнюдь не противостоят техническому творчеству, а лишь дают надежные основания для плодотворного полета мысли, так и правовые нормы помогают человеку уверенно себя чувствовать в море житейском, дают ему надежные ориентиры.

Все мы живем среди людей, и, следовательно, наши действия неизбежно отражаются на других. Все мы занимаем какое-то место в обществе: работаем, учимся, участвуем в общественной деятельности, что-то организовываем или же участвуем в организованных кем-то мероприятиях. И всякие наши противозаконные, неправомерные действия неизбежно отражаются на других людях, на интересах коллектива, а в конечном счете и на собственной судьбе.

Первые же законодательные акты, принятые Советским государством после победы революции, были направлены на обеспечение интересов и прав подавляющего большинства населения. С тех пор и до наших дней Коммунистическая партия неуклонно и последовательно проводит эту линию. Авторитет и незыблемость советского закона зиждутся на том, что подавляющее большинство граждан нашего государства находит в нем защиту своих прав, закрепленных в Конституции СССР. В наших законах отражены наиболее существенные категории коммунистической нравственности, важнейшие черты советского образа жизни. Правовые нормы существуют у нас прежде всего для человека. И очень важно пользоваться этим благом. Знать прозу права, извините за некоторую торжественность, чтобы петь песню жизни.

В связи с неотложными семейными обстоятельствами я должен был выехать на несколько дней за пределы города. Администрация отказала мне в предоставлении отпуска за свой счет. Справедливо ли такое решение?

А. ПЕТРОВСКИЙ,
Кинешма

Кратковременные отпуска без сохранения заработной платы могут предоставляться рабочим и служащим только с разрешения руководителя предприятия (учреждения, организации) и их заместителей либо с разрешения других должностных лиц, которые пользуются правом приема и увольнения рабочих и служащих. Такие отпуска даются по семейным обстоятельствам и другим уважительным причинам.

В законодательстве нет исчерпывающего перечня таких причин. Руководитель в каждом конкретном случае принимает решение сам, но если он сочтет причину недостаточно уважительной, в отпуске работнику может быть отказано.

Продолжительность отпуска определяется администрацией с учетом обстоятельств, вызвавших его необходимость. Если работнику нужно съездить в другую местность, время проезда должно учитываться при определении продолжительности отпуска.

Оформление отпуска производится приказом (распоряжением).

Администрация согласна предоставить мне отпуск до истечения 11 месяцев со дня приема на работу. Какой продолжительности будет отпуск и как его оплатят?

В. КОЗИНЕЦ,
Луцк

В тех случаях, когда отпуск в первом рабочем году предоставляется авансом, он должен быть полной продолжительности и с полной оплатой независимо от фактически проработанного времени.

Предоставление отпуска пропорционально отработанному времени разрешается при увольнении с работы и для некоторых категорий специалистов (например, учителей, преподавателей).

В дальнейшем отпуск предоставляется в любое время рабочего года, согласно утвержденному графику, но не до начала того рабочего года, в счет которого этот отпуск дается.

Александр НИКИШИН

Это в песенке жил-был художник один, домик имел и холсты... В жизни немного иначе: жил художник в коммунальной квартире на Маяковке, холсты, впрочем, были. И читал он сыну Илюшке сказку о гномах:

«...Его величество Светлячок, король гномов, примерз к своему трону. С его седой бороды, посеребренной инеем, свисали сосульки, обледенелые брови сердито и грозно топорщились... Королевские подданные, проворные гномики, надвинули на самый нос свои колпачки...»

Сказку «О гномах и сиротке Марысе» написала польская писательница Мария

СКАЗ О СКАЗКАХ

Конопницкая. Она о добре и зле, о вере, надежде и любви.

Сказка — ложь?..

А как же гномы? Ведь они «жили-были». И не где-нибудь в завалащем царстве-государстве, в обыкновенном городе они объявились, чтобы помочь хорошим людям.

Книга была пока в рукописи, и перед художником стояла задача ее проиллюстрировать. И он ее проиллюстрировал. Причем так реально увидел и крошечного короля гномов Светлячка, и его мантию, сотканную из паутинок, и золотую его корону, и скипетр с сияющим бриллиантом, и поход гномов на скрипучей крестьянской телеге изобразил, и животных — злых и добрых, и ученого гнома Чудилу-Мудрилу, и его товарища Хвоцца-обжору, и сиротку Марысю, и всех, всех, всех изобразил так достоверно и живо, что один человек спросил художника не слишком любезно:

— Где вы таких гномов видели? Они ж у вас как живые...

Художник улыбался и разводил руками:

— Действительно, где я их мог видеть?

«О гномах и сиротке Марысе» — первая работа Геннадия Спирина в книжной графике. Все началось с другой книги — со «Сказок тундры и тайги». Потом участвовал в оформлении «Сказки друзей» — это все для «Детской литературы». Для издательства «Книга» готовит сегодня миниатюрное издание П. Ершова «Конек-Горбунок». А для издательства «Детская литература» иллюстрирует сказку «История истинного простофили по имени Грибуль», которую написала известная французская писательница Жорж Санд. Книг у него пока не так уж и много, зато все — сказки.

— За что я люблю сказку? Да ведь в сказках всегда побеждает добро — как же их не любить! Для детей, для их фантазии сказка — богатейший материал. Трудно ли рисовать для детей? Не легче, чем для взрослых, так мне кажется. Некоторые художники считают, что для детей надо рисовать, подражая им, подделываясь даже под них. Для

**ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К СКАЗКЕ
МАРИИ КОНОПНИЦКОЙ
«О ГНОМАХ
И СИРОТКЕ МАРЫСЕ».**

детей я работаю на полном серьезе, призывая на помощь все свое умение. Мой сын Илюша — критик строгий и объективный. Он часто наблюдает, как я работаю. Замечаний не делает, но если ему нравится то, что отец нарисовал, он подойдет, меня обнимет. Это самая высокая оценка, ведь похвала у него от чистого сердца.

Как он работает над книгой? Перво-наперво ознакомление со стилизованным материалом. Например, гномы из

**ИЛЛЮСТРАЦИИ
К СКАЗКЕ
ПЕТРА ЕРШОВА
«КОНЕК-ГОРБУНОК».**

книги Марии Конопницкой живут в Польше. Он тщательно изучал европейское средневековое, народный польский костюм, работы польских художников того времени. Конечно, сказка дает демократичность выбора в работе. Он придумал гномов, их уклад да и реалии — ведь это немаловажно, во что одет король, что носят его придворные, как вооружены и экипированы стражники его величества. Позже уже, когда книга вышла в Детгизе, Геннадий вспомнил: «Когда я начал над книгой работать, вышла заминка с гномами. Какими они должны быть? Карлики? Уменьшенные тысячекратно люди? Патологические существа? Все отменялось! Гно-

**ИЛЛЮСТРАЦИИ
К СКАЗКЕ ЖОРЖ САНД
«ИСТОРИЯ
ИСТИННОГО ПРОСТОФИЛИ
ПО ИМЕНИ ГРИБУЛЬ».**

мы — это добрые сказочные духи, они помогают людям, — но как их изобразить? Как нарисовать существо волшебное и реальное одновременно, крохотное и в то же время могучее? И тут мне в голову пришла мысль: ведь те качества, которыми их наделила писательница — благородство, доброта, справедливость, — это ведь не эфемерность! Я понял, что этой сказкой я смогу еще раз напомнить всем: люди, не теряйте доброты, веры, надежды! Именно такой серьезный подход к вымыслу, к сказке и помог мне в работе над книгой...

Геннадий Спиринов рисует «по правде». Его Конек-Горбунок, летящий над морем-океаном, настолько симпатичен, что начинаешь верить — видел такого конька художник, раз так зримо его изобразил. И Жар-птицу, и Кита, из огромной пасти которого выплывают крошечные кораблики, и Месяца-Месяцовича — все «по правде», все и сказочно и очень близко, реально.

— Ничего, — сказал Спиринову покойный художник, покровительственно хлопав его по плечу рукой, — не всю же жизнь будешь ты работать в такой технике. Надо ломаться как-то, расти...

Расти... Любый художник, вероятно, мечтает о своем росте. Нет, тут Геннадий Спиринов согласен: совершенствоваться можно до бесконечности. Но почему непрерывным условием роста должна быть смена техники?

— Я не веду поиск в техническом разнообразии, я ищу новые пластические решения. А средства для достижения этой цели обновляются и совершенствуются по мере поиска. В книжной графике, на мой взгляд, поиск будет идти всегда. Я, например, не делаю эскизов. Все может меняться в процессе работы. Это мой подход, как-то сам собой сложившийся за годы. Но я с уважением отношусь к художникам, которые делают эскизы. Потому что не люблю противопоставлений «вот так лучше, а так хуже»... Все дело в результате, а дороги могут быть разными.

У каждого художника есть, был и будет всегда свой учитель, свои учителя. Хорошо, если о них можно сказать так, как сказал о своих наставниках известный русский художник Николай Ге: «Учителя были дорогие люди, они были светлые точки нашей жизни...»

Геннадию Спиринову везло на учительской всю жизнь. Первым его учителем стал

Владимир Иванович Взоров — он принял мальчика в изостудию при Дворце пионеров Орехова-Зуева, хотя тот по возрасту на студийца «не тянул»: тут занимались взрослые люди. А как не принять, если Гена Спиринов заболел тогда изостудией: Аполлоны, Венеры, торсы, головы, посуда, крынки, фрукты из воска, драпировки — все то, что составляет обязательную атрибутику изостудий, его покорило. Увидел и не смог забыть.

И футбол — «одна, но пламенная страсть» — ушел на второй план, и стадион «Знамя труда» поменял он на этюды, кисть и холсты. Так начался художник — с любопытства, со случайности.

Потом В. И. Взорова сменил в изостудии Владимир Фролович Безруков, увлеченный педагог и одаренный художник.

Позже Геннадий Спиринов скажет: — Я вошел в мир искусства счастливо. И то, что стану художником, об этом я знал уже тогда.

Потом была мечта о школе «одаренных» детей — так называл МСХШ Владимир Фролыч, который как никто другой поверил в своего самого младшего в

изостудии слушателя. И самые счастливые дни — поступление в МСХШ, интернат, окна которого выходили на дворик знаменитой Третьяковки. Рисовал он порой до утра, нарушая всевозможные инструкции, положения и распорядки.

Окончил художественную школу в 1967 году. Что дальше?

— Николай Иванович Андрееко, наш директор, никак не мог понять, зачем мне понадобилось направление в полиграфический институт. На выпускном говорили о моем поступлении на живописный факультет Суриковского института. А мне хотелось книги иллюстрировать!

В полиграфический он не поступил — не приняли из-за неудовлетворительных оценок. Правда, пилюлю подсластил один педагог, разъяснивший: «Нам «академики-старички» тут не нужны, нам нужна «глина», свежий материал. А вы идите в Суриковский!»

Но вместо Суриковского он поступил в Строгановское училище, где и произошло событие, круто изменившее его жизнь, — он познакомился с Михаилом Матвеевичем Шварцманом, бывшим выпускником этого вуза.

Михаил Матвеевич работал главным художником в специальном художественно-конструкторском бюро при Министерстве легкой промышленности СССР. И пригласил к себе Геннадия Спирина.

— Работа здесь многое мне дала в смысле графической организованности, культуры, вкуса, а самое главное — инициативность в рисовании, страстность, умение жертвовать некоторыми красками ради конечной цели. Именно в то время началось мое самое большое увлечение мастерами Возрождения — творчеством Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля. Позже понял: художник должен иметь школу больших мастеров. Это тот фундамент, на котором каждый художник должен строить свое здание. Не думаю, что великие мастера того времени не надеялись на свое продолжение в будущих поколениях. Эпохи проходят, сменяются стили в искусстве и в архитектуре, но Великое Возрождение не стареет. Учиться у него, у его замечательных мастеров — вот к чему призывал меня и Михаил Матвеевич Шварцман и все мои учителя. Как-то раз Шварцман произнес фразу великого флорентийца Микеланджело: «Берясь за кисть или резец, иного не иду блаженства». Сколько буду жить, буду ее повторять, и сыну, если станет художником, ее завещаю.

Вот и весь рассказ о художнике, который не хотел никого «повторять и повторяться».

О добром человеке, любящем сказку...

ПУБЛИЦИСТИКА

Пример содружества

Книги о пламенных революционерах всегда привлекают внимание молодых читателей. На примерах выдающихся личностей прошлого молодежь знакомится с типичным решением жизненных ситуаций, образцами поведения, отношениями человека к миру, обществу и самому себе.

Перед нами публицистическое повествование о Георгии Димитрове «Один год и одна жизнь» («Современник», 1982 г.). Это итог работы двух журналистов — сотрудников советско-болгарского журнала «Дружба» Илия Николчина (НРБ) и Александра Полещука (СССР).

Эпиграфом к книге авторы взяли слова Георгия Димитрова: «Недостаточно овладеть революционным темпераментом — нужно также уметь владеть оружием революционной теории. Недостаточно знать теорию — нужно также выработать твердый большевистский характер и большевистскую непримиримость. Недостаточно знать, что нужно сделать, — нужно также иметь мужество выполнить необходимое. Надо быть готовым любой ценой совершить все, что действительно служит интересам рабочего класса. Нужно уметь всецело подчинить свою личную жизнь интересам пролетариата. Человечество нуждается в испытанных революционерах...»

Всей своей жизнью, борьбой, поведением в самых сложных ситуациях Георгий Димитров подтвердил верность этим словам. Именно такая идея лежит в основе книги. Авторы поставили задачу собрать дополнительные материалы о жизни этого замечательного человека, еще раз прочитать произведения, вышедшие из-под пера Георгия Димитрова — типографского рабочего, профсоюзного работника, публициста, верного друга Советского Союза, деятеля Коминтерна, главы первого народного правительства Болгарии и Генерального секретаря ЦК БКП. В «Краткой библиографии», помещенной в книгу, — большой перечень литературы, использованной авторами в своей повести. И эти работы, конечно, являются хорошим документальным фундаментом книги.

В книге собраны и выстроены воспоминания соратников по борьбе, родных и близких Димитрова. На первый взгляд, казалось бы, подробности незначительные. Но без них, этих

штрихов к портрету, нельзя представить Человека из народа, Человека партийного товарищества, Человека в семье — счастливого и переживающего горе, Человека, дарящего цветы и добро, внимательного собеседника за столом, на крестьянском поле и в государственном кабинете.

В книге — строки из анкеты, заполненной Димитровым. Вопрос: «Подвергались ли преследованиям и арестам?»

Ответ: «В Болгарии арестовывался много раз, трижды подвергался тюремному заключению, был приговорен к смерти. В Германии — с 9 марта 1933 по 27 февраля 1934 года». Лейпцигский процесс. О нем написано много. Но авторы, взяв за основу дневник Г. Димитрова, который он вел в застенках, попытались короткими его записи расшифровать. В книге помещены выдержки из судебного протокола, газетные репортажи, письма... Читая их, и перед тобой развертывается картина схватки идей коммунизма и фашизма, правды и лжи, человечности и античеловечности...

Книга пришла к читателям. Советским и болгарским. В ней любовь к Советскому Союзу и народной Болгарии. В ней наше социалистическое товарищество, пример творческого содружества.

Владимир ЛУЦКИЙ

ПРОЗА

Дом их детства

«Лицо матери мы вспоминаем по родинке на нем. Лицо земли мы узнаем и помним по крохотной, непрочной точке в пространстве и времени — по дому. Она как почка, которой мы прорастаем к земле... и к тем, кто рядом с нами».

Детство... По-разному складывается оно у людей, разные оставляет о себе воспоминания. Драматично начинается биография у Сережки Гусева, героя повести московского прозаика Георгия Пряхина «Интернат» («Молодая гвардия», 1981 г.). Умирает мать, и он оказывается там, куда девчонок и мальчишек сводят иногда обиде, а чаще всего такие непохожие беды, — в интернате. Сиротами здесь друг друга не называют. «Сирота» тут запрещенное слово.

Трудно однозначно определить тему повести. Сиротство? Нет, думается, что правильнее обозначить ее как преодоление сиротства. И в этом отношении воспоминания автора, бывшего воспитанника интерната, его размышления о сложных нравственных поисках, попытка разобраться в пережитом, понять, как и чем оно вошло в настоящее — все это пронизано, не боимся громких слов, социальным оптимизмом. «Повесть, хотя и имеет подзаголовок «Повесть в записках», хотя и написана как бы изнутри, с доскональным знанием интернатского быта и характеров, никак не является дневниковой — автор умеет отстраниться, отойти от пережитого, увидеть свою жизнь «двойным» зрением — глазами мальчишки и взрослого человека,

для которого бесконечно дорого это нелегкое прошлое, но оно все-таки уже прошлое», — написал в предисловии Чингиз Айтматов.

Живо, достоверно, с любовью выписаны в повести образы ребят — обитателей интерната, которые познают здесь не только школьную программу, но и учатся сложной науке взаимоотношений между людьми, доброте.

Но особенно точен и глубок автор в создании образов тех, с кем сталкивает судьба зачастую таких трудных и, казалось бы, не поддающихся ничему ребят; тех, у кого перенимают они сложные уроки нравственности; тех, кто ведет их в жизнь и учит жизни. Учитель Валентин Павлович Чернышов — фронтовик, прошедший фашистский концлагерь. Учитель с большой буквы, он завоевал искреннее расположение и любовь нескольких поколений своих учеников. А для Сергея Гусева образ Учителя слился в чем-то с хранящимся в памяти дорогим образом родного дома. А дом был когда-то почти у всех, кто жил в интернате — «и, значит, жил вместе с нами... в снах, наяву, в обиде, в беде»...

Проникновенны встречающиеся в повести описания родной природы — особенно просторной, живой, заливающейся в закатный час теплым, сочащимся с горизонта светом, «подступающей близко к тебе, к самой душе степи». Образность и точность присущи языку писателя.

Повесть «Интернат» увидела свет в уже традиционной рубрике «Молодые голоса». Думается, что «голос» прозаика Г. Пряхина крепок и гражданственно зрел.

Дмитрий РУНГЕ

ПОЭЗИЯ

Время поэта

Новая книга Сергея Мнацаканяна «Высокогорье» («Советский писатель», 1981 г.) состоит из восьми разделов, каждый из которых представляется яркой гранью поэтического дарования автора.

Первый раздел — «Ретро» — вводит читателя в относительно недавнее время начала пятидесятых годов, когда над Чистыми прудами звучали вальсы и опляняло чудо первой влюбленности: «Влюбленность детская — она необычайна...» Здесь стихи о работе, о юности, о маме: «Блюминги эти и черные эти домы в послевечерней сумерки поднимали вместе со всеми — провидчески и огромно — слабые руки, хрупкие руки мамы...»

Второй раздел книги — «Странствия небесные и земные». Название говорит само за себя: это стихи из дальних и ближних странствий, поездок по нашей стране, стихи о дорогах, встречах. Тверь и Дальний Восток, «выюги над Волгою», поля и

леса Родины — география исканий поэта. Странствия дарят ему чувство простора и глубины.

Далее следует цикл «городских» стихотворений «В снегах — троллейбусы и века». Сергей Мнацаканяна, что называется, городской поэт, он остро чувствует природу и архитектуру большого города, родной Москвы, знает заботы и тревоги своих спутников по жизни; в его городских стихах качаются трамваи, светятся вечерние экраны телевизоров, кричат сирены «Скорой помощи»...

Поэт обращается и к земле своих предков — Армении. В разделе «Армения. Аисты» он воссоздает яркие картины армянской земли, посвящает взволнованные стихи быту и бытию тружеников гор:

И никакой здесь не надо веры, кроме работы на сквозняках, кроме судьбы без конца и меры, кроме шершавой лозы в руках.

Читатель обязательно почувствует, как важен для автора один из завершающих разделов книги, «Рискованное дело», строки которого посвящены проблемам творчества, познанию мира, раздумьям о современности. Не зря «и с времени стирался грим» и жизнь открывалась поэту во всем своем полифоническом многообразии: «Пусть гремит эта жизнь и грохочет, и рыдает и слезно хохочет, только пусть никогда не молчит».

Такова продуманная и напряженная конструкция новой книги поэта. Такова и подлинно глубокое постижение жизни, современности, человеческих судеб в творчестве лауреата премии Московского комсомола поэта Сергея Мнацаканяна.

Павел ГУСЕВ

ЮМОР

Под знаком злободневности

Эти небольшие по объему издания приносят молодым писателям радость, даже если у начинающего автора есть в активе первая книжка. Ведь напечататься в «Библиотеке Крокодила» — своего рода сатирическое крещение. Его удостоился недавно и молодой писатель Владимир Свиридов — в крокодильской серии вышла его книга «Пароль меняется».

Уже первые юморески Свиридова свидетельствовали: в сатиру идет человек одаренный. В каждом рассказе Свиридова есть острая тема, зорко подмеченный факт, запоминающиеся характеры персонажей. Причем ситуация, выбранные автором, порой не покажутся юмористическими — такое встречаешь в самой обыденной жизни. Не ищет автор и эффектных, но формальных приемов повествования, не стремится к закрученному сюжету. С очень мягкой, доброжелательной интонацией пишет он чудачковатых своих героев.

Вот профессор из рассказа «Наживка» — в заботе о собственном здоровье герой невольно оказывается зачinate-

лем благоустройства двора своего дома; вот бухгалтер Анисимов из рассказа «Великий мастер» — увлечение скульптурой ставит его в комические положения, при этом писатель заостряет перо скорее в сторону тех, кто не чист душой.

В ином ключе решены юморески «Автограф» и «Проблема», рассказ «Пароль меняется». Жесткий юмор, злой смех нацелены в них на расхитителей из некоей «точки общепита», на рвачей и горе-начальников, в поте лица желающих «порадеть родному человеку».

Владимир Свиридов умеет не только подмечать комические ситуации, но и четко разграничивает, какие из них могут вызвать добрую, чуть лукавую улыбку, а какие — желание острым жалом сатиры уничтожить, искоренить порок. Отсюда, от гражданского взгляда молодого писателя, и его широкий творческий диапазон.

Михаил АНДРАША

ПЕДАГОГИКА

Давай прочтем с тобой вместе

Я собирала двухлетнюю дочку в ясли. Муж мимоходом заметил: «Почему у Кати платье без воротничка? Некрасиво». Вот же: я этому совсем не придавала значения. А для мужчины, оказывается, это мелочь важнее многих иных проблем. Проблемы с появлением в семье ребенка возникают на каждом шагу. А знаний по педагогике у молодых родителей не хватает. Вот тут и хорошо изучить полезную книжку — «Календарь для родителей» («Педагогика», 1982 г.). Это ежегодное издание по вопросам воспитания детей в семье, на страницах которого выступают известные советские ученые, педагоги, психологи, учителя, писатели, журналисты. Ведь наша семья сегодня стала предметом пристального изучения целого ряда наук: педагогики и социологии, демографии и психологии, этики и экономики.

Как встретить дома новорожденного, как организовать учебную и труд школьника, приготовить воскресный обед — об этом узнают читатели из нового выпуска. А разве не интересно вспомнить народные игры, забавы, спеть своему ребенку давно забытую «баюкательную» песню, открыть дома детское ателье? И это должны уметь молодые родители.

Дети думают, что взрослые — «всезнайки». Они каждый день открывают мир в себе самих и верят в нашу мудрость и всеисиле. Им нравится задавать нам вопросы, и часто они спрашивают о том, о чем мы давно забыли, о чем сами себя давно перестали спрашивать. Ответить на многие их простые и сложные, каверзные и неожиданные вопросы поможет «Календарь для родителей», который мы рекомендуем папам и мамам читать вместе.

Ольга САСОРОВА

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

НЕТ — ВОЙНЕ!

Каждый год западногерманская федеральная почта выпускает специальные марки. Вот один из проектов — он предложен на 1984 год молодежным комитетом профсоюза почтовых работников. Надпись на почтовом знаке — призыв не допустить новую войну.

Согласятся ли руководители почтового ведомства ФРГ осуществить предложение своих молодых коллег — выпустить антивоенную марку?

«ЭЛАН», ФРГ

НОВАЯ СТОЛИЦА ЯПОНИИ?

Японские власти возобновили обсуждение проекта 20-летней давности относительно перенесения столицы страны в другое место. Основным аргументом в пользу такого решения является чрезмерная перенаселенность Токио. В настоящее время вместе с ближней периферией город насчитывает 27 миллионов человек, а к концу текущего столетия число жителей достигнет 35 миллионов! В таком гигантском мегаполисе практически невозможно осуществлять четкое снабжение населения, обеспечение водой да и вообще нормально вести городское хозяйство.

Другой причиной дискуссии о переносе столицы является возможность сильного землетрясения, которого опасаются ученые, наблюдая высокую сейсмическую активность в данном районе. Образован комитет из 18 высокопоставленных государственных чиновников, которые должны разработать до 1984 года окончательный проект переноса столицы. После рассмотрения в правительстве этого предложения судьба главного города страны будет решена.

«ТАЙМ», США

«ДОМ БАХА»

Чтобы как-то скрасить унылое однообразие стен типовых зданий, в ряде стран в последнее время все чаще стали украшать их живописью. Иногда это красочные орнаменты, иногда исторические сюжеты, иногда портреты известных людей. Так, например, во французской столице стена одного из домов украсилась портретом Иоганна Себастьяна Баха. Это здание парижане сразу же окрестили «домом Баха».

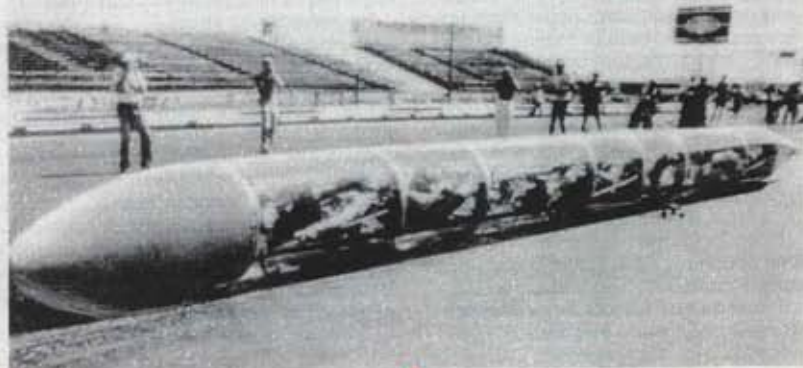
«ЮМАНИТЕ», ФРАНЦИЯ

Подтверждение легенды

Согласно легенде, жители Помпеи и Геркуланума не стали жертвами извержения Везувия, происшедшего 2000 лет тому назад, а были заблаговременно эвакуированы до того, как эти два города оказались засыпаны вулканическим пеплом. К тако-

СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ ПЕДАЛИ

Какой скорости может достичь педальный аппарат — велосипед или нечто подобное, — приводимый в действие мускульной силой ног? В Массачусетском технологическом институте в Бостоне, США, сконструирована 13-метровая «скользящая

«ПОМОГИТЕ ДЕТРОЙТУ!»

Среди городов США, которые в течение многих десятилетий рекламировались в качестве символа «благополучия» американской экономики, ее динамичности и стабильности, неизменно фигурировал Детройт, штат Мичиган, — столица автомобильной промышленности Соединенных Штатов. И вот сегодня «автогород» оказался в списке промышленных районов Америки, наиболее тяжело пораженных безработицей. Хвастливые рекламные закливания забыты — мэр города с благодарностью принимает посылки с продуктами и поношенной одеждой, присылаемые из других городов США и из-за рубежа. В Детройте объявлено чрезвычайное положение.

«ШТЕРН», ФРГ

Детройт. Благотворительная похлебка для безработных.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

му выводу пришли итальянские археологи после детального изучения части корпуса судна и останков воина, найденных недавно в ходе археологических раскопок.

Судно, утверждают ученые, входило в состав флота, осуществлявшего эвакуацию людей, а воин погиб, выполняя долг по спасению своих сограждан.

сигара», которую приводят в движение пятеро спортсменов. На автотреке была достигнута скорость 65 километров в час, что отнюдь не было воспринято как предел, тем более что не все оказалось в порядке с цепями. Изобретатели из Бостона рассчитывают побить мировой рекорд, установленный на педальном тандеме, — он составляет 101,3 километра в час.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

НАХОДКИ В МЕХИКО

В мексиканской столице уже не первый год археологи ведут изыскательские работы: ведь Мехико находится на том месте, где некогда располагалась столица ацтеков — легендарный город Теночтитлан. Недавно в ходе раскопок на одной из центральных площадей обнаружена целая галерея каменных статуй.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

КОЕ-ЧТО О ВОЗДУШНЫХ ЗМЕЯХ...

Запуск воздушного змея в странах Дальнего Востока не просто детская забава. Часто это спорт, а порой ритуал.

В Новой Зеландии, в Маорисе, запускают змея над деревней для того, чтобы показать, что у них все спокойно и хорошо. Если змей оторвется и будет унесен ветром, то это считается дурным признаком, так что жители деревни отправляются на его поиски иногда за многие километры. Однако корейцы, например, любят, когда запущенный в воздух змей уносит ветром неизвестно куда. Они обычно перечисляют на полосках бумаги все свои невзгоды и горести, прикрепляют этот «реестр» к хвосту змея и перерезают бечевку. Считается, что беды и неприятности вместе со змеем уносятся ветром прочь...

В Японии воздушные змеи запускаются в таком количестве, что министерство энергетики вынуждено тратить крупные суммы, чтобы очищать от запутавшихся змеев линии электропередачи.

«АКАХАТА», ЯПОНИЯ

Работает ветер

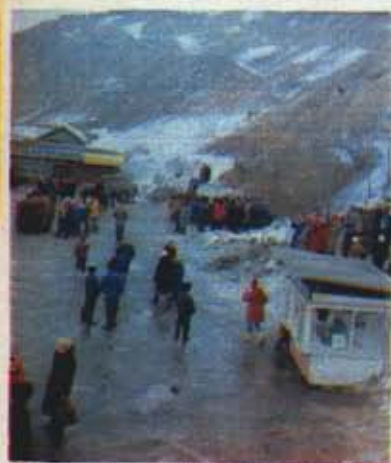
Самая большая ветряная электростанция в мире построена в Швеции. Ее мощность 3 миллиона ватт. Лопастей ветряка (они находятся в горизонтальной плоскости) изготовлены из плексигласа и имеют длину 40 метров. Оптимальная скорость вращения — 25 оборотов в минуту.

«ЛАНД ОГ ФОЛЬК»,
ДАНИЯ

О ЧЕМ МОЛЧАТ

ВОСЕМНАДЦАТЬ ГРОТОВ,
ОДИН НЕОБЫЧНЕЕ ДРУГОГО,
ВСТРЕЧАЮТ ТУРИСТОВ
НА ПОДЗЕМНОМ МАРШРУТЕ.

ЕДУТ ЛЮДИ
В ДРЕВНИЙ КУНГУР,
ЧТОБЫ ПОЛЮБОВАТЬСЯ
СОКРОВИЩАМИ
ЛЕДЯНОЙ ГОРЫ.

Яков КАГАНОВ.
Фото
Игоря КОНСТАНТИНОВА

Отворилась массивная дверь, и мы шагнули в бетонированный туннель. Сорокаметровый путь ведет вниз, в подземелье. Наконец вот он, первый сказочный дворец Кунгурской пещеры — грот «Бриллиантовый».

Нежные и хрупкие на вид кристаллы сверкают, словно драгоценные камни. Сплетаясь, они образуют замысловатый узор крупных листьев, контуры невиданных диковинных фигур. Все это украшает своды роскошной бахромой, сплетенной, казалось, неиссякаемой фантазией доброго волшебника. А чуть дальше, в глубине, искрится застывший на веки вечные водопад. И стоят поодаль, тянутся вверх причудливые силуэты, напоминающая то резной подсвечник, то элегантно-тонкий сосуд, а то и вовсе очертания человека. Быть может, это и есть та самая девушка из легенды?

сталактиты

...Давным-давно жила красавица. Холодная и неприступная, она мечтала лишь о богатстве. Прослышал о том пещерный дух, что обитал в недрах Ледяной горы, и заманил ее к себе, посулив несметные богатства. Но вскоре поняла красавица: без людей, пусть и при богатстве, счастья нет. Да поздно было: исчез дух, оставив ее сторожить пещеры навечно.

Легенда легендой, но и поныне Ледяная гора белеет скалистыми обнажениями гипсов на правом берегу речки Сылвы. В ней и находится Кунгурская пещера — уникальный памятник природы Урала. До 200 тысяч туристов бывают тут ежегодно, и привлекают сюда людей иные, нежели ту красоту, сокровища — великолепие снежного убранства подземных залов, удивительные сталактиты, сталагмиты и сталагнаты.

Об интересной истории пещеры экскурсоводы рассказывают путешественникам еще перед входом в туннель. По преданию, здесь зимовал в 1578—1579 годах легендарный Ермак, после чего и возникло первое русское поселение на Сылве. Археологи раскопали на Ледяной горе, где сохранилась площадка древнего городища, железные и костяные наконечники стрел, украшения, обломки старинной посуды — следы так называемой Сылвенской культуры «остяков» IX—X веков. Первый план подземных ходов составили посланцы Петра I — картографы Семен и Леонтий Ремезовы. Однако первый советский исследователь пещеры Александр Тимофеевич Хлеб-

ников открыл еще немало новых гротов и дал им названия.

А теперь — вниз, в подземелье...

По замысловатым коридорам, протяженность которых 1300 метров, нас ведет молодой экскурсовод Марина Косолапова. Из грота «Бриллиантового» попадаем в «Полярный», где температура никогда не поднимается выше нуля градусов. И оттого влажный воздух, охлаждаясь, расписывает своды ажурными узорами кристаллов. Здесь, как и повсюду, в стены вмонтированы прожекторы, излучающие разноцветную гамму лучей желтого, голубого, зеленого, оранжевого. Фериический свет обволакивает снежные кружева и ледяные скульптуры.

Восемнадцать гротов — по существу, настоящих дворцов! — на туристском маршруте, и каждый из них чем-то примечателен. Через «Руины» и «Геологов» проходит температурная граница: в глубь пещеры температура постепенно повышается до плюс 5 градусов, к выходу опять понижается. В «Эфирном» — самая высокая органная труба — более двадцати метров, в «Дружбе народов» — самое большое и прозрачное из подземных озер, а в двухзальном «Крестовом» — никогда не тающий сталагнат...

Сюрприз ждет нас в гроте «Метеорном». Гид просит остановиться у подножия каменной осыпи и... выключает свет. Наступает абсолютная темнота. Вдруг мрак прорезает огненная полоса — это включена замаскированная подсветка. Багровые отблески падают на стены, и впечатление такое,

будто проносится комета, оставляя за собой яркий след.

Кажется, что внутри Ледяной горы нет никакой жизни. Лишь точит камень минерализованная вода, да тают и вновь растут белые свечки. Но ученые местного стационара АН СССР, которые исследуют пещеру, нашли в озерах мелких рачков, а в гроте «Коралловом» необычные грибы, внешне похожие на шампиньоны. В гроте «Атлантида» однажды проросло семя подсолнуха, случайно занесенное сюда, на целых пять сантиметров!

Каковы перспективы использования пещеры? На этот вопрос ответил нам директор Кунгурского бюро путешествий и экскурсий Анатолий Теклюк:

— Сейчас разведано в общей сложности 5600 метров подземных ходов, так что резерв у нас большой. Благоустроиваем, например, новый экскурсионный маршрут, который удлинит ныне действующий на 500 метров. Прибавится еще пять гротов. Рядом с Ледяной горой завершается строительство туристского комплекса: гостиница на 350 мест, ресторана, лыжной базы, лодочной станции. Перед входом в пещеру будет сооружена крытая галерея, там разместятся кафе, сувенирные киоски.

...Когда мы вышли на улицу, на площадке по-прежнему теснились экскурсионные автобусы. Люди едут и едут в древний город Кунгур, чтобы полюбоваться сокровищами Ледяной горы — замечательным творением природы.

Музыка Ариф Мирзоева. Стихи Расула Гамзатова.

Музыка Ариф Мирзоева. Стихи Расула Гамзатова. The score consists of vocal lines and piano accompaniment. The lyrics are in Russian and are repeated in Cyrillic below the score.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Музыка Ариф Мирзоева

Стихи Расула Гамзатова

Перевод Наума Гребнева и Михаила Владимова

Мы вместе бродили
по лесу снегами,
Один я теперь, но понять не могу:
Как вышло,
что рядом с моими следами
Твоих я не вижу следов на снегу?

ПРИПЕВ:
Я слышал: здесь только что
песни звучали.
Не ты ли мне пела,
а лес повторял?
Твои онемевшие пальцы не я ли
В ладонях горячих своих согревал?
Бежала тропой,
раскрасневшись от стужи.

Дразнила меня:
догони, не боюсь!
И если сейчас не тебе, то кому же,
Сбиваясь, читал я стихи наизусть?

ПРИПЕВ.
Со мною ты шла
по снегам непримятым.
Но где же твой след —
отыскать не могу.
Ты в мыслях со мною,
а мысли крылаты:
От них не бывает следов на снегу.

ПРИПЕВ.

КРОССВОРД

Составил В. Ручий, Воронеж

По горизонтали:

6. Полный успех, победа. 8. Персонаж комедии А. Н. Островского «Бешеные деньги». 11. Зверек, обитающий в пустыне. 12. Реплики в сторону зрителей в спектакле. 13. Герой гражданской войны. 17. Северная чайка. 18. Советская детская писательница. 19. Раздел стиховедения. 20. Положение, устав. 21. Русская мера длины. 22. Герой грузинского народного эпоса. 23. Советский лыжник, олимпийский чемпион. 24. Характер, темперамент человека. 25. Старинный город в Испании. 29. Поэма И. С. Тургенева. 31. Морское путешествие. 32. Лечебное иглоукалыванием. 33. Комнатное растение.

По вертикали:

1. Горизонтальная горная выработка. 2. Вокальное произведение для одного голоса. 3. Разновидность очков. 4. Пьеса М. Горького. 5. Морская промысловая рыба. 7. Возможность осуществления, допустимость. 8. Рассказ М. А. Шолохова. 9. Расположение пальцев при игре на музыкальном инструменте. 10. Род литературы. 12. Река на Памире. 14. Богатая хлебодородная область. 15. Порт в Японии. 16. Пленка на сильно нагретом металле. 26. Странствующий певец в Древней Греции. 27. Норвежский исследователь Арктики. 28. Разрядка международной напряженности. 30. Химическое соединение вещества с кислородом. 31. Карандашный чертеж машины, детали.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 5

По горизонтали:

1. Слайд. 4. Микст. 7. Фанфара. 8. Люстрин. 10. «Аэлитта». 11. Крона. 14. Щелкон. 16. Грифель. 17. Гете. 20. Дюйм. 21. Конструктор. 23. Бандер. 24. Вейник. 25. Норов. 26. Лабаз. 27. Состав. 30. Торшер. 33. Филодендрон. 34. Меря. 35. Хром. 37. Исполин. 41. Виадук. 42. Ковет. 43. Химера. 46. Триполи. 47. Артикль. 48. Мажор. 49. Орлан.

По вертикали:

1. Соната. 2. Афар. 3. Драпри. 4. Мулине. 5. Кесь. 6. Терьер. 7. Фультон. 9. Ноктюрн. 10. Ангоб. 11. Красноводск. 12. Офорт. 13. Александрит. 15. Намек. 18. Боровик. 19. Доватор. 21. Кенаф. 22. Резон. 27. Сомов. 28. Сервант. 29. Чехов. 31. Шершень. 32. Румба. 36. Туризм. 38. Пиолитр. 39. Легато. 40. Циркон. 44. Морж. 45. Этил.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.
Телефон для справок: 212-15-07.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 17.02.83. Подписано к печати 02.03.83. А 02649. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 860. Заказ № 285. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Владимир Сальников

Трехкратный чемпион Московской Олимпиады, рекордсмен мира на трех дистанциях в плавании вольным стилем, лучший спортсмен страны по итогам 1982 года Владимир Сальников перед вами. Спустя мгновение после того, как щелкнул затвор фотокамеры, он начал очередную штурм рекорда. Вот бы знать заранее, будет ли рекорд? Но этого не знает никто, даже он сам, даже его тренер Кошкин...

Сальников так рассказывал мне о предощущении рекорда:

— Уверенности, что сегодня установлю его, не было и нет. И если даже чувствую в себе силы, запрещаю себе думать о рекорде. На дистанции же все зависит от реакции трибун. Особенно когда плыть последнюю сотню. Если стоит гул, мелькнет мысль, что может получиться...

Человек не машина, даже если этот человек — чемпион чемпионов. Марафон в 1500 метров Сальников плывет в рекордную силу лишь два-три раза в год, на большее не хватает даже его «абсолютного здоровья». И все равно метров за триста до финиша наступает

мертвая точка, когда нет сил шевельнуть ни рукой, ни ногой, и приходится плыть, вымучивая каждый гребок, побеждая не расстояние и время, а самого себя.

— Что считаете главным в характере пловца, готовящегося к мировому рекорду? — как-то спросил я его.

— Терпение, — последовал незамедлительный ответ.

— А есть ли черта характера, которую вы развили плаванием?

— Умение терпеть.

Мне доводилось слышать от коллег, что с Сальниковым не получается разговор по душам, что вечно он над чем-то думает, постоянно ищет ответ на, казалось бы, простой вопрос. Лишь когда мы познакомились поближе, я понял, в чем дело: он не признает легкомыслия, нахрапистости, это не высокомерие «звезды», а уважение к своему труду. Он привык во всем добираться до сути, и уж если что делает, то только основательно. Так в плавании, так в учебе, так в выполнении нелегких обязанностей капитана и комсорга сборной страны. И если уж учить английский, то так, чтобы сдать на диплом переводчика... Он и ответил быстро на те два вопроса лишь потому, что сам не один раз, видимо, задавал их себе, чтобы себя же понять.

Но все-таки можно угадать, когда он идет на рекорд. Если поверх двух тренировочных костюмов укутан в халат, если вышел к стартовой тумбочке в шапочке и перчатках, чтобы живительное тепло не растерять, — значит, готов к высокому результату.

А если еще и Игорь Михайлович Кошкин, когда на марафонской дистанции Сальникову остается метров 400 до финиша, снимает часы и кладет на стул, — значит... значит, быть рекорду. Ведь тогда по традиции и тренера окунут в счастливую воду. Потому что только тогда полное счастье победы, когда делит его с тобой учитель

и друг. Или, может быть, сперва друг, а потом учитель?

Громкая известность не то чтобы тяготит Сальникова, но часто смущает его... Наши пловцы выступали в Барселоне. В тот день испанцы променяли корриду, чтобы увидеть самого Сальникова. Он выиграл заплыв, и после награждения к нему выстроилась огромная очередь за автографами. Однако представительниц прекрасного пола не удовлетворил росчерк пера, они потребовали и поцелуй. Зал, поддерживая землячек в этом начинании, начал доносить считать поцелуй. Смущенный до нельзя, зардевшийся маковым цветом, Сальников стоял и... исправно чмокал в щечки. Что поделаешь — слава... Только потом уж выдохнул: «Ну и работенка...» Смешно? Но ведь никогда, ни в одном городе, ни после самого трудного заплыва ни одному человеку не отказал в автографе, в общении...

Разговор по душам не получается лишь тогда, когда вопросы ему задают шаблонные и шаблонных же ждут ответы. Однако пришлось и мне однажды задать ему тривиальный вопрос:

— Кем вы станете после завершения спортивной карьеры?

Ожидал услышать — тренером. Тем более что он аспирант в Ленинградском институте физкультуры. Тем более что у него перед глазами ярчайший пример Кошкина.

— До сих пор не решил, — был ответ. — Знаю только, что работа будет связана со спортом. А смогу ли стать тренером, покажет время. Пока уверенности, что смогу быть таким тренером, каким хотел бы, в себе не чувствую. У меня слишком много чисто соревновательного, спортивного опыта, и боюсь, что начну подстраивать учеников под себя — каким сам был. Для тренера это недопустимо. Надо каждому ученику помочь стать таким, каким именно он может и должен стать.

— Какова же ваша самая большая мечта?

— Найти себя в будущей работе, как нашел в спорте. Чтобы чувствовать, что я нужен именно здесь. И чтобы получать от работы удовольствие.

В этих словах весь Сальников.

Александр ЕЛИСЕЙКИН

Фото Юрия СОКОЛОВА

